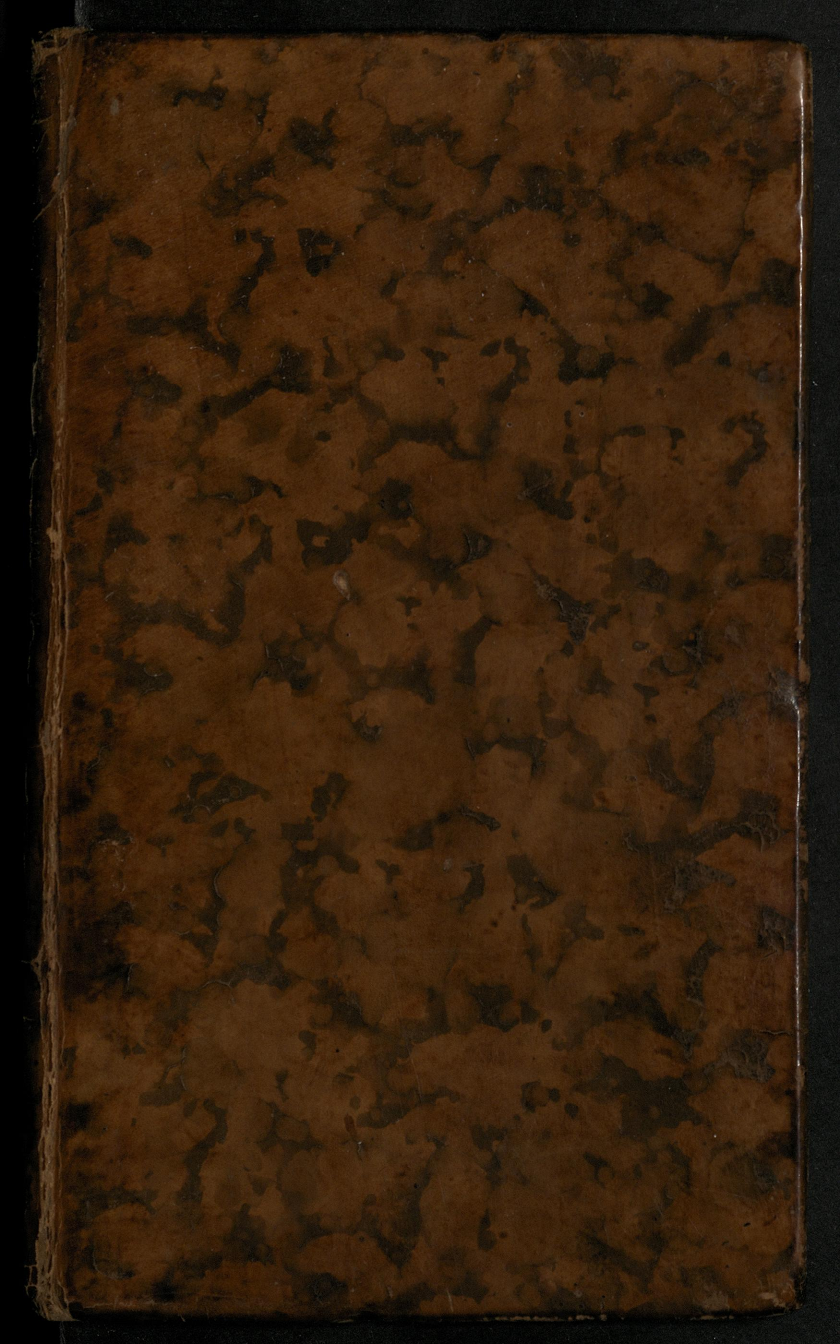

[redacted]
МУЗЕЯ
ЦЕРКОВНЫХЪ
[redacted]

Ивана Лавинаева

ЧЕРНОЙ ИВАНЪ,

или

НЕЛЮДИМЪ.

J'entre en une humeur noire, en un chagrin profond,
Qaand je vois vivre entr'eux les hommes comme ils font.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи
у Ридигера и Клаудія.

1795.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Черной Иванъ, или Нелюдимъ*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ, и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

Оглавленіе матерій, содержащихся въ сей Книгѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛА-

ГЛА-

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛА-

ГЛА-

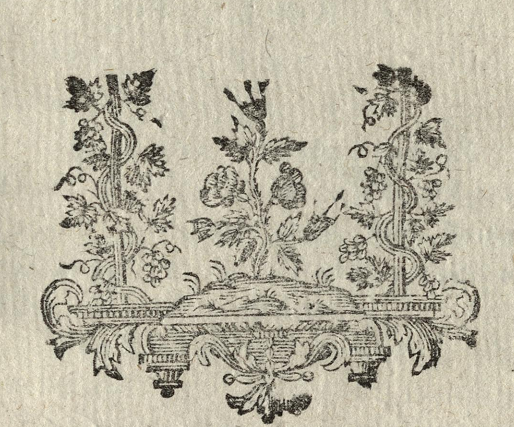
КНИГА ТРЕТІЯ.

ГЛА-

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стран.

ГЛА-

ЧЕРНОЙ ИВАНЪ
ИЛИ
НЕЛЮДИМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ГЛАВА I.
Рожденіе Чернаго Ивана.

Хотя перерылъ я всѣ книги и рукописи въ библіотекахъ...., но къ нещастію не могъ добраться, въ которомъ году мой Витязь появился на свѣтъ: объ этомъ всѣ Лѣтописцы умолчали.

Стихотворцы, у коихъ мало знакомства съ Эрами и Календарями, примѣтили, что во время Нелюдимова рожденія Ѳетида не нашутку закручинилась о долгомъ отсутствіи Феба; изъ чего по Логикѣ догадываюсь, что родился

онъ въ тотъ самой часъ, какъ солнце вступало въ знакъ Рака, на двадцать осьмой градусъ, двадцать осьмую минуту наклоненія Сѣвернаго, а попросту сказать двадцатаго Іюня.

Ученые столь же долго не могли точно опредѣлить Ивановой отчизны, какъ и Гомеровой: они напередъ написали до полдюжины разсужденій, а по томъ уже изъ нихъ заключили, что мѣсто рожденія его есть деревня Гульмъ, находящаяся въ Ландегульскомъ приходѣ, и зависящая отъ Ессуинцовъ побѣжденныхъ самимъ Цесаремъ; — сего преданія и я придерживаюсь.

Мать его не понедѣльничала, ни по обѣщанію не странствовала по святымъ мѣстамъ съ тѣмъ, чтобъ Богъ даровалъ ей такое дѣтище; не было у нее и на умѣ объ немъ; Анденскіе, Бланш-Ландскіе и Екувскіе отшельники не предвидѣли

вожделѣннаго Иванова рожденія; оно подобно было молніи, и на соблазнъ всему приходу.

Но между тѣмъ, какъ никто не помышлялъ о такомъ важномъ приключеніи; какъ дряхлой Священникъ въ кухнѣ читалъ свой молитвенникъ, а кухарка приправляла соусъ на сковородѣ, вдругъ одна набожная пустосвятка изо всей мочи закричала на его дворѣ охриплымъ голосомъ.... Ахъ какая новость! .. Кто бы могъ подумать объ этомъ! Примѣръ всѣмъ непорочнымъ нашимъ дѣвственницамъ .... неоцѣненное сокровище нашея деревни. ... дорогая умница, говорила она, входя въ поварню, теперь только родила. ... При сихъ ея словахъ у бѣднаго Священника выпала изъ рукъ книга, а кухарка со страху пролила почти весь соусъ. ... Какъ,

сказалъ добродушный Священникъ, нѣсколько вышедшій изъ замѣшательства, этого до сихъ поръ никто не могъ замѣтить! — Не было ни худыхъ признаковъ, ни перешептовъ, ни соблазнительныхъ бесѣдъ. — Хотя бы кто на смѣхъ сказалъ что нибудь о семъ въ зимніе вечера! — Да и какъ самая родильницына мать, сія Сивилла всего нашего прихода, сія великая Физіогномка, читающая на лбу у молодыхъ женщинъ всѣ секреты ихъ, толщину женскаго стана столь вѣрно измѣряющая, и точно отгадывающая часъ родинъ, въ семъ случаѣ ничего не могла угадать.

Наконецъ Священникъ съ своими собесѣдниками, по маломъ размышленіи, весьма удивлялся, какъ еще скорѣе не случилось сего съ такою дѣвицею, которая вездѣ ходила одна безъ подружекъ по домамъ кроить верхнее платье,

шить фуфайки; которая обкладывала свои чепцы широкими кружевами, каждой день рядилась въ модное голубое платье, и бѣлую грудь свою украшала прелестными косынками; словомъ, которая желала быть первою щеголихою въ свѣтѣ.

ГЛАВА II.

Родословная его.

Въ спальни, гдѣ лежала родильница, великой шумъ происходилъ. Всѣ любительницы новостей, пряхи и колпашницы немедленно прибѣжали поздравить родильницыну мать со внучкомъ, также освѣдомиться о здоровьѣ дочери ея, и узнать родословную новорожденнаго. . . Ну голубушка, изрядная ты надзирательница надъ молодыми дѣвушками, кричали онѣ

всѣ вмѣстѣ; всякой съ охотою поручитъ тебѣ въ смотрѣніе своихъ дочерей. Естьли бы моя .... но нѣтъ; — никогда въ нашей фамиліи .... естьли бы моя плутовка нанесла такое безславіе мнѣ и такое безчестіе своимъ маленькимъ братьямъ, я бы переломала ей и руки и ноги. — И ты красавица, чрезвычайно скромна! ... прекрасную вышила себѣ косынку! — щегольскую петлю надѣла на шею! ... — Какова тогда была погода? .. Не принудила ли тебя сильная буря скрыться въ какую нибудь пещеру? — Не возвращалась ли когда нибудь домой поздо съ ярмонки? Не обидѣлъ ли тебя въ лѣсу богъ Панъ? — Не сыгралъ ли съ тобою шутки старой Силенъ? На волынкѣ или на гобоѣ играетъ отецъ сего прекраснаго дитяти? Съ книгами или со шпагою ходитъ онъ? Есть ли у него на шляпѣ

бантЪ? Не на ухо ли оную носитЪ?

Сколько ни спрашивали, сколько ни сличали эпохи ярмонокЪ, прогулокЪ, покупки нитокЪ и иголокЪ, и всего верьхняго платья, кое кропала она во время. . . . недѣль, однако не могли добраться до истиннаго отца новорожденнаго; ибо родильница ни одного слова не хотѣла промолвить, да и притомЪ, будучи столь же искусна шить исподнее платье, какЪ и корсеты, работала безЪ разбору во всѣхЪ домахЪ, у молодыхЪ, у вдовцовЪ и холостыхЪ стариковЪ. И такЪ надлежало родословную его взять сЪ матерней стороны, которая безЪ сомнѣнія весьма вѣрна, хотя можетЪ быть и не столько знатна. . .

ГЛАВА III.

Крестины его.

Надобно было крестить младенца; но не могли сыскать ни кума, ни кумы: молодцы учтиво отказывались, а красныя дѣвицы стыдились. Также не было ни пеленокъ, ни повивальной бабки. — И такъ безъ дальныхъ сборовъ мать родильницына, завернувши своего внучка въ фартукъ, и взявъ за руку добродушнаго мужа, сказала ему: пойдемъ окрестимъ младенца; онъ невиноватъ. . . . и немедленно отправились въ церковь.

Священникъ, будучи на тотъ случай пасмуренъ, затопалъ ногами, и безпрестанно восклицалъ: ахъ Боже мой! и прежде вылитія воды на младенцову голову вмѣстѣ съ отправленіемъ церемоніи

дѣлалъ различные розыски и нещадно бранился; по томъ назвалъ новокрещеннаго Иваномъ, по прозванью Чернымъ, и по обыкновенію тогдашняго времени записалъ его въ реэстръ незаконнорожденныхъ.

Не худо бы надѣлить сіе дитя толикимъ числомъ небесныхъ патроновъ, коликимъ обыкновенно надѣляютъ себя Кастильцы; ибо не было у него почти ни одного покровителя на земли. Но его просто назвали Иваномъ, можетъ быть по тому, что такъ назывался дѣдъ его съ матерней стороны, или что сіе имя весьма употребительно въ Нормандіи и продолжается въ родъ; можетъ быть съ какимъ нибудь намѣреніемъ. . . можетъ по капризу. . . . Сего *можетъ быть* довольно для историка.

Чернымъ прозванъ онъ по цвѣту своихъ волосовъ. Много въ Нормандіи господъ, не по свойствамъ своимъ называющихся. Но сіе названіе Черный столько же свойственно и основательно, какъ и имена дорогъ, улицъ, луговъ, полей дубовъ, грушъ; — Оно не болѣе въ себѣ страшнаго заключаетъ, какъ и имя одного Гульмскаго дворянина, славнаго Ангеранда Гулу, сдѣлавшагося полномочнымъ господиномъ надъ тысячью чеботарями.

ГЛАВА IV.

Смерть Ивановой матери.

По отправленіи великолѣпной церемоніи крестинъ Черной Иванъ началъ изо всей силы плакать, какъ бы предчувствуя свои будущія нещастія. — Немедленно понесли его къ матери; но увы....

сея нещастныя уже не было болѣе на свѣтѣ.

Шумъ сосѣдей, угрожавшихъ ей петлею за необъявленіе Королевскому Прокурору того, что она баялась открыть родной своей матери; стыдъ быть прежде времени матерью, хладрокровность любовника, все сіе, соединясь въ пылкомъ воображеніи ея, произвело въ ней великое разстройство; да и притомъ припадки беременности, скорбь понесенная при разрѣшеніи отъ бремени, роковыя нещастія, вѣчное опредѣленіе.... не сильны ли были отнять жизнь у нея?

Но какія бы ни были причины ея, мы это оставимъ; бѣдное дитя испускало жалостный вопль, когда поднесли его уже къ оледенѣвшей матерней груди; и всѣ утверждаютъ, что оно тогда-то получило первыя впечатлѣнія застѣн-

чивости и нелюдимости, всегда послѣ сего оказываемой имъ, и которая съ лѣтами его болѣе умножалась, и не могла истреблена быть до самаго гроба.

Извѣстіе о столь необычайной и ужасной смерти тотчасъ разнеслось по всему приходу и по окрестнымъ селеніямъ; оно даже дошло до Каружской аудиторіи и Бусейской кузницы.

Священникъ долго разсуждалъ о томъ, должно ли хоронить ее на кладьбищѣ: онъ два раза прочиталъ церковный уставъ въ томъ намѣреніи, что не льзя ли опустить нѣкоторыхъ церемоній при погребеніи. Приходскія дѣвицы, по наущенію своихъ матерей, не надѣвали бѣлаго платья, и отказались нести тѣло, что противно обыкновенію сея страны. — И такъ принуждены были нанять четверыхъ мущинъ, кои сію не-

щастную мать очень проворно несли, и погребли ее подъ тисовымъ деревомъ, стоящимъ въ отдаленности отъ кладьбища.

ГЛАВА V.

Первая пища Черного Ивана.

По окропленіи Святою водою могилы, добродушные покойницыны родители возвратились домой, и положили твердое обѣщаніе загладить оказанную своей дочери, при смерти ея, хладнокровность попеченіемъ о внукѣ . . . У меня нѣтъ теперь дѣтей, говорила добродѣтельная старуха; милой Ванюша будетъ единственнымъ предметомъ всей моей нѣжности; — и я съ своей стороны, примолвилъ старикъ, буду его такъ любить, какъ любилъ бы нещастный отецъ, коему человѣческіе законы,

стыдѣ и предразсудки не позволяютѣ открыться. . . . Иванушка будетѣ нашимѣ наслѣдникомѣ, подпорою нашей старости. . . .

Совѣты Философіи неизвѣстны деревенскимѣ жителямѣ. — Вѣ деревняхѣ маленькихѣ ребятѣ увязываютѣ какѣ тикѣ, или беремя дровѣ; когдажѣ они отѣ причиненной симѣ вязаньемѣ боли громко плачутѣ, то изѣ всей силы качаютѣ ихѣ вѣ колыбели, и такимѣ образомѣ усыпляютѣ; — также привязываютѣ ихѣ кѣ столбику, чтобы ноги были прямы и стройна талія. Но Чернаго Ивана ни пеленали, ни качали, ни кѣ столбику не привязывали, по причинѣ недостатка сихѣ вещей; а вѣ разсужденіи сего бѣдность кѣ величайшей его пользѣ послужила. — Онѣ, наподобіе маленькаго дикаго Американца, рѣзвился, скакалѣ, вилялѣ во всѣ стороны и

прыгалЪ, какЪ хотѢлось, вЪ своемЪ рубищѢ, походившемЪ на юбку; не знаю, собиралЪ ли онЪ вЪ кучи солому вЪ предзнаменованіе того, что со временемЪ будетЪ доброй хозяинЪ; приходилЪ ли когда нибудь вЪ чрезвычайной восторгЪ, озаряли ли его лучи славы; — о семЪ ЛѢтописцы ничего не говорятЪ

Я охотно вѢрю, что онЪ смѢялся вЪ то время, когда веселЪ и доволенЪ былЪ; — и напротивЪ плакалЪ тогда, когда чувствовалЪ какую нибудь досаду и огорченіе; — также не противорѢчу и вЪ томЪ, что онЪ исправно, безЪ стыда и застѢнчивости исполнялЪ всѢ небольшія естественныя нужды, такЪ какЪ исправляютЪ оныя господскія и Княжескія дѢти.

ОнЪ не былЪ чудесно питаемЪ ни дикою козою — ни волчицею; — его просто кормила бабушка ко-

ровьимъ молокомъ и лапшею, не совѣтуясь даже и съ Лѣкарями.

ГЛАВА VI.

Первое воспитанiе Чернаго Ивана.

Дѣти, начавшiя рано говорить, обыкновенно навсегда дѣлаются картавыми. — Но нашъ Черной Иванъ не попугаемъ быть рожденъ: — ему уже исполнилось пять лѣтъ, однако не умѣлъ онъ ни на какомъ языкѣ выпросить себѣ куска хлѣба; да не могъ бы и чрезъ цѣлую жизнь иначе обьяснять своихъ мыслей другимъ, какъ только различными тѣлодвиженiями, естьли бы не заставляли его повторять обыкновенныхъ выраженiй, когда могъ онъ чисто произносить оныя.

И въ сіе-то время попечительный дѣдъ началъ помышлять о воспитаніи своего внука; онъ по исполненіи своей эпитиміи возвратившись изъ Сесса домой, принесъ съ собою первыя начала меланхоліи, совершенно перемѣнившія характеръ моего Витязя. . . . Это была азбука . . . . Вотъ книга, говорилъ старикъ, полагая ее вмѣстѣ съ лозою на свою епанчу; симъ-то ремесломъ мой Ванюша будетъ доставать себѣ хлѣбъ; — я хочу научить его грамотѣ. . . а я съ моей стороны, примолвила старуха, научу его молиться Богу.

Сколько ни совѣтуютъ дѣтей учить азбукѣ помощію сдѣланныхъ игрушекъ; однако для Чернаго Ивана не сдѣлали ни одной: какъ ни принимался онъ за сію скучную азбуку, никогда не избѣгалъ лозы. Отъ одного воззрѣнія

на К, Х и Z унывало воображенiе его и трепетало сердце такъ, что онъ никогда не могъ произнесть сихъ страшныхъ буквъ безъ пролитiя горькихъ слезъ.

Когда рѣзвость его наводила скуку домашнимъ, то грозили ему азбукою; симъ образомъ тотчасъ пресѣкались всѣ шалости. Могъ ли кто подумать, что Черной Иванъ со временемъ станетъ продавать хлѣбъ для покупки книгъ, и что умретъ онъ въ библiотекѣ?

Бабушка его нѣсколько поблагосклоннѣе мужа своего поступала съ нимъ. Когда по приказанiю ея Иванъ молился Богу, то она въ продолженiе сей молитвы пекла для него блины.

ГЛАВА VII.

Упражненія Ивана Чернаго въ младенчествѣ его.

Маленькой Иванъ умѣлъ кое-какъ выговаривать Латинскія слова. Но произношеніе Французскаго языка причинило ему великія мученія. Е нѣмое, сложныя, гласныя, носныя и дифтонги вскружили ему всю буйную голову: однакожъ учитель не совсѣмъ отчаявался въ немъ; ибо завѣрно полагалъ онъ, что науки, изнурившія самаго его въ младенчествѣ плетью, а въ старости нищетою, составятъ нѣкогда воспитанниково щастіе и благополучіе.

По щастью, малой достатокъ Ивановыхъ прародителей не позволялъ имъ всегда держать его за книгами. — Все имущество сихъ

бѣдныхъ состояло изъ недвижимаго: въ развалившейся хижинѣ, небольшемъ садикѣ и коноплянникѣ; а изъ движимаго: въ одной коровѣ, кою пасли около большихъ дорогъ, и въ Гатинской рощѣ; ибо Ландегульскіе жители издавна получили право въ оной пасти скотъ.

Смотрѣніе за коровою нѣсколько разсѣвало Иванову печаль. Онъ рѣзвился съ своими товарищами, забавлялся разными играми, какъ Гаргантуецъ, спалъ на солнцѣ, — крякалъ по утиному; — въ ясные дни гонялся за бабочками, а въ дождливую погоду строилъ плотины и дѣлалъ пруды; — онъ безъ милосердія гналъ всѣхъ летучихъ животныхъ, не щадилъ ни матокъ, ни дѣтей ихъ, давилъ въ кустарникахъ бѣдныхъ чеканчиковъ, въ дуплахъ ловилъ красногузовъ, лазилъ на вершины деревъ

и тамъ разорялъ вороньи гнѣзда, стряпалъ пироги изъ жирной глины, и дѣлалъ яишницы изъ жаворонковыхъ яицъ; и все сіе безъ сомнѣнія было первѣйшею въ жизни забавою, которая однакожъ подъ вечеръ никогда не проходила безъ несносной азбуки и березовой лозы.

ГЛАВА VIII.

Небольшія Ивановы огорченія.

Естьли, при вступленіи солнца въ знакъ Козерога, погода дождлива: то обыкновенно рыба форель въ великомъ множествѣ входитъ въ каменистыя нѣдра знаменитыя рѣки Кансы, омывающей стѣны древняго Гульскаго замка, нерѣдко разрушающей Бусейскія кузницы, и впадающей пониже Мегюдена въ излучистый

Орнѣ. — Неопытный Иванъ однажды прогуливался на берегу сея рѣки, и какъ не зналъ никакихъ другихъ правъ, кромѣ естественнаго, то и подумалъ, что также позволительно поймать маленькаго фореля, какъ и лягушку; — караульной рощи засталъ его при семъ промыслѣ, и не говоря ни слова, схватилъ за волосы, взялъ плеть, и оною всю спину исписалъ ему изряднымъ мастерствомъ.

Въ другой разъ на сiежъ естественное право надѣясь, онъ погнался босой за молодымъ зайцомъ, не опасаясь колючаго терновнику и кремней; но тотъ же самой караульной, поймавъ его, высѣкъ еще лучше прежняго, такъ что Черной Иванъ позабылъ и свои чеботы, за кои дома не избѣгнулъ березовой лозы.

Въ другое время онъ, вырывая изъ жита терніе, нашелъ куропад-

кино гнѣздо, и подумалъ, что такъ же можно поймать куропадку, какъ бывало лавливалъ и красношеекъ; но немилосердый караульной опять поймалъ его, нещадно высѣкъ и грозилъ галерою. Также однажды бабушка послала его за вѣниками въ лѣсъ; но и тутъ не избѣжалъ онъ отъ рукъ караульнаго, которой отнялъ у него вѣники, оными выпарилъ ему и спину и брюхо до крови.

Иногда сей же самой караульной сѣкалъ его то за обрыванiе имъ древесныхъ листовъ на перину и подушки своему дѣдушкѣ, то за щипанiе красильной травы, вережу и папоротника, то за ломанье терновника.

Всѣ сiи частыя наказанiя весьма суровымъ сдѣлали нравъ маленькаго Ивана, и влiяли въ него нелюдимость, кою онъ послѣ всегда обнаруживалъ.

ГЛАВА IX.

Черной Иванъ допущенъ къ Святому причащенію.

Черной Иванъ со дня на день болѣе и болѣе преспѣвалъ въ силѣ и мудрости. Когда исполнилось ему одиннатцать лѣтъ, то исполненный ревности Священникъ немедленно включилъ его въ число готовящихся къ Св. причастію.

Нелюдимъ недолго учился таинствамъ вѣры, десятословію и церковнымъ обрядамъ; ибо кроткій Пастырь не принуждалъ дѣтей знать всю Библію наизусть; онъ совсѣмъ не журилъ ихъ за неисполненіе на самомъ дѣлѣ того, чему поучалъ, зная, что Сорбонскіе ученики не слишкомъ памятливы.

Прозваніе незаконнорожденнаго часто поражало слухъ Чернаго

Ивана, но не дѣлало въ немъ особеннаго впечатлѣнія. Сіе слово, безъ дальнихъ объ ономъ умствованій, не рѣдко подавало случай къ кулачному бою. При первомъ же приступленіи къ причащенію нашъ Нелюдимъ довольно старался вникнуть въ точную силу онаго. Онъ услышалъ, что товарищи и собратія его шептали и говорили межъ собою: насъ не ровное число; кто останется одинъ? кому быть безъ товарища? Безъ сумнѣнія Черному Ивану, — ему; — онъ незаконной сынъ, у него нѣтъ ни отца, ни матери.

По окончаніи церемоніи Черной Иванъ, поспѣшно прибѣжавъ домой, кинулся въ объятія своего дѣда съ большею, противъ обыкновенной, нѣжностію; ахъ батюшка! сказалъ онъ, не уже ли вы мнѣ не отецъ? не уже ли я не

сынѣ вамѣ? Всѣ меня, во время причащенія, называли незаконнорожденнымѣ. Кто моихѣ товарищей отличаетѣ отѣ меня? Кто ихѣ дѣлаетѣ знатными, а меня подлымѣ! Развѣ нѣтѣ у меня отца, какѣ и у нихѣ? Развѣ вы мнѣ не. . . ? Любезное дитя! говорилѣ добросердечный старикѣ, заливаясь слезами, ты мой сынѣ, — дражайшій мой сынѣ, — мой внучекѣ; я занимаю мѣсто отца твоего, который стыдится открыться; — я лучше его; моя дочь родила тебя, ты мой сынѣ; — ты мой наслѣдникѣ; я тебѣ оставляю свой домикѣ: живи спокойно вѣ немѣ, довольствуясь посредственнымѣ состояніемѣ, слѣдуй добродѣтелямѣ своихѣ предковѣ; — слава Богу, наша фамилія не навлекла на себя никакого безчестія. Твоя матушка . . моя любезная дочь. . . . Старикѣ не могѣ окончить словѣ.

ГЛАВА X.

Смерть Иванова дѣдушки.

По семъ открытіи Черной Иванъ повергнулся въ несовмѣстную младымъ своимъ лѣтамъ молчаливость, печаль и задумчивость; онъ уже перестаъ посѣщать своихъ товарищей, презирающихъ его за бѣдность, хотя впрочемъ у него двѣ же руки были, и съ насмѣшкою называющихъ его побочнымъ, незаконнорожденнымъ, потому что по нещастію не было у него ни отца, ни матери.

Нѣкогда онъ, чрезмѣрно будучи погруженъ въ печальныя размышленія, удалился въ мрачную внутренность зеленыя рощи; — тамъ повергнувшись къ корню старато дуба, положивъ накрестъ ноги, и поддерживая рукою свою го-

лову говорилЪ: и такЪ я нещастливЪ! Мое существованіе подало причину ко многимЪ злодѣяніямЪ! — Мой отецЪ, кто бы онЪ ни былЪ, есть сластолюбецЪ, подлецЪ и можетЪ быть ужасной злодѣй! а даровавшая мнѣ жизнь, мать моя... Увы! матери разсказываютЪ обЪ ней дочерямЪ своимЪ какЪ о безчестной и соблазнительной женщинѣ; — дѣвицы стыдятся, что имѣли ее своею подругою; и меня... и меня всѣ считаютЪ извергомЪ. — Во время сихЪ размышленій его корова бродила по лѣсу; сторожЪ увидѣлЪ ее и сказалЪ Нелюдиму сЪ суровымЪ видомЪ: теперь дѣло идетЪ не о красильной травѣ, я беру корову подЪ караулЪ, и дѣдЪ твой черезЪ восемь дней сведетЪ ее вЪ АленсонЪ.

Черной ИванЪ, не понимая силы сихЪ словЪ, и не зная ни причины сторожева гнѣва, ни конфи-

скаціи, слушалЪ сію новость сЪ довольнымЪ равнодушіемЪ. — Все пропало невозвратно, говорилЪ бѣдной старикЪ. ... Для чегожЪ безсовѣстной сторожЪ, взявЪ подЪ караулЪ корову, сію единственную нашу подпору и питалице, самЪ не ведетЪ ее вЪ АленсонЪ! — Старуха, сидя вЪ углу, неутѣшно плакала, и нѣсколько облегчала горести своей безпрестанными восклицаніями. — ЧтожЪ вЪ сіе время дѣлалЪ Черной ИванЪ? ...

ВЪ назначенной день старикЪ отвелЪ свою корову на рынокЪ, гдѣ и продали ее сЪ молотка. — ОнЪ сЪ горестію пошелЪ домой; но кЪ большому нещастію страшная буря застигла его на дорогѣ, и снѣдаемое несносною печалію сердце его совершенно поразила. Нещастной, взошедЪ вЪ свою хижину, ки-

нулся на раздранную постелю, и пожавъ руки своей жены умеръ.

ГЛАВА XI.

Упражненія Черного Ивана по смерти дѣдушкиной.

Одинъ искусной Министръ, предпочитая фабрики земледѣлію по тому, что будто человѣку платье нужнѣе хлѣба, завелъ въ Аленсонѣ кружевную фабрику, и чрезъ сіе старался вывести изъ моды всѣ дорогія Венеціанскія шитья. Иванова бабушка искусно плела кружева, ибо симъ рукодѣльемъ хлѣбъ себѣ доставала.... Любезное дитя! говорила она Черному Ивану, Богу угодно было лишить насъ въ одно время и коровы и моего дражайшаго мужа; — да будетъ благословенно имя Всемогущаго; — не должно намъ отчаяваться. Одна знатная госпожа

приказала сдѣлать себѣ дезабилье изъ Аленсонскаго кружева. — Дѣло теперь начинается съ успѣхомъ; — я тебя научу плесть кружева, и ты будешь вмѣстѣ работать со мною. — Съ вами плесть кружева! отвѣчалъ съ запальчивостію Черной Иванъ, нѣтъ матушка, какъ вамъ угодно; я лучше стану ловить маленькихъ зайчиковъ, молодыхъ оленей и дикихъ кабановъ, хотя они и сердиты. — Берегись, сынъ мой, чтобъ не угодить тебѣ на галеры. — Хорошо, сударыня, я оставлю сей промыслъ, и въ потѣ лица своего буду воздѣлывать землю у своихъ сосѣдей, и выработанныя деньги принесу къ вамъ. — Любезный сынъ! наши земледѣльцы весьма бѣдны; они тебя замучатъ на работѣ: совѣтую лучше приняться за кружева.

Сколь могущественны судьбы! Черной Иванъ согласился плести кружева въ Аленсонѣ.

И вотъ странная вещь! — молодой ребенокъ, привыкшій бѣгать по лѣсу, лазить на верьшины деревъ, теперь какъ привязанной сидитъ на стулѣ возлѣ своей бабушки, и молодой своей сосѣдки, Юліи. . . . сей маленькой смуглой красотки, неуступающей своими прелестями богинямъ древнихъ Піитовъ.

Всѣ утверждаютъ, что отъ сидячей жизни раждается меланхолія, отъ меланхоліи нѣжность, отъ нѣжности любовь. Черной Иванъ равно замѣшался въ любовныя дѣла; ибо не извѣстны были ему нынѣшнія строгости и поношенія, кои сія страсть навлекаетъ на себя. . . Онъ любилъ Юлію, и любя ее охотнѣе и работалъ вмѣстѣ съ нею, такъ какъ Геркулесъ

съ своею Омфалою; онъ съ такимъ же удовольствіемъ плелъ кружева, съ какимъ прежде разорялъ и вороньи гнѣзда.

Часы, дни, недѣли, мѣсяцы и годы протекали безъ всякой скуки; но нить Иванова щастія скоро прервалась. Набожная бабушка его, послѣ небольшей лихорадки, умерла безъ всякой помощи лѣкарей.

Милосердый Боже! не помяни всѣхъ злословій и праздныхъ словъ ея, отъ коихъ она, сидя за кружевомъ, никакъ не могла удержать свой языкъ. — Впрочемъ она была добрая старушка: память ея вовѣки пребудетъ незабвенна.

ГЛАВА XII.

Ивановы нещастія, приключившіяся по смерти бабушкиной.

Черной Иванъ, предавшись задумчивости, можетъ быть безпрестанно бы снѣдаемъ былъ печалію, но Юлія. . . разсѣвала горести его. Онъ, приводя себѣ на мысль бабушкины благодѣянія, помышлялъ и о Юліиныхъ прелестяхъ. . , . Она будетъ участницею моей хижины, она будетъ со мною раздѣлять мою грусть, мои забавы, мои садовые овощи. . . — Такъ говорилъ онъ, копая гряды, и не предвидя будущихъ своихъ нещастій.

Я думаю, слыхали вы когда нибудь о Иванѣ, прозываемомъ Крысою, неправедно уморенномъ въ тюрьмѣ за то только, что Иванъ Каружской засталъ его ле-

жащаго на одной постели съ своею женою. Наслѣдники упомянутаго Ивана Крысы, владѣльца богатой Мегерандской вотчины, безъ милосердія пощипали Черняго Ивана; какъ только вступилъ онъ съ ними въ споръ о наслѣдствѣ, то городской стряпчій, великой крючкотворецъ, съ неумолимымъ сборщикомъ взошелъ въ садъ его и началъ описывать и собственное Нелюдимово наслѣдство, не исключая и овощей. — Черной Иванъ въ такую пришелъ запальчивость отъ сего, что разломалъ бы графометръ, передралъ бы всѣ писцовыя книги, прибилъ бы Г. сборщика, естьлибъ одинъ молодой Священникъ не случился тутъ, и не укротилъ гнѣва его весьма приличною къ сему случаю проповѣдію о царствіи небесномъ и о презрѣніи мірскихъ благъ.

Нелюдимъ, нѣсколько утѣшившись Священниковыми усладительными словами, а паче надеждою сочетанія съ Юліею . . . у коей хижинка не тѣсна была для двоихъ, пошелъ къ отцу своея обладательницы, и сказалъ ему съ Американскимъ краснорѣчіемъ. . . я вамъ вручаю свое сердце и руки, отдайте за меня дочь свою, будьте моимъ отцемъ, мы оба будемъ вашими дѣтьми. . . Мою дочь! . . . сказалъ упоенный старинными предразсудками старикъ; — ты объ ней думаешь? Слава Богу, она у меня законная дочь; родилась ни прежде свадьбы, ни на другой день послѣ оной, а въ надлежащее время. . . Твое сердце и руки. . . изрядное для моей дочери по нынѣшнимъ временамъ наслѣдство! — Незаконнорожденный! — вотъ качество почтенное для мужа, и довольно знаменитое

для жены! . . . Черной Иванъ остался со стыдомъ, а Юлія начала плакать. Я нѣгдѣ читалъ, что она скоро утѣшилась и осушила свои слезы, ибо женскіе припадки весьма скоро проходятъ, и никогда не бываютъ продолжительны,

---

ГЛАВА XIII.

Отъѣздъ Чернаго Ивана въ Парижъ.

Всѣ сіи неблагопріятные случаи болѣе увеличили природную застѣнчивость въ Черномъ Иванѣ; онъ даже рѣшился оставить свою деревню, свои Гатинскія забавы и веселыя бесѣды, и свою любезную Юлію. . . . и вознамѣрился скрыться въ толпѣ Парижской черни.

Въ сіе время начинали разчищать большія дороги, немалую

скуку причинявшія путешествующимъ, и строили по онымъ трактиры, въ коихъ очищаютъ карманы и кошельки у проѣжжающихъ. Нашъ меланхоликъ не былъ изъ числа такихъ людей, кои съ трактирными прислужницами обходятся какъ съ старинными знакомками, и дѣлаютъ имъ нѣкоторыя лестныя предложенія; онъ скоро шелъ чрезъ Эглъ, ни мало невлекомъ любопытствомъ посмотрѣть на то дерево, гдѣ слѣпой, по имени коего названо сіе селеніе, сдѣлалъ птицеловню; также ни на минуту не останавливался и въ Д. для разсмотрѣнія всѣхъ Друидскихъ монументовъ.

Долго стоялъ онъ передъ Версальскимъ замкомъ. Сія большая куча камней опечалила Нелюдима. Ему много попадалось въ глаза придворныхъ, кои не столь веселы были, какъ пастухи на его

родинѣ; и онъ написалъ въ своихъ достопамятныхъ запискахъ, что философъ, желающій живо изобразить перомъ своимъ человѣческія страсти, долженъ съѣздить въ Версалію, ибо тамъ-то онѣ совокупно сильнѣе дѣйствуютъ на душу; тамъ-то увидѣлъ бы онъ на лицахъ нѣжнѣйшія и исполненныя чувствительности черты.

Черной Иванъ, прошедши сорокъ пять миль, почти ничего рѣдкаго не видалъ; онъ пораженъ былъ чрезвычайнымъ изумленіемъ при воззрѣніи на галлереи и старинной, но великолѣпной Луврѣ, коего по причинѣ множества судовъ, находящихся въ пристани Св. Николая, не льзя ему было хорошенько разсмотрѣть. Онъ кое-какъ продирался сквозь безчисленное множество телѣгъ, бочекъ, лошадей и торговокъ, такъ что сколько ни былъ остороженъ, сколько ни при-

выкъ проворно бѣгать по лѣсамъ и вскарабкиваться на высочайшія скалы; но безъ многократнаго спотыканія и растрепанія распудреныхъ париковъ у многихъ почтенныхъ особъ, не могъ дойти до большой улицы, находящейся въ слободѣ Св. Діонисія.

Въ семъ мѣстѣ Ивановъ дядя, старой площадной кучаръ, имѣлъ жительство. Сей добросовѣстной старикъ Нелюдима, какъ выблядка очень хорошо принялъ; и такое добродушіе его приписать должно тому, что онъ столько покатался на бѣломъ свѣтѣ, сколько повозилъ людей, и столько довольно насмотрѣлся на мірскія суеты и испыталъ оныя, что сдѣлался совершеннымъ философомъ, очистилъ разумъ свой отъ предразсудковъ, и не смотря на небольшія слабости Ивановой ма-

тери, всегда сердечно любилъ ее за похвальныя качества.

ГЛАВА XIV.

Упражненія, коими занимается Черной Иванъ, живучи у своего дяди.

Преемничество есть весьма хорошее изобрѣтеніе. — Ослабѣвшій отъ старости и перепою Бриндавоань вздумалъ Чернаго Ивана сдѣлать своимъ преемникомъ. Онъ бралъ его вмѣстѣ съ собою на биржу, сажалъ на козлы, училъ громко хлопать бичемъ по лошадямъ, заворачивать на перекресткахъ кареты, искусно вожжами править, проворно ѣздить въ легкихъ колясках, видѣть все и не говорить ничего.

Кучарская должность, кажется, весьма прилична Черному Ива-

ну. Различныя новости и веселья кучаровЪ разсѣяли бы природную меланхолію его. ОнЪ бы столь же хорошо узналЪ свѣтЪ, какЪ и господа мореплаватели КухЪ и ла ПейрузЪ, объѣхавшіе вокругЪ всего земнаго шара. ОнЪ можетЪ быть лучше бы узналЪ людей, нежели Г. Философы, кои всегда запершись сидятЪ вЪ своихЪ кабинетахЪ и никуда изЪ оныхЪ не выходятЪ; онЪ могЪ бы написать преполезнѣйшее нравственное поученіе.

Но Нелюдиму совсѣмЪ не нравилась сія должность; онЪ никогда не выпускалЪ изЪ мыслей своихЪ того, что безщастной извощикЪ всегда подверженЪ простудѣ, дрожа отЪ холоду, поутру на биржѣ, вЪ полдень у лавокЪ, вЪ вечеру возлѣ театра, гдѣ угрюмые Офицеры не рѣдко потчиваютЪ его и палками.

Притомъ Черный Иванъ привыкъ всегда пить воду, и не могъ скоро пріучиться къ вину; отъ чего сдѣлался у него запоръ. Бриндавоань для предосторожности научилъ его искуству, выпускать дурные пары; такъ любезный читатель, — это правда. Въ Парижѣ площадные извощики весьма учтивы. Нелюдимовъ дядя нашелъ въ своей колясkѣ книжку о семъ искуствѣ, забытую видно какимъ нибудь практикомъ, и не зналъ, кому отдать ее, ибо въ тотъ день возилъ онъ много блѣдныхъ Нарцисовъ, хотя глупыхъ, но довольно толстыхъ, также Прокуроровъ и Аббатовъ, щеголихъ и набожницъ. Сія книжка, нѣсколько противная политикѣ и благопристойности, первая попалась въ руки Чернаго Ивана.

ГЛАВА XV.

Черной Иванъ въ Типографіи наборщикомъ.

Черному Ивану, мучимому запоромъ, недовольному людьми и своею кучарскою должностью, надлежало бы для излѣченія себя итти въ какую нибудь Аптеку; но онъ другой, нехудшій сего способъ избралъ, а имянно, пошелъ къ одному книгопродавцу, коего лавка наполнена безчисленнымъ множествомъ Исторій, Романовъ и Диссертацій, кои стоятъ добраго пріему опіумъ; также критическими сочиненіями и сатирами, столь же горькими, какъ полынь и золотоязычникъ; надгробными словами, похвальными Академическими рѣчьми, неуступающими благовоніемъ своимъ Аравійскому ладану; и наконецъ, какъ замысловатыми,

такъ и скучными Эпиграммами. — Словомъ, — сія лавка, заваленная сочиненіями Августинцовъ, ничѣмъ не хуже была врачующей наши недуги Аптеки.

Нелюдимъ, очарованный дядиною находкою, симъ дивомъ книгъ, думалъ, что посредствомъ ея найдетъ секретъ, какъ дѣлать золото и какъ быть щастливымъ. Въ сихъ мысляхъ пошелъ онъ въ услуги къ *типографщику* Г. Гури, которой сдѣлалъ его наборщикомъ: такъ, любезной читатель, наборщикомъ; что до меня касается, я бы сдѣлалъ его главнымъ откупщикомъ, и вы этому не должны дивиться. — *Слѣпое* щастіе каждой день въ Парижѣ производитъ чудеса, кои странностію своею уже никого не приводятъ въ изумленіе. — Такъ комедіантъ дѣлается Пасторомъ, Жидъ Меди-

комъ, отпущенной на волю рабъ беретъ на откупъ Королевскія земли, и милая красотка нерѣдко по своей волѣ располагаетъ Кавалерами Златаго Руна.

Но обратимся къ нашей матеріи. Ивана Чернаго заставили набирать Королевской Календарь. Онъ охотно помѣщалъ въ ней имена Боговъ и Богинь, Папъ, Кавалеровъ, Сенаторовъ и Академиковъ. Но когда дѣло доходило до Прокуроровъ и гусаровъ, разъѣжжающихъ съ толстыми нагайками; тогда Нелюдимъ весьма задумывался и чувствовалъ въ себѣ ипохондрію, отъ коея всѣ помѣщенные имъ въ Календарѣ Медики никакъ не могли излѣчить его.

ГЛАВА XVI.

Черной Иванъ работаетъ въ улицѣ Свят. Іакова.

Нелюдимъ скоро оставилъ Типографію Г. Гури, и живучи въ улицѣ Свят. Іакова, попремѣнно работалъ у разныхъ типографщиковъ, кои заставляли его отпечатывать скучные Академическіе тезесы, отвратившіе его отъ Латинскаго языка, о коемъ онъ не имѣлъ и понятія.

Въ сіе время въ Сорбонѣ и Наваррѣ еще не кончены были великіе споры, произшедшіе отъ одного Епископа, коего ученость немного принесла пользы Христіанамъ. Нѣкоторыя раздраженныя особы безпокоили своими распрями добрыхъ Государей, занимавшихся попеченіемъ о благоденствіи своего народа; онѣ въ своей праздности сочиняли

большіе томы книгЪ, ни мало необЪяснявшіе матеріи, и ни на минуту не давали отдыху наборщикамЪ.

Сами разсудите, каковЪ сдѣлался Черной ИванЪ, заваленный такЪ сказать кучею безчисленныхЪ сочиненій. ОнЪ зѣвалЪ со скуки, потягивался, жаловался, воздыхалЪ. Но почтенные Езуиты, сіи неутомимые писатели не имѣли кЪ нему ни малѣйшей жалости. ГоворятЪ, что НелюдимЪ отЪ сего чрезвычайно сдѣлался пасмуренЪ, такЪ что всѣ отчаялись и вЪ жизни его. ОдинЪ сострадательной типографщикЪ, изЪ сожалѣнія, заставилЪ его набирать исторію Дона Калмета о мертвецахЪ, разсужденія пророчицы Багетты, новое изданіе Г. Рабеле, Мизантропа Моліерова и другіе романы. Стерна еще не было.

Волтеръ началъ показываться въ публику; его пріятныя стихотворенія не мало увеселяли Чернаго Ивана: онъ началъ было пріобрѣтать вкусъ къ наукамъ и сталъ уже попѣвать за своею работою у типографщиковъ; но увидѣвъ стихотворцевъ гнуснаго виду и философовъ въ отрепьяхъ и съ долгою бородою вышедшихъ изъ Бастиліи, почувствовалъ совершенное отвращеніе отъ всѣхъ познаній и сдѣлался столько задумчивъ, что типографщики принужденными нашлись съ нимъ разстаться.

ГЛАВА XVII.

Черной Иванъ сдѣланъ разнощикомъ книгъ.

Кажется мнѣ, пора уже написать портретъ Чернаго Ивана,

вступившаго на двашцать второй годЪ, и поставить на немЪ такіе знаки, какіе обыкновенно ставятЪ на рекрутахЪ и мошенникахЪ. Вы знаете, что онЪ прозванЪ ЧернымЪ по цвѣту своихЪ волосовЪ; также небезызвѣстно вамЪ и то, что кожа на тѣлѣ его несравненно чернѣе волосовЪ; но я думаю, никогда бы вы сами не узнали обЪ немЪ слышаннаго мною отЪ одного любителя древностей, а симЪ отЪ нѣкотораго лѣтописца, а имянно того, что Черной ИванЪ ростомЪ былЪ вЪ пять футовЪ, пять дюймовЪ и пять линей; что ноги имѣлЪ сухія, станЪ тонкой, ротЪ маленькой, носЪ орлиной, глаза живые, но сЪ нѣкоторою томностію; черты лица печальныя, видЪ меланхолической.

Типографщики видя, что онЪ негодится вЪ наборщики, заставили его разносить книги для про-

дажи, какъ человѣка отъ природы скромнаго и молчаливаго. Они послали его на площадь съ коробомъ, наполненнымъ новѣйшими сочиненіями, заключающими въ себѣ начальныя основанія наукъ, искусства всякаго рода, остроумныя письма, полезныя записки и основательныя разсужденія; что жъ касается до отрывочныхъ сочиненій, разныхъ Лексиконовъ и прочихъ мѣлочей; то еще тогда не было моды издавать оныя.

Черной Иванъ ходилъ по всѣмъ лавкамъ, площадямъ, перекресткамъ, улицамъ, глухимъ переулкамъ и землянымъ валамъ; онъ имѣлъ свободной входъ во всѣ домы и трактиры, даже пускали его въ самые сокровеннѣйшіе чертоги, и не возбраняли подступать къ туалетамъ.

Онъ много видѣлъ любопытнаго, но изъ скромности ничего не открывалъ, ибо глаза у него, какъ у рыси были чрезвычайно остры, и проникали сквозь лапы, маски, лакъ, полотно и косынки.

Но сколько Нелюдимъ ни убѣгалъ меланхоліи, меланхолія всюду за нимъ слѣдовала: она мучила его, когда глядѣлъ онъ на Бастилію, въ которую заключали Жанзенистовъ, людей несравненно лучшихъ, нежели Жиды и Протестанты всѣми терпимые, когда смотрѣлъ на Луврь, въ которой помѣщали глупыхъ живописцовъ и стихотворцовъ; когда шелъ мимо тюремъ, арсенала, фабрикъ и театра. Однажды едва было не умеръ онъ отъ меланхоліи, увидя многочисленную толпу Прокуроровъ и другихъ приказныхъ служителей, выходящихъ изъ присудственныхъ мѣстъ.

ГЛАВА XVIII.

Продолженіе странствованія Иванова по Парижу.

Опытъ свидѣтельствуетъ, что первыя впечатлѣнія весьма сильны и продолжительны, а особливо въ меланхоликахъ, и по тому-то Парижскія красавицы никакими хитростями не могли прельстить Чернаго Ивана уже плѣненнаго красотою дражайшія Юліи.

Всѣ женщины осыпали его своими ласками и учтивостями, но онъ всегда обходился съ ними застѣнчиво. — Однѣ выхваляли бѣлые зубы и тонкія ноги его, но сія похвала не приводила его во искушеніе; другія спрашивали; бывалъ ли онъ когда нибудь влюбленъ; иныя показывали ему свои дорогія кружева и бриліанты; нѣ-

которыя, для прельщенія его бѣлились и румянились: однакожъ все сіе не могло поколебать нашего цѣломудреннаго Философа.

Подлинно много драгоцѣннаго потеряла моя книга чрезъ Нелюдимову нечувствительность къ нѣжному полу. — Любовь составляетъ главное украшеніе и цѣль всѣхъ романовъ, всѣхъ театральныхъ піесъ. . . . Французскіе писатели всегда имѣли предметомъ своихъ сочиненій сію страсть. Но поелику къ нещастію моему Купидоновы стрѣлы не могли пронзить Меланхоликова сердца, то и я изъ одного удовольствія другимъ не хочу сдѣлать его влюбчивымъ.

По замѣчанію Чернаго Ивана, Парижскія женщины ничѣмъ не различаются отъ мущинъ; — но ему желательнѣе было, чтобъ лучше мущины присвояли себѣ жен-

ской характеръ, женскую пріятность и робость, нежели женщины принимали на себя такую осанку, такую важность и величавость, каковая приличнѣе мущинамъ! — Онъ бы охотнѣе согласился смотрѣть на мущинъ, занимающихся женскою домашнею работою и рукодѣліемъ, нежели видѣть женщинъ, ѣздящихъ верхомъ, говорящихъ по правиламъ нынѣшней политики и дѣлающихся авторами.

Онъ безъ замѣчанія не оставилъ и того, что женщины во всемъ безъ разбору подражаютъ мущинамъ, въ добромъ и въ худомъ, въ мысляхъ какъ о гражданскомъ правленіи, такъ и религіи; — что онѣ такъ же говорятъ, такъ же живутъ, какъ и мущины; а иногда упиваются еще и лучше ихъ.

ГЛАВА XIX.

Черной Иванъ опредѣленъ къ должности при Королевской библіотекѣ.

Черной Иванъ много продавалъ такихъ сочиненій, кои колкими казались самымъ Королевскимъ Библіотекарямъ; почему они и переманили его къ себѣ, какъ человѣка пріобрѣтшаго хорошее познаніе о книгахъ.

Читатели уже напередъ знаютъ, что Меланхоликъ не въ свое пошелъ мѣсто, и что смотря на книги, не излѣчится отъ застѣнчивости. Однакожъ сія новая должность приносила ему и нѣкоторыя удовольствія; онъ даже улыбался иногда, видя странной вкусъ покупающихъ книги; — одинъ ревностный Парижанинъ спрашивалъ у него Ассирійской Исторіи; а о

Французской и на умЪ не приходило ему; — КартезіанецЪ покупалЪ способЪ убѣдительно говорить; — крючкотворной стряпчій просилЪ продать искуство молчать; — престарѣлой безмѣстной ПасторЪ желалЪ купить средство, какЪ выпрашивать милостыню; нѣкоторой старикЪ вЪ очкахЪ покупалЪ Овидіеву науку любить; — сороколѣтняя красавица спрашивала искуства носить талисманЪ для привлеченія кЪ себѣ своихЪ любовниковЪ; — ревнивой скряга торговалЪ способЪ дѣлать женЪ вѣрными; а петиметрЪ требовалЪ способЪ вЪ полонЪ брать женскія прелести.

НелюдимЪ и самЪ читалЪ премногихЪ АвторовЪ, но изЪ чтенія ихЪ не получалЪ никакой пользы; читалЪ онЪ славныхЪ МоралистовЪ, кои давали ему понятіе о грѣхахЪ

совсѣмъ неизвѣстныхъ; читалъ разныя забавныя и любопытныя сочиненія, и анекдоты нерѣдко усыплявшіе его; читалъ Анатомическія книги, и по томъ не смѣлъ болѣе въ нихъ заглядывать; — читалъ Паѳологію, и отъ чтенія оной приходилъ въ великую грусть.

Въ продолженіе цѣлаго года, пока находился онъ при Королевской библіотекѣ, ни одной минуты не наслаждался совершеннымъ здоровьемъ. Вообще всѣ книги причиняли ему различныя болѣзни; отъ большихъ и запылившихся книгъ болѣла голова; отъ сочиненій, показывающихъ путь къ висѣлицѣ, болѣло горло; — отъ чрезвычайно длинныхъ фразовъ чувствовалъ боль въ груди; — отъ похвальныхъ рѣчей, наполненныхъ чрезмѣрною лестью, позывало его на рвоту; отъ Авторовъ, писавшихъ Азіатскимъ штилемъ, дѣлался

поносъ; а отъ Лаконическихъ мучился запоромъ. — Словомъ, онъ чувствовалъ великую боль во всемъ тѣлѣ, при воззрѣніи на реэстръ книгамъ, состоящій въ двухъ большихъ томахъ in folio.

ГЛАВА XX.

Смерть Иванова дяди.

Черной Иванъ, не успѣвъ совершенно выздоровѣть, оставилъ библіотеку. Онъ, желая попользоваться чистымъ воздухомъ, вздумалъ разгуляться по земляному валу, по коему дошедъ до слободы Св. Діонисія, не умедлилъ посѣтить и дядю своего, о которомъ, сидя за книгами, и позабылъ было. — Нелюдимъ засталъ сего старика, почти при смерти лежавшаго на соломѣ безъ помощи и утѣшенія.

Книгопродавцы и библіотекари весьма не тверды въ религіи; — одни Географическія книги иногда бываютъ соблазнительны для слабыхъ умовъ. Черной Иванъ весьма любилъ Философовъ, а особливо когда они учили, чтобъ люди другъ друга не гнали и не рѣзали за противныя мнѣнія; но не могъ ихъ терпѣть тогда, когда они дерзко думали о религіи. Сими благочестивыми мыслями упоенъ будучи; спрашивалъ онъ своего дядю: не хочетъ ли исповѣдаться и причаститься. — Набожной старикъ съ великимъ удовольствіемъ принялъ сіе предложеніе, и пожимая племянникову руку, сказалъ трогательнымъ голосомъ: въ единомъ только Богѣ теперь ищу себѣ прибѣжища.

Нелюдимъ пошелъ по Священника; но Парижскимъ Священникамъ почти недостаетъ времени

исповѣдывать площадныхъ извощиковъ; его послали къ первому Викарію, но оной отослалъ къ другому, сей же къ третьему, и это былъ старой монахъ, человѣкъ не слишкомъ хорошаго сложенія; онъ исповѣдывалъ умирающихъ съ такимъ же холоднымъ духомъ, съ какимъ благословлялъ браки; — послѣ него Пасторъ пришелъ съ Свят. причастіемъ, также не очень чувствительной человѣкъ; и сіе должно приписать тому, что онъ провелъ жизнь свою при отправленіи печальныхъ должностей.

По причащеніи Черной Иванъ примѣтилъ, что дядя его не нашутку пригорюнился, почему и началъ дѣлать ему утѣшительныя поученія, напутствующія къ вѣчному животу; по томъ спросилъ у умирающаго: не хочетъ ли выпить стаканъ водки.... Вод-

ки! — нѣтъ, — ничего не желаю, кромѣ царства небеснаго, которое получить твердо надѣюсь. . . . И по сихъ словахъ почилъ онъ съ миромъ въ объятіяхъ чувствительнаго Меланхолика, которой горько плакалъ объ немъ.

Нѣсколько утоливъ горесть свою, пошелъ къ погребателю, которой показалъ ему таксу погребенія.

Черной Иванъ, будучи книгопродавцемъ, хотя всему зналъ вѣрную цѣну; однакожъ никогда не случалось слышать ему о погребательной таксѣ. — Подождите, сказалъ онъ, я скоро приду. . . . и по совѣту одной честной лоскутницы обѣщался заплатить за похороны пятнатцать ливровъ. . . И такъ, примолвилъ понамарь, только въ малые колокола звонить будутъ: вить сихъ денегъ мало и на копаніе могилы.

ГЛАВА XXI.

Черной Иванъ живетъ въ улицѣ Гюшеттъ.

Церемонія, наблюдаемая въ Парижѣ при похоронахъ, не возродила ни малой охоты въ моемъ Витязѣ тамъ умереть. Онъ, по причинѣ застѣнчиваго своего характера, не любилъ сего города. По мнѣнію его, никакимъ способомъ не можно сдѣлать свѣжимъ испорченный тамъ воздухъ, и никакими почестями, опредѣленными въ награду добродѣтели, не льзя поправить испорченныхъ женскихъ нравовъ. — Почему, во ожиданіи лучшія участи, расположился жить по хозяйски въ нанятомъ домикѣ, находящемся въ улицѣ Гюшеттъ.

Сочинители Романовъ, никогда не отпускаютъ своихъ героевъ въ дальній путь съ пустыми кошельками; они хорошо это дѣлаютъ.

Черному Ивану также немалая нужда была въ кошелькѣ, чтобъ совершеннѣйшимъ сдѣлаться въ тѣхъ познаніяхъ, коимъ изъ продаваемыхъ книгъ научился. Сверьхъ же сего долженъ онъ былъ давать деньги всѣмъ привратникамъ, дабы они допускали его къ знатнымъ господамъ, отъ коихъ вмѣсто милостей и правосудія нерѣдко получалъ отказъ.

Нелюдимъ заплатилъ за то, чтобъ позволили ему взойти къ Порутчику Полиціи, которой предлагалъ ему мѣсто копіиста. Но Меланхоликъ отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ, что онъ лучше согласится переписывать любовныя письма.

Заплатилъ онъ за доступъ къ откупщипу, которой хотѣлъ его сдѣлать прикащикомъ при винныхъ заводахъ съ тѣмъ, чтобъ онъ перемѣчивалъ бочки и считалъ, сколько продано вина. Но

Черной Иванъ сказалъ, что лучше согласится считать, сколько капель воды въ годъ протечетъ подъ новымъ мостомъ.

Заплатилъ за входъ къ Парижскому сборщику пошлинъ, которой обѣщался сдѣлать его придверникомъ въ своей канторѣ съ тѣмъ, чтобъ очищалъ карманы у пріѣжжающихъ изъ Нормандіи. Но онъ отвѣчалъ, что лучше согласится опять итти въ Типографскіе наборщики.

Заплатилъ за позволеніе взойти къ главному Казначею, которой хотѣлъ сдѣлать его контролеромъ; но *Нелюдимъ* сказалъ, что лучше опять пойдетъ въ библіотеку, и весь вѣкъ свой будетъ учиться считать числа.

Заплатилъ за то, что доложили объ немъ Полковнику, ко-

торой хотѣлъ сдѣлать его старшимъ сержантомъ; но онъ сказалъ, что лучше сдѣлается мясникомъ, нежели согласится за два гроша убить Агличанина.

Заплатилъ наконецъ за позволеніе взойти въ Магистратъ, которой хотѣлъ опредѣлить его въ штатъ къ Прокурору для переписки болѣе двѣнатцати дюжинъ крючкотворныхъ дѣлъ: но Нелюдимъ съ сердцемъ отвѣчалъ, что лучше согласится работать у садовниковъ и разводить морковь въ слободѣ Святаго Антонія.

ГЛАВА XXII.

Отъѣздъ Черного Ивана въ Марсель.

Меланхоликъ Черный Иванъ, живучи въ наемномъ домикѣ, иногда ходилъ въ театръ и въономъ находилъ нѣкоторое увеселеніе.

Онъ, идучи по Парижской мостовой, при каждомъ шагѣ чувствовалъ досаду и огорченіе.

Огорчался Нелюдимъ при встрѣчѣ съ каретами и лакеями.

Огорчался при встрѣчѣ съ хитрецами, мошенниками и шишиморами.

Огорчался при встрѣчѣ съ долгими париками, съ чепешницами и лоскутниками.

Огорчался при встрѣчѣ съ модницами и женщинами всякаго сорта.

Огорчался при встрѣчѣ съ вооруженными господами, съ банкрутами и съ толпою любителей новостей.

Огорчался, когда сказывали ему, что нѣкоторые просвѣщенные люди удавились, или бросились въ Сейнъ для прекращенія своихъ горестей, чего и съ дикими никогда не случается.

Огорчался, слыша, что и въ Парижѣ, такъ какъ въ лѣсу, от-

рабили человѣка, и не оставили у него ни часовъ, ни табакерки, ни башмаковъ, ни шляпы, ни верьхняго и исподняго платья.

Черной Иванъ въ великомъ былъ замѣшательствѣ; но нашелъ благопріятной случай выѣхать изъ Парижа. Правительство рѣшилось для наблюденія Венерина теченія отправить на кораблѣ одного Г. Аббата . . . которому надлежало ѣхать въ Марсель. Сей почтенный мужъ весьма снисходителенъ былъ. Онъ любилъ заниматься болѣе небесными, нежели земными вещами. Черной Иванъ, которой снабжалъ его многими Астрономическими книгами, тотчасъ открылся ему въ своихъ неудовольствіяхъ, Г. Аббатъ охотно принялъ его въ свои сопутники, обѣщаясь притомъ и всегда веселить его, только бы онъ помогалъ ему пѣть обѣдню.

ГЛАВА XXIII.

Черной Иванъ пріѣжжаетъ въ Марсель.

Господинъ Аббатъ совсѣмъ собрался въ путь; и моего Витязя также не долги были сборы; — онъ не богатѣе Біаса; — ничто не привязывало его къ сему превратному свѣту; — Астрономъ посадилъ его возлѣ себя; — вотъ и все дѣло кончено.

Изъ Аббатовыхъ записокъ, находящихся въ библіотекѣ де .... видно, что они на первой ночлегѣ остановились въ Фонтенебло. Черной Иванъ предлагалъ Г. Аббату, не изволитъ ли прогуляться, и посмотрѣть на замокъ нашихъ Государей; но сей набожный мужъ отвѣчалъ, что расположился онъ пѣть вечерню, по томъ читать правило на сонъ грядущимъ, а послѣ онаго отправить напередъ и утренніа молитвы. ... — Какъ? —

и утренния молитвы! ... вскричалъ съ досадою Нелюдимъ ... Но онъ скоро успокоился, и сей день провелъ почти безъ огорченія.

На другой день наши путешественники оставили Фонтенебло и скоро проѣхали чрезъ Неверсъ, не удостоя своимъ посѣщеніемъ тамошнихъ фабрикъ и столярнаго ряду; ибо господинъ Аббатъ устремилъ все свое вниманіе на звѣзды, и совсѣмъ не хотѣлъ заниматься земными вещами; онъ даже не далъ времени моему Витязю купить и ножа, а заставилъ его пѣть часы.

По томъ пріѣхали они ночевать въ Ліонъ. Нелюдимъ, которой уже раскаевался о своемъ отъѣздѣ изъ Парижа, вздумалъ было прогуляться по городу incognito, и разсмотрѣть древности, Катедральной соборъ и замокъ де Піерръ Ансизъ. Но Аббатъ, узнавъ

о семъ, сказалъ ему безъ обиняковъ и безъ всякаго сердца: Черной Иванъ! ты знаешь нашъ уговоръ; мнѣ теперь неотмѣнно надобно отправлять Божественную службу. — Я за это получаю годоваго доходу до десяти тысячь ливровъ; — Завтрешняго дни не пробуду здѣсь; — должно мнѣ поспѣвать въ назначенное мѣсто въ ту самую минуту, какъ Венера станетъ проходить; — вить она не будетъ дожидаться меня. — Мизантропъ принужденъ былъ согласиться на сіи столь убѣдительныя причины.

Ты не понимаешь, Черный Иванъ, продолжалъ Аббатъ, какое удовольствіе ощущаю я при чтеніи моего служебника; — какія въ немъ усладительные гимны! — какіе высокопарные псалмы! — Милостивый Государь! отвѣчалъ съ учтивостію Нелюдимъ, изви-

ните мнѣ, что изъ чтенія вашего служебника не ощущаю подобнаго вашему удовольствія, ибо не получаю за сіе дохода десяти тысячь ливровъ; да притомъ и по Латынѣ не лучше знаю нашихъ благочестивыхъ монахинь. Наконецъ прибыли они въ Марсель весьма разстроены. —

И здѣсь-то мой Витязь кончилъ первую книгу своихъ записокъ, не говоря пространнѣе о своемъ путешествіи; — да что бы болѣе и сказать ему? Онъ ничего болѣе не видалъ въ дорогѣ, кромѣ ямщицкихъ спинъ и пресвѣтлаго Аббатскаго лица; однако есть такіе путешественники, кои не столько скромны, какъ Нелюдимъ; они дѣлаютъ физическія и моральныя подробныя замѣчанія о такихъ странахъ, чрезъ кои столь же скоро проѣхали, какъ и Аббатъ съ Меланхоликомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Черный Иванъ располагается ѣхать на корабль.

Марсельская пристань чрезвычайно привлекла на себя вниманіе Чернаго Ивана. — Безпокойства, шумъ, обыкновенія разныхъ народовъ, различные языки ихъ, коихъ онъ отъ роду своего не слыхивалъ, приводили ему на память смѣшеніе Вавилонское; приготовленной для Г. Аббата корабль и неизмѣримое пространство морей умножали въ немъ меланхолію. Нелюдимъ на каждомъ шагу встрѣчался съ любопытными и чрезмѣрно веселыми людьми, кои спрашивали его, куда ѣдетъ, чего и самъ

онЪ не зналЪ, и допытывались о имени отца его, котораго и вЪ глаза никогда не видалЪ.

Почтенный АббатЪ по щастью позвалЪ его кЪ себѣ, и чрезЪ то избавилЪ отЪ отвѣта на сіи столь важные и трудные вопросы. . . . Люди вездѣ несносны, сказалЪ Черной ИванЪ; на моей родинѣ всѣ меня знали, а здѣсь никому я незнакомЪ: и такЪ при каждомЪ шагѣ надобно разсказывать всякому свою родословную; развѣ не довольно сЪ меня того, чтобЪ быть честнымЪ человѣкомЪ? Парижской стукЪ поражалЪ меня изумленіемЪ, а здѣшній шумЪ приводитЪ вЪ замѣшательство. За чѣмЪ сюда пріѣжжаютЪ чужестранцы? за чѣмЪ здѣсь сіи запачканные матросы, кои заражаютЪ воздухЪ такимЪ зловоннымЪ дымомЪ? . . . Они ѣздятЪ торговать, отвѣчалЪ Г. АббатЪ; они ѣздятЪ

мѣнять свои товары на наши. — Да для чегожъ оныя мѣнять, спросилъ Черной Иванъ? для чего отдавать произведенія нашей земли, самимъ намъ и нужныя и свойственныя за ихъ произведенія совсѣмъ безполезныя для насъ? Для чего дарованное намъ Создателемъ вино мѣнять на сахаръ и чай, коими не угодно Ему было снабдить насъ? Прилично ли жителю Сѣвера мѣхи свои мѣнять на Персидскіе штофы, а Персіанину свои штофы на мѣхи? Индѣйцы и другіе дикіе народы, ничѣмъ незанимающіеся, гораздо умнѣе поступаютъ Европейцовъ, обремененныхъ безпрестанными трудами. Ты много читалъ книгъ, сказалъ Г. Аббатъ Нелюдиму, но видно не научился политикѣ; — коммерція необходимо нужна для благосостоянія государствъ. — Я это-

му вѣрю, сказалъ Черной Иванъ, вы мой благодѣтель; но, дражайшій благодѣтель мой, позвольте спросить, какая необходимость побуждаетъ Аббата оставлять своихъ монаховъ для наблюденія теченія Венерина? Монахи не имѣютъ во мнѣ нужды, отвѣчалъ Г. Аббатъ; я не настоящій Аббатъ ихъ, а приватной. — Впрочемъ достойны всякой похвалы тѣ люди, кои любятъ древность и никому не дѣлаютъ зла; и правительство весьма хорошо поступаетъ, что печется о теченіи небесныхъ свѣтилъ, и удостоиваетъ своего покровительства Астрономическую науку, толико полезную для рода человѣческаго.

ГЛАВА II.

Отъѣздъ изъ Марсели.

Между тѣмъ, какъ Г. Аббатъ и Черной Иванъ такимъ образомъ разсуждали, корабль нагружаемъ былъ всѣмъ нужнымъ для пути, а именно: сухарями, солониною, Математическими инструментами для наблюденія, сокращенными катихизисами для наставленія матросовъ, нѣкоторыми забавными книгами для Капитана, Порутчиковъ, Астрономовъ, Физиковъ, Натуралистовъ и Философовъ.

Мнѣ не удалось видѣть каталога всѣмъ взятымъ на корабль книгамъ; но увѣряютъ меня, что не было тамъ ни изъясненій и замѣчаній на законы, ни мистическихъ сочиненій, ни Академическихъ записокъ.

Собравшись со всѣмъ пустились они въ море, Черной Иванъ началъ размышлять о горестной своей участи и приключеніяхъ ... Я въ Аленсонѣ плелъ кружева, говорилъ самъ себѣ; по томъ былъ наборщикомъ въ Типографіяхъ и продавцемъ книгъ по той причинѣ, что покойной дядя мой, площадной извощикъ, нашелъ въ своей повозкѣ одну рѣдкую книгу. ... Теперь же нахожусь среди пространныхъ морей, потому что правительство послало Аббата наблюдать Венерино теченіе: какаяжъ участь предоставлена мнѣ? . . . Г. Аббатъ, которой умѣлъ разгонять Иванову задумчивость, по щастью пришелъ извлечь его изъ оной, и сталъ съ нимъ играть въ домино и бреланъ, ибо по мнѣнію его сіи игры не соблазнительны; онъ твердо увѣренъ былъ, что мореплавателямъ для забавы позволи-

тельно играть во всѣ игры, и что Астрономъ, посланный дѣлать новыя открытія, точно такъ же безъ зазрѣнія совѣсти можетъ играть въ брелань на Средиземномъ морѣ, какъ другіе въ Парижѣ играютъ въ лотереи. Да и естьли Греки изобрѣли шахматную игру при осадѣ Трои, то для чего и матросамъ въ праздное время не выдумывать другихъ игоръ.

И такъ Аббатъ и Черной Иванъ для препровожденія времени играли въ домино, а по томъ читали молитвенникъ. . . . Развѣ вездѣ должно читать служебникъ, спрашивалъ мой Витязь, на морѣ и на сушѣ! — Конечно, и я бы охотно согласился читать его не только на семъ, но и на томъ свѣтѣ. — Но есть въ немъ молитвы слишкомъ долгія! — Правда, и притомъ не всѣ онѣ пи-

саны Цицероновою латынью. — Но Аббатъ, будучи придворнымъ Министромъ, можетъ ли оныя сокращать, особливожъ когда знаетъ онъ и житія Святыхъ? — Безъ сомнѣнія можетъ по Папскому разрѣшенію. — Можетъ ли онъ пропускать встрѣчающіеся изъ С. Писанія тексты, зная притомъ наизусть всю Библію? — Конечно можетъ по Папскому разрѣшенію. — И такой Астрономъ, какъ вы, милостивѣйшій мой благодѣтель, можетъ ли оставить свой молитвенникъ во время наблюденія Венерина теченія? — О! безъ сомнѣнія можетъ по Папскому разрѣшенію — По этому Папа великую имѣетъ власть, сказалъ Черной Иванъ; надобно мнѣ посмотрѣть его.

ГЛАВА III.

Приключенія въ Средиземномъ морѣ.

Покорно прошу читателя моего, чтобъ онъ простилъ Г. Аббату и Черному Ивану за вышесказанное препровожденіе времени. Мореплаватели по причинѣ своей праздности весьма много говорятъ и праздныхъ словъ.

Между тѣмъ, какъ они такимъ образомъ по пустому теряли время, корабль безпрестанно плылъ впередъ. Уже потеряли изъ виду предмѣстья Прованса, и оставили къ Востоку острова Корсику и Сардинію, уже проѣхали Минорку, и приближались къ Варварскимъ берегамъ; — Г. Аббатъ, которой кромѣ Астрономіи зналъ и другія науки, разсказывалъ Чер-

ному Ивану, какъ Нептунъ основалъ Кароагенъ, какъ коммерція возвысила могущество сего города, какъ богатство развратило гражданъ, какъ Римляне, препоясанные желѣзными мечами, подъ покровительствомъ Марсовымъ побѣдили Кароагенцовъ, вооруженныхъ злато-блестящимъ оружіемъ; онъ, надѣвъ свои очки, старался разсмотрѣть Кароагенскія развалины, и хотѣлъ было еще разсказывать Нелюдиму о Гиппонѣ, о святомъ Августинѣ и толковникахъ его, о Сорбонскихъ состязаніяхъ, о Папскихъ буллахъ, о Бастиліи и Королевскихъ указахъ; онъ пріуготовлялся было возобновить всѣ горести Чернаго Ивана, понесенныя имъ въ улицѣ Св. Іакова, но матросы увидѣли плывущія Алжирскія судна.

Г. Аббатъ и Черной Иванъ уступили палубу матросамъ, а

сами убрались для предосторожности во внутреннюю часть корабля ... Это морскіе злодѣи и разбойники, сказалъ Г. Аббатъ. — Разбойники! ... вскричалъ Черной Иванъ; вить у нихъ пристанище въ Мулинскомъ лѣсу, да въ Парижѣ: какъ же они очутились въ Средиземномъ морѣ? Впрочемъ я не боюсь ихъ, у меня нечего имъ взять. — Они возьмутъ тебя въ полонъ, скуютъ и заставятъ работать, какъ Нормандскаго быка. — И ихъ за это до сихъ поръ не перевѣшаютъ! — Они всѣми терпимы; нѣтъ ни боговъ, ни героевъ, кои бы могли истребить сихъ земныхъ чудовищъ; — нѣтъ болѣе въ подсолнечной рыцарей, исторгающихъ красавицу изъ тиранскихъ рукъ. — Но Нелюдимъ, смотря печально на Ландкарту, сказалъ, что Испанцы, Женевцы, Неаполитанцы и Малтійскіе кавалеры долж-

ны бы вмѣстѣ соединиться для разсѣянія скопища сихъ разбойниковъ, такъ какъ Бенвильскіе, Танвильскіе и Ландегульскіе мужики соединяются для выгнанія волковъ изъ Экувскаго лѣсу.

Лишь Меланхоликъ окончалъ свою рѣчь, Офицеръ пришелъ къ намъ съ объявленіемъ, что бояться нечего; ибо на Алжирскихъ судахъ находились большею частію Мавры, кои еще хотѣли Испанцамъ мстить за то, что сіи выгнали ихъ изъ Гренады въ 1492.

ГЛАВА IV.

Черной Иванъ возлѣ Испанскихъ береговъ.

Черной Иванъ размышлялъ о закоснѣлой злобѣ, около 300 лѣтъ питаемой Маврами противъ Испанцовъ. Г. Аббатъ, надѣвъ очки

на свой долгой носЪ, смотрѣлЪ на берега Мавританскаго королевства, и старался увидѣть ту церковь, гдѣ почиваетЪ прахЪ Астронома Алфонса, Кастильскаго Короля. Офицеры играли вЪ бреланЪ, а солдаты вЪ домино; кормщикЪ наблюдалЪ магнитную стрѣлку, матросы отправляли свою работу, и между симЪ примѣтили Гренадскіе берега. Г. АббатЪ вдругЪ сЪ отчаянія кинулЪ свои очки, а НелюдимЪ пробудился отЪ произшедшаго шума.... Что ты дѣлалЪ ИванЪ? — Милостивый государь! я размышлялЪ о человѣческой злости; а вы что изволили дѣлать? — Я размышлялЪ о великомЪ Алфонсѣ..... У каждаго свой вкусЪ: но вотЪ Гренада.

Теперь кстати, скажите мнѣ, почтенный АббатЪ: для чего Испанцы выгнали МавровЪ? видно не гдѣ было всѣмЪ умѣститься? —

Не гдѣ умѣститься! ... для заселенія всея Испаніи еще потребны цѣлыя двѣ трети народа. Мавры обработывали землю, удобряли ее, никому не вредили; но по нещастію были они Мусульмане и носили на головахъ своихъ чалмы. Король Фердинандъ не могъ ихъ терпѣть, и выгналъ изъ нихъ нѣкоторую часть, а для оставшихся учредилъ жестокой судъ Инквизиціи и многихъ сожигалъ. Филиппъ II принуждалъ ихъ по Испански говорить, Испанское платье носить, и еще за упрямство выгналъ сорокъ тысячь человѣкъ изъ своего государства; но такая Испанская политика весьма неблагоразумна, и это еще не все: Испанцы, коихъ руки не привыкли воздѣлывать земли, еще ищутъ земель въ другомъ полукружіи нашего шара, съ жадностію бѣгутъ на Перуанскіе рудники и вытаскиваютъ от-

тол҃ золото и прочія драгоцѣнности, и сіи знаки размѣны предпочитаютъ изобильнымъ жатвамъ ихъ и рукодѣльямъ, сему настоящему и постоянному богатству государствъ.

Но между тѣмъ, какъ Аббатъ разсказывалъ Черному Ивану о Испанцахъ, Маврахъ, торжественномъ судѣ Инквизиціи, о Филиппинцахъ и Перу, корабль плылъ безпрестанно, и уже потеряли изъ виду Малагскую пристань и увидѣли вдали Гибралтаръ, на которой Офицеры смотрѣли въ зрительныя трубы, и нещадно ругали Испанцовъ за то, что они тамъ обидѣли Агличанъ, и клялись, что естьлибъ имъ принадлежала Андалузія, то бы они выгнали ихъ изъ Гибралтара, такъ же какъ и изъ Кале, Кербурга, Сентоня и Бурдо.

ГЛАВА V.

Упражненія Чернаго Ивана на кораблѣ.

Проѣхавши узкой Гибралтарской заливъ, наши мореплаватели пустились въ Океанъ, и миновавъ къ Сѣверу мысъ Св. Викентія, поплыли къ Мадерскому острову. Ничего болѣе не видно было, кромѣ неба и воды: въ такомъ положеніи Иванова меланхолія каждой день усиливалась; сухари, солонина, молитвенникъ и домино не могли его излѣчить отъ оной.

Г. Аббатъ, сочелъ сіе время за весьма способное къ воспитанію Чернаго Ивана, коего голова еще не забита была никакими школьными враками, которой не зараженъ былъ никакими ложными понятіями и не приверженъ ни къ одной системѣ, что хорошую по-

давало объ немъ надежду. Капитанъ рекомендовалъ ему свою библіотеку, и Г. Аббатъ взялъ изъ оной Универсальной Атласъ, Всеобщую Исторію съ собраніемъ путешествій, и вручилъ моему Витязю. — Адмирала Ансона и Кука еще не было на свѣтѣ.

Черной Иванъ всегда безполезно занимался чтеніемъ. Читалъ онъ книги въ Типографіяхъ во время своей работы. Представте, забавно ли такое чтеніе?

Слегка читалъ онъ книги, продавая оныя; но какую пользу могъ почерпнуть изъ такого чтенія? Находясь въ Королевской библіотекѣ занимался онъ одними только поверхностями наукъ, такъ можетъ ли сіе знаніе почесться твердою пищею души?

Нелюдимъ помощію Географіи узнавалъ домы прежде, нежели хо-

зяевъ живущихъ въ оныхъ; онъ Всеобщую карту раздѣлялъ на частныя; по томъ сіи складывалъ и опять составлялъ изъ нихъ Всеобщую карту. По щастью не попадались ему въ руки Бнеффіеровы стихи, коихъ какъ изъ древней, такъ и нынѣшней Литтературы, нѣтъ ничего гнуснѣе, нелѣпотнѣе и отвратительнѣе.

Онъ пріобрѣлъ понятіе вообще о всѣхъ народахъ, о нравахъ ихъ, обыкновеніяхъ, взаимныхъ соотношеніяхъ, преселеніяхъ и войнахъ, отъ коихъ становились у него дыбомъ волосы. Но не случалось читать ему Частной Исторіи объ одномъ какомъ нибудь небольшемъ городкѣ, объ одномъ замкѣ, объ одной фамиліи, объ одномъ человѣкѣ, объ одной буллѣ, объ одномъ предложеніи, объ одномъ фразѣ, объ одномъ словѣ, объ одной запятой.

Г. Аббатъ, искренно любя Чернаго Ивана, рѣшился научить его и Астрономіи, сей полезнѣйшей наукѣ для рода человѣческаго. Онъ часто говорилъ ему съ великимъ энтузіазмомъ о различныхъ небесахъ, о планетахъ, коихъ въ то время было только семь, о неподвижныхъ звѣздахъ и млечномъ пути, но Черной Ивэнъ не хотѣлъ и слушать о семъ, и всегда крѣпко въ томъ стоялъ, что Сократъ, предпочитавшій Моральную Философію всѣмъ прочимъ наукамъ, почитаемъ былъ первымъ Греческимъ мудрецомъ.

ГЛАВА VI.

Черной Иванъ пріѣжжаетъ въ Мадеру.

Корабль благополучно приплылъ въ Мадерскую рейду, и всѣ

бывшіе на ономъ немедленно разбрелись по городу.

Г. Аббатъ искалъ способнаго мѣста для Астрономическихъ наблюденій, и чрезвычайно удивился, что у людей, пьющихъ мускатное пиво, нѣтъ обсерваторіи.

Натуралистъ вскарабкался на высочайшія скалы для собранія нѣкоторыхъ самыхъ извѣстнѣйшихъ травъ; онъ влѣзъ въ ущелины и искалъ тамъ хризолиту; набралъ на рѣчномъ берегу черныхъ кремней и хотѣлъ объ нихъ написать большую диссертацію, и доказать, что на семъ островѣ нѣкогда бывали сильныя землетрясенія.

Философъ дѣлалъ свои замѣчанія въ Фунгальскомъ трактирѣ, и заключалъ, что живущіе здѣсь Португальцы грубы и неучтивы; что они темноволосы, живы и сладострастны; матросыжъ по-

пивали вино, не обременяя своего мозга никакими излишними умствованіями.

Черной Иванъ, привыкшій часто размышлять о предметахъ ни мало нетрогательныхъ, вмѣсто того, чтобъ удивляться прекрасному Мадерскому мѣстоположенію, и прогуливался по аллеямъ усаженнымъ цитронами, оранжами, миртовыми и розовыми кустами, сѣлъ подъ однимъ старымъ дубомъ, и размышлялъ о плачевной участи Португальцовъ. . . . Сія, говорилъ онъ, знаменитостію и могуществомъ нѣкогда славившаяся нація, которая первая презрѣла нестерпимые жары горячаго пояса и населила своими жителями мысъ Доброй Надежды, проложила путь Европѣ въ Индіи, открыла Васко де Гамо, Албюкеркъ, Лопецъ-Зоарецъ те-

перъ не что иное, какѣ подлая раба гордаго Албіона, повелѣвающаго ею вѣ сихѣ пристаняхѣ, ограничивающаго коммерцію и могущество ея, и управляющаго по своей волѣ даже самими ея мыслями и политикою.

Какѣ Черной Иванѣ занимался сими размышленіями, подулѣ вѣтерѣ, коимѣ наши мореплаватели пользуясь начали поднимать парусы. Аббатѣ понуждалѣ всѣхѣ кѣ отѣѣзду; тотчасѣ скликали натуралистовѣ бродившихѣ по горамѣ, и собрали по трактирамѣ разсѣявшихся философовѣ и матросовѣ, коимѣ вино вкусно показалось. — По семѣ выѣхали благополучно изѣ залива.

ГЛАВА VII.

Сильная буря.

Два дни дулъ сей щастливой вѣтеръ, небо было чисто, всѣ веселились; Офицеры не думали о своихъ любовницахъ; матросамъ не приходили на мысль Марсельскіе кабаки; они уже начали позабывать и о Фунгальскомъ винѣ. Г. Аббатъ смотрѣлъ на Астролябію, а Черной Иванъ прохаживался съ задумчивостію по палубѣ.

Вдругъ кормщикъ поблѣднѣлъ, рыбы начали выскакивать на поверьхность воды, какъ будто желая оставить свое мрачное жилище; птицы, летая въ воздухѣ, жалостные испускали крики, солнце померкло, небо покрылось густымъ мракомъ; раздававшійся вдали громъ началъ приближаться, засвистѣли порывистые вѣтры;

волны поднимались; молніи блистали со всѣхъ сторонъ; объемля сильнымъ пламенемъ всѣ морскіе пары поднявшіеся на воздухъ; дождь ручьями шелъ.

Кормщикъ оставилъ свой руль; никто не повелѣвалъ, никто не повиновался, всѣми уныніе овладѣло. Матросы пригорюнившись стояли на колѣняхъ возлѣ большой мачты и призывали въ помощь всѣхъ Святыхъ; а особливо молились укротителю сей стихіи Св. Барбу. — Самые Офицеры со страху перестали философствовать и смѣяться надъ корабельнымъ Священникомъ; они желали бы на это время очутиться въ Марсели и слушать мшу въ церкви Св. Виктора.

Г. Аббатъ досадовалъ на свое чрезмѣрное пристрастіе къ Астрономіи, и раскаевался, что столько пріобрѣлъ знаній и толикую

славу; онъ желалъ лучше быть въ Парижѣ, и прогуливаться въ Тюллерійскомъ дворцѣ.

А Черной Иванъ что дѣлалъ? — Онъ проклиналъ Финикіанъ изобрѣтшихъ мореплаваніе, и Карѳагенцовъ приведшихъ оное въ совершенство; нещадно ругалъ всѣхъ изобрѣтателей Компаса и Астролябіи; онъ поносилъ сребролюбіе купцовъ и любопытство правительствъ, и раскаивался, что не остался наборщикомъ въ Парижѣ.

Наконецъ бурные аквилоны сокрылись въ свои мрачныя пещеры, море утихло и небо выяснилось; увидѣли вдали зеленый мысъ: матросы опять приободрились; Капитанъ приказалъ заѣхать въ С. Яго, чтобъ тамъ поправить свои силы, утомленныя бурею.

ГЛАВА VIII.

Черной Иванъ заѣжжаетъ въ Сентъ-Яго.

Какъ жена, по разрѣшеніи своемъ отъ бремени, забываетъ болѣзни претерпѣнныя отъ родовъ: такъ матросы, добравшись до кабаковъ, предаютъ забвенію всѣ напасти понесенныя ими на морѣ.

Какъ скоро корабль сталъ на якорь, Натуралисты и Философы, для дѣланія наблюденій, разсѣялись по острову; плотники чинили повредившіяся части корабля; матросы, кои уже не думали о богомольѣ, немедленно разбрелись по кабакамъ; только одинъ Черной Иванъ остался на кораблѣ, и бесѣдовалъ съ однимъ Аглинскимъ Капитаномъ, которой умѣлъ по Французски говорить. .... Вы, милостивый государь, не для наблюденія ли же Ве-

нерина теченія ѣдете, спросилъ Черной Иванъ? — Избави Боже, отвѣчалъ Капитанъ; я торгую, другъ мой, Африканскими Неграми, кои прибыльнѣе для меня всѣхъ вашихъ Астрономическихъ наблюденій. — И такъ вы торгуете людьми! — Конечно, ими прибыльнѣе торговать, нежели Ирландскими быками; хотя Негры и не слишкомъ здоровы, однако я умѣю ихъ сбывать съ рукъ Французамъ и Испанскимъ Колонистамъ. — Одни вы отправляете сію торговлю? — Одинъ! какой ты чудной человѣкъ! развѣ не знаешь, что каждой годъ изъ Англіи выѣжжаютъ двѣсти пятьдесятъ кораблей на сей промыслъ, и вывозятъ ежегодно по сороку тысячь Негровъ. — Что вы за нихъ платите? — Всякія небольшія желѣзныя и стеклянныя ве-

щицы, водку, а иногда и деньги. — Всѣ ли Европейцы участвуютъ въ сей торговлѣ? — Безъ сомнѣнія всѣ, кои въ Америкѣ имѣютъ свои владѣнія. Французы наипаче торгуютъ въ Сенегалѣ, Голландцы въ Сентъ Жоржъ де ла Мина, Датчане на рѣкѣ Волтѣ, Португальцы въ Сентъ-Паоло де Лоанда; наша нація въ Гамби, въ Серръ-Монѣ, въ Калбари и прочихъ мысахъ и островахъ. Черной Иванъ, слушая сію перепись, вспомнилъ о главныхъ Французскихъ ярмонкахъ, помѣщенныхъ имъ въ Королевскомъ календарѣ. .. Наша нація, продолжалъ Капитанъ, имѣетъ торговлю и въ другихъ Африканскихъ мѣстахъ, о коихъ не могу теперь вспомнить; одни только Испанцы не ѣздятъ туда: но я смѣло пророчествую, что они скоро съ большею предъ прочими жадностію станутъ покупать себѣ Негровъ. ...

Атличанинъ не обманулся: по послѣднему трактату, заключенному въ 1778 году между Испанскимъ и Португальскимъ дворомъ, Испанія уступила Португалліи два острова единственно за позволеніе торговать Неграми.

ГЛАВА IX.

Отъѣздъ изъ Сентъ - Яго.

Нашимъ странникамъ скучно жить показалось въ Сентъ - Яго; это самая дурная сторона, изъ нее ничего не вывозятъ, кромѣ одного красильнаго соку; при всемъ томъ они закупили тамъ свѣжей говядины; ибо Философамъ и Астрономамъ очень пріѣлась солонина.

Прекрасная погода, свѣжая пища и вкусное Мадерское вино

вливали въ сердца всѣхъ бодрость и веселіе; одинъ Черной Иванъ не переставалъ размышлять о Африканской торговлѣ. — Между тѣмъ увидѣли на встрѣчу плывущій Аглинской корабль, которой отправленъ былъ отъ компаніи къ Губернатору съ объявленіемъ, что Индостанскіе Князья вооружаются.

Предпріимчивые Французскіе Офицеры клялись всѣхъ издревле ненавистныхъ имъ Агличанъ перерубить наголову, естьли сіи не поздравятъ ихъ напередъ.

И такъ Послы компаніи, сіи знатные подданные Аглинскаго Короля, титулующагося Французскимъ Королемъ, Герцогомъ Гюонскимъ и Нормандскимъ, принуждены были съ униженностію поздравить Французскихъ Г. Астрономовъ, ѣхавшихъ въ Перу.

Нелюдиму весьма понравилась морская учтивость; но онъ весьма удивлялся тому, что люди на сухомъ пути дерутся за неснятіе съ головы шляпы, а на морѣ за невыстрѣлъ изъ пушки, и дѣлаются непріятелями на такой стихіи, на которой со всѣхъ сторонъ окружены опасностями. Меланхоликъ никогда не выпускалъ изъ мыслей своихъ сильной бури, застигшей ихъ между Мадерою и островами Зеленаго мыса.

Переѣздъ изъ Сентъ-Яго въ Ріо-Жаніеро по причинѣ дальняго разстоянія чрезвычайно скученъ для мореплавателей. Аббатъ зѣвалъ съ кормщикомъ, измѣряя солнечную высоту; зѣвали Офицеры играя въ домино, зѣвалъ и Нелюдимъ, читая книги: наконецъ по долгомъ зѣваніи при благополучномъ вѣтрѣ пріѣхали въ Ріо-Жаніеро.

ГЛАВА X.

Прогулка Чернаго Ивана въ Ріо-Жанієро.

Еммануилъ Са первый основалъ городъ Ріо-Жанієро въ прекрасномъ климатѣ, при подошвѣ великолѣпнаго холма. Золото тамъ съ избыткомъ истекаетъ изъ земныхъ нѣдръ. Аметисты, топазы и хризолиты вездѣ блещутъ. Боги безъ сомнѣнія оставили Олимпъ и преселились въ сію щастливую страну; я думаю, что здѣсь-то изчезнетъ Иванова меланхолія.

Нелюдимъ прогуливался по городу, и встрѣчался съ малорослыми и весьма безобразными людьми, совсѣмъ непохожими на баснословныхъ боговъ; онъ видѣлъ женщинъ, кои обвѣшавшись ковчежцами съ мощами, освященными Папою медалями, четками и

крестами, гуляли по балконамъ и кидали на него любовные взоры; видѣлъ премножество настроенныхъ по всѣмъ улицамъ Oраторій, въ коихъ воспѣваемы были духовныя пѣсни.

Онъ сверьхъ чаянія моего возвратился на корабль несравненно задумчивѣе прежняго. Стихотворческіе боги, кои пасли стада, казались ему пріятнѣе сихъ малорослыхъ Португальцовъ, которые стерегли рудокопные заводы. Растрепанныя Парижскія красавицы, прельщающія мущинъ своими косынками, не столько были ему ненавистны, сколько Португалянки, кои будучи обвѣшены мощами, соблазняли мимоходящихъ. Великолѣпные храмы, въ кои никто не дерзаетъ входить безъ трепету и благоговѣнія, считалъ онъ гораздо болѣе достойнѣйшими почтенія,

нежели всѣ Португальскія Оратоpіи, настроенныя по всѣмъ улицамъ, наполненнымъ толикими злодѣяніями; словомъ, Черному Ивану совсѣмъ не нравились сіи маленькія церкви. Въ углу одной галлереи, великолѣпно украшенной живописными картинами, представляющими ложныхъ боговъ и Амазановъ, лишь только отворилъ онъ небольшой шкапъ, то галлерея и сдѣлалась церковію; также въ одной залѣ, гдѣ нерѣдко праздновали Бахусу и забавлялись всякими непристойными играми, только отворилъ бюфетъ: то изъ сея залы и сдѣлалась церковь.

Онъ все это приписывалъ золоту, и всегда измѣрялъ степень развращенія количествомъ сего метала; говорилъ онъ въ своей задумчивости, что золото было причиною всѣхъ человѣческихъ несчастій; что оно вооружило руки

убійцъ, овладѣло неприступными мѣстами, покорило города, выиграло баталіи и развратило юношескія сердца.

ГЛАВА XI.

Черной Иванъ пріѣжжаетъ въ Монтъ-Видео.

Женщины въ Ріо-Жаніеро по природѣ нѣсколько склонны къ забавамъ; ревнивость мужей сію склонность усиливаетъ въ нихъ, а золото, доставаемое тамъ изъ горъ, ослѣпляетъ своимъ блескомъ стоокихъ Аргосовъ и доставляетъ симъ красавицамъ свободу предаваться своей любовной страсти. Проворные Французскіе Офицеры не опускали изъ рукъ такого щастія, и почти не хотѣли разстаться съ сею столь любезною страною, но по нещастію ихъ Г.

Аббату, которой ни на минуту не выпускалъ изъ мыслей своей блистательной Венеры. . . . приказано было выѣхать изъ сего города; почему немедленно и собрали всѣхъ на корабль, кромѣ Натуралиста, заблудившагося въ рудокопныхъ заводахъ, и кромѣ Философа, котораго очаровало Жаніерское богатство, и какъ будто цѣпями къ себѣ приковало.

Езуитской настоятель послалъ съ корабельнымъ Капитаномъ письма къ Г. миссіонерамъ Парагайскимъ, кои надлежало отдать имъ въ Буенонѣ, а для сего и должно было плыть по рѣкѣ Платѣ, опаснѣйшей для судоходства, нежели самой Океанъ, въ разсужденіи чего и рѣшились корабль остановить въ приливѣ де Монтъ-Видео, а съ сими письмами отправить одного Офицера.

Черной Иванъ, которой еще не позабылъ отца Анната и другихъ Езуитовъ, находившихся при дворѣ Лудовика Великаго, спросилъ Г. Аббата: есть ли и въ Америкѣ занимающіеся жанзенизмомъ Езуиты? — Езуиты! ихъ вездѣ великое множество: въ Китаѣ, Японіи, Мексикѣ и Перу; они духовными отцами у всѣхъ почти Европейскихъ Государей; отецъ ла Шезъ долго управлялъ Франціею; но Гг. Езуиты нигдѣ столь не сильны, какъ въ Парагаѣ. Они тамъ владѣютъ преобширнымъ пространствомъ земель, на коихъ построили сорокъ слободъ, заключающихъ въ себѣ до ста пятидесяти тысячь жителей. Пятьдесятъ Езуитовъ управляютъ сими селеніями, уже не занимаясь пустымъ жанзенизмомъ; они заставляютъ своихъ подданныхъ работать, и отпускаютъ отъ себя премножество

воску, табаку, хлопчатой бумаги и особливо Парагайской драгоцѣнной травы. Естьлижъ кто дерзнетъ поднять оружіе противъ нихъ, то надѣваютъ они четвероугольные колпаки, отворяютъ Арсеналъ и выставляютъ противъ непріятеля самое искуснѣйшее войско.

Черной Иванъ тяжко воздохнулъ и изрекъ Пророческимъ гласомъ: сіи люди скоро исчезнутъ... Пророчество сбылось, Езуитскаго славнаго общества болѣе нѣтъ на свѣтѣ.

ГЛАВА XII.

Черной Иванъ выѣжжаетъ на Тихое море.

Между тѣмъ, какъ Черной Иванъ размышлялъ о Езуитахъ, всѣ бывшіе на кораблѣ разсуждали, чрезъ Магелланской ли узкой

заливѣ выѣжжать на Тихое море, или, подражая Голландцамѣ, должно проплыть Горнской мысѣ. Мнѣнія были различны; Г. Аббатѣ и Провансаньской Офицерѣ совѣтовали ѣхать чрезѣ Магелланской заливѣ: напротивѣ того большая часть мореплавателей и самой Капитанѣ и кормщикѣ говорили, что не льзя вѣ сіе холодное время (это происходило вѣ Іюнѣ, которой отвѣчаетѣ нашему Декабрю) вѣ тѣсномѣ заливѣ преодолѣть быстрины морской; а по сему и неотмѣнно надлежало ѣхать мимо Горнскаго мыса.

И такѣ поплыли они кѣ Юго-восточной сторонѣ. Нелюдимѣ, которой пересталѣ думать о Параг... сказалѣ своему благодѣтелю. . . . милостивый государь! осмѣливаюсь прервать ваши тонкія размышленія и спросить васѣ, правду ли говорятѣ, что будто вѣ средней Аме-

рикѣ есть Патагоны, исполины и осьми дюймовъ карлы? — Другъ мой! отвѣчалъ Аббатъ, Французу, пріѣхавшему изъ Америки удобно можно лгать въ Парижскихъ кофейныхъ домахъ; я не знаю, что тебѣ на это отвѣчать. Магелланъ подтверждаетъ сіе, другіежъ путешественники отвергаютъ. Всѣ спорятъ, да и впредь долго будутъ спорить. Европейцы почти совсѣмъ не ѣздятъ въ ту нѣсколько холодноватую сторону; ибо тамъ нѣтъ золота, которое природа помѣстила въ мѣстахъ, лежащихъ близь Экватора. — Слѣдовательно не всѣ путешественники тамъ безпристрастны къ золоту, какъ вы, Г. Аббатъ? — Конечно, любезный мой другъ, люди по большой части ѣздятъ для своей корысти, а не для пріобрѣтенія познанія. Но обратимся къ Америкѣ; я весьма охотно вѣрю,

что тамъ есть исполины и карлы, подобные Лапонцамъ; природа любитъ давать своимъ твореніямъ разные виды. Неподвижныя звѣзды имѣютъ различную величину; и планеты не одинаковы въ Діаметрѣ: на пр. Венера... блистательная Венера по крайней мѣрѣ въ одинъ разъ больше земли, а напротивъ того Марсъ вчетверо меньше оныя.

ГЛАВА XIII.

Черной Иванъ заѣжжаетъ въ заливъ Зачатія.

Между тѣмъ, какъ Аббатъ съ Чернымъ Иваномъ разсуждалъ о величинѣ людей, относительно къ неподвижнымъ звѣздамъ и планетамъ, корабль часъ отъ часу далѣе плылъ, и проѣхалъ мысъ Викторіи и островъ Божіей Матери; уже видны были За-

падные берега острова Хилое; и Капитанъ рѣшился было заѣхать въ Балдивію, чтобъ тамъ нѣсколько пооправились наши Философы, кои отъ морскаго воздуху и солонины сдѣлались грубы; но корабль отнесло отъ берегу сильнымъ вѣтромъ, такъ что принуждены были ѣхать въ заливъ Зачатія.

По пріѣздѣ своемъ въ сей заливъ, нашли они городъ въ великомъ безпокойствѣ и волненіи, причиненномъ недавнимъ набѣгомъ Аравковъ, страшнѣйшихъ непріятелей?

Всѣ наши мореплаватели разошлись съ корабля, и осматривали покрытыя желтыми классами Хильскія поля, несравненно плодотворнѣйшія самыхъ лучшихъ Европейскихъ земель. Самаго Г. Аббата, никогда незанимавшагося низкими вещами, влекло любопытство.

Черной Иванъ, будучи въ задумчивости, подошелъ къ одному дряхлому Кастильскому Офицеру, которой въ плащѣ и при шпагѣ прогуливаясь въ пристани, безпрестанно ругалъ Аравковъ. . . . Милостивый государь! сказалъ ему Черный Иванъ съ глубочайшимъ униженіемъ, кажется мнѣ, что Аравки презлые люди. — Это собаки, кои ѣдятъ сырые плоды и не хотятъ покориться Испанцу, предъ коимъ вся вселенная должна преклонять свои колѣна. — Милостивый государь! сіи чрезвычайно дикіе Аравки можетъ быть никогда не слыхали о вашей знаменитости и могуществѣ? — Они наругатели, и не хотятъ признать ни нашихъ титуловъ, ни тѣхъ милостей, которыя святѣйшій нашъ Отецъ излилъ на всѣ сіи страны. — Правда, по этому они великіе наглецы;

ибо чѣмъ могутъ унизить высокіе ваши титулы? — Но видно, государь мой, у васъ не было собственной земли въ Кастиліи, когда оной искать пріѣхали сюда? — Земли въ Кастиліи! меня зовутъ.... я владѣю землями моихъ предковъ. — Милостивый государь! не полезнѣе либъ вамъ было обработывать свои земли, чѣмъ подвергать свое величество наглости Аравковъ? — Обработывать земли! Испанцы не къ сему рождены. — Такъ позвольтежъ спросить, за чѣмъ вы пріѣхали въ сію Гемисферу? — Искать богатства и славы. — Славы, оную можно пріобрѣсть и въ Кастиліи; и когда есть хлѣбъ, Малагское вино и сег..... волна и Валанской шелкъ, то можно обойтись и безъ золота. — Никакъ, Испанцу всегда нужно золото, какъ бы оно дорого ни доставалось. Испанецъ согласится за золото растерзать всю внутренность

Инковъ и Касиковъ; и естьли онаго не сыщетъ у нихъ, то пойдетъ въ самой адъ, лишь бы тамъ найти сей блистательной металлъ. ..... Черный Иванъ не сказалъ ни слова болѣе.

ГЛАВА XIV.

Разговоръ Чернаго Ивана съ господиномъ Аббатомъ на кораблѣ.

Г Аббатъ, возвратясь съ Хильскихъ плодоносныхъ полей, нашелъ Чернаго Ивана въ задумчивости сидящаго на канатахъ, и оперщагося головою на большую мачту... Ты все думаешь Иванъ? — Извините, Г. Аббатъ, я не безъ причины думаю; Кастильцовы слова заставили меня размышлять; я сожалѣю объ Аравкахъ, коихъ Испанцы грабятъ; а сіи бѣдныя твари не смѣютъ за это и роптать на нихъ. Ты справедливо го-

воришь, отвѣчалъ Аббатъ, садясь подлѣ Чернаго Ивана. Всѣ ругаютъ Испанцовъ за то, что они въ Хили много пролили крови. Алмагро въ Кордельерскихъ снѣгахъ потерялъ полтораста Испанцовъ и болѣе десяти тысячь Индѣйцовъ, прежде нежели дошелъ туда. Валдивія велъ десятилѣтнюю войну съ симъ народомъ. — По какомужъ праву Европейцы приходятъ безпокоить Индѣйцовъ въ собственныхъ владѣніяхъ ихъ? — Конечно ни по какому; они должны требовать отъ нихъ одного гостепріимства; они не имѣютъ права иначе мѣнять товары, какъ только по согласію обѣихъ сторонъ; не имѣютъ права завладѣть страною, развѣ когда она необитаема. Но Европейцы нынѣ начали немного болѣе уважать права человѣчества. Всѣ Французскія колоніи въ Америкѣ заведены самымъ честнымъ образомъ. Вилль-

тельмъ не прежде завладѣлъ щастливыми странами Филаделфіи, какъ по заключеніи договора съ дикими. Вильгельмовы права гораздо законнѣе Алмагровыхъ и Валдивіевыхъ правъ, сказалъ Меланхоликъ, вставая съ мѣста и благодаря благодѣтеля своего за бесѣду.

ГЛАВА XV.

Страшное землетрясеніе въ Лимѣ.

Черной Иванъ немедленно записалъ въ свою книгу Вильгельмовъ договоръ. . . Когда буду размышлять о несправедливости и корыстолюбіи человѣческомъ, сказалъ онъ, въ то время сей договоръ будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ.

Между тѣмъ приготовясь со всѣмъ къ отъѣзду, поѣхали въ

Лиму, сей предѣлъ и путешествія и благополучія Аббатова, коему казалось, что уже видитъ горы Пинхинху и Химборако, и будто уже восходитъ на оныя, и съ помощію Математическихъ инструментовъ разсматриваетъ Венерино теченіе.

Приближеніе корабля къ Перуанскимъ берегамъ не мало безпокойства причинило. Всѣ Офицеры взялись за зрительныя трубы, и старались увидѣть богатые рудокопные заводы дю Потози; Философы въ ту же сторону глядѣли; а Г. Аббатъ, уже восхищенный духомъ на Кордемерскія горы, ничего не замѣчалъ: наконецъ они благополучно прибыли въ рейду де Каллао.

Но между тѣмъ, какъ Г. Аббатъ выгружалъ съ корабля свои Математическіе инструменты; какъ Офицеры веселились съ пре-

красными Лимскими Перуанками, а Черной Иванъ гулялъ по пристани; вдругъ гора Перу начала извергать пламень съ густымъ дымомъ; море воздымалось и угрожало выступленіемъ изъ своихъ предѣловъ, которые Создатель положилъ ему на пескѣ; земля съ шумомъ колебалась, и по томъ разверзлась какъ бы для поглощенія всѣхъ пагубныхъ сокровищь въ въ свои нѣдра. Всѣ жители выбѣгали изъ своихъ домовъ; они выносили самое драгоцѣннѣйшее: нѣжная мать своихъ дѣтей, добродѣтельный сынъ своего отца, а скряга свои деньги. Астрономъ, опершись головою на телескопъ, испускалъ тяжкіе вздохи.... Надлежало ли мнѣ, говорилъ онъ, подвергаться толикимъ опасностямъ для того, чтобъ наконецъ погибнуть бѣдственно въ Лим-

ской пристани, сей подпорѣ славы моея?

По десятичасномъ страшномъ трясеніи земля по видимому начинала твердѣть, а море утихать... Слава Богу, сказалъ одинъ старикъ, лежавшій возлѣ Чернаго Ивана на мѣшкѣ наполненномъ золотомъ, вотъ уже въ третій разъ спасаюсь отъ погибели. — Какъ въ третій разъ, вскричалъ Черной Иванъ! — Такъ, городъ Лима съ дюжину землетрясеній испытала со времени своего основанія. — Какъ же вы оставили Испанію, которая не подвержена такимъ землетрясеніямъ? — Это правда: Андалузія стоитъ и на твердѣйшей землѣ, но тамъ никто не лежитъ на мѣшкахъ наполненныхъ золотомъ, какъ въ Лимѣ. Сказавъ сіе, Испанецъ пошелъ съ своимъ сокровищемъ, и оставилъ Чернаго Ивана въ великомъ изумленіи.

ГЛАВА XVI.

Черной Иванъ отправляется на горы.

На другой день одинъ Офицеръ, пришедъ на корабль, объявилъ, что всѣ домы, выстроенные по Европейской модѣ, разрушились, и что при семъ случаѣ погибло болѣе четырехъ сотъ человѣкъ. . . Это ничего, сказалъ Черной Иванъ; Испанцы видно не боятся землетрясенія, когда во время онаго лежатъ на мѣшкахъ наполненныхъ золотомъ.

Г. Аббатъ, у котораго съ ума не шли наблюденія, поспѣшалъ къ отъѣзду. Инструменты и провизію везли два лошака, за коими шли Астрономы, а за сими два любопытные Офицера слѣдовали. Черной Иванъ, наблюдая важность

путешественниковЪ, и размышляя о своей судьбѣ, шелЪ позади всѣхЪ.

НаконецЪ прибыли они кЪ подошвѣ горЪ. Я не изслѣдываю, подземной ли огонь, чрезЪ свое расширеніе воздымая нѣкоторую частицу земли выше облаковЪ, произвелЪ такимЪ образомЪ горы; или комета, чрезвычайно приближась кЪ нашему шару и поколебавЪ воду, изЪ илу произвела оныя: обЪ этомЪ пусть разсуждаютЪ Гг. Философы, у коихЪ пылко воображеніе; также не любопытствую и того, потопомЪ ли навлекло различные земляные слои, изЪ коихЪ составились сіи горы, или сЪ самаго начала свѣта Создатель сотворилЪ оные; это касается до Гг. БогослововЪ. Я сЪ моей стороны долженЪ сказать только то, что ничто вЪ свѣтѣ такЪ не привле-

каетъ на себя нашего вниманія, какъ Перуанскія горы.

Всѣ Астрономы такъ восхищены были, что казалось имъ, будто нашли они новое небо. Г. Аббатъ, не видавъ никакой горы, кромѣ Валеріанской, долго стоялъ неподвиженъ при подошвѣ сихъ огромныхъ кучь. Самые Офицеры, кои уже нѣсколько разъ видали гордые верхи де Пико де Тенерифо, поражены были новымъ удивленіемъ.

Черной Иванъ чистосердечно признается, что ни неизмѣримый Океанъ, ни роскошный Парижъ не производилъ въ немъ такой задумчивости, въ каковую погруженъ онъ былъ при воззрѣніи на Перуанскія горы. Ему желательно, чтобъ съѣздили туда всѣ молодые люди, съ благоговѣніемъ стоящіе предъ туалетами, также пети-

метры, слишкомъ занимающіеся модою, а съ ними вмѣстѣ и Парижане, кои ничего не знаютъ, кромѣ Оперъ; ибо увѣряетъ Меланхоликъ, что они научились бы тамъ размышлять.

ГЛАВА XVII.

Черной Иванъ съ Астрономами восходитъ на гору Пинхинху.

Дѣло не въ томъ только состояло, чтобъ удивляться Перуанскимъ горамъ, но надобно было какъ нибудь вскарабкаться на оныя. Сильные лошаки не очень проворно всходили на верхъ; почему и сняли съ нихъ поклажу, и положили оную на шесть козъ.

Создатель всѣ части свѣта надѣлилъ различными животными; Африку верблюдами, Сѣверную

Азію оленями, Европу лошадями, Францію ослами, а Перу козами.

И вотЪ уже наши путешественники начали всходить на гордые верьхи ПеруанскихЪ горЪ; передЪ ними шли шесть дикихЪ козЪ, коихЪ вели два Пераунца; они то пробирались сквозь узкія и излучистыя ущелія, то вскарабкивались на ужасныя скалы, то по моху, то по песку шли.

Черной ИванЪ, привыкшій вЪ дѣтствѣ своемЪ лазить на высокіе дубы, все сіе терпѣливо сносилЪ. Офицеры, будучи нѣсколько понѣжнѣе его, сожалѣли о ЛимскихЪ забавахЪ. Г. АббатЪ, идучи то впередЪ, то по сторону, ободрялЪ и увѣщевалЪ своихЪ сопутниковЪ, такЪ какЪ увѣщеваетЪ ГенералЪ своихЪ солдатЪ. НаконецЪ вЪ двѣ недѣли взошли они на гору Пинхинху, сЪ которой видна и

Химборако, возвышающаяся надЪ моремЪ болѣе нежели на три тысячи и двѣсти шестифутовыхЪ саженЪ. Аббату хотѣлось было еще выше взойти, но сего никакЪ не возможно учинить; хладный борей своими стѣнами, сооруженными изЪ вѣчныхЪ снѣговЪ, заграждаетЪ туда путь слабымЪ смертнымЪ.

И такЪ необходимо надлежало остановиться на горѣ ПинхинхѢ, и терпѣливо ожидать прохожденія Венеры; но не всѣ люди сподобляются созерцать богинь. Густое облако покрыло АстрономовЪ, и вЪ сіе время сіятельная Венера очень поспѣшно изволила проѣхать вЪ своей блистательной колесницѣ, запряженной быстропарящими голубями, такЪ что и разсмотрѣть ее никакимЪ образомЪ не возможно было.

Сколь часто великія предпріятія разрушаются самыми мало-

важными случаями! Небольшой дождь размываетъ огромныя зданія; малая куча морскаго песку прекращаетъ всѣ дальнѣйшія намѣренія богатѣйшаго Европейскаго купца; мѣлинькія пылинки, поднятыя вихремъ на воздухъ, разсѣваютъ цѣлую армію. Я сіи слѣдствія помѣщаю здѣсь для нѣкоторыхъ невнимательныхъ читателей, кои не понимаютъ наставленій сокрытыхъ подъ завѣсою басенъ.

ГЛАВА XVIII.

Черной Иванъ возвращается въ Лиму.

Никто не долженъ спрашивать о томъ, не сдѣлался ли Черной Иванъ задумчивѣе, не пристыженъ ли былъ Г. Аббатъ, и не досадовали ли Офицеры... Они Матема-

тическіе инструменты немедленно положили на козъ, и сошедъ съ горы въ великой печали возвратились въ Лиму.

Сей городъ великолѣпенъ; въ немъ улицы широки и прохлаждаются каналами проведенными изъ рѣки де Римакъ; вездѣ блистаетъ золото; прекрасныя Перуанки суть наилучшимъ украшеніемъ онаго. Все сіе не могло разсѣять печальныхъ Аббатовыхъ и Ивановыхъ мыслей. Имъ разсказывали, какимъ образомъ славной Пизаръ, занесенъ будучи бурею, присталъ къ Перуанскимъ берегамъ; какъ Императоръ Аталиба невольниками несенный на златомъ тронѣ, встрѣтилъ его, какъ Доминиканецъ Валвердъ предлагалъ ему Крестъ и Евангеліе; какъ за отверженіе оныхъ посаженъ онъ былъ въ темницу, кою обѣщался наполнить золотомъ и отдать Испанцамъ

за то, чтобы они выпустили его изъ оной; какъ Пизаръ богатыя сокровища, отнятыя у сего нещастнаго Государя, разделилъ своимъ солдатамъ; и наконецъ какимъ образомъ основалъ онъ городъ Лиму.

Г. Аббатъ не хвалилъ Пизаровыхъ завоеваній, и Черной Иванъ, которой удобно разсерживался, нещадно ругалъ Испанца за то, что онъ преплылъ Океанъ, проѣхалъ сквозь тѣсной Панамской заливъ, и на Южномъ морѣ подвергнулся величайшимъ бѣдствіямъ единственно для того, чтобъ нанести несносныя обиды Перуанскому Императору, которой никогда и никакого не имѣлъ сношенія съ Кастильскими Королями... Это весьма похвально, что проповѣдывали ему Евангеліе; но не надлежало ли Испанцамъ дать сему Государю нѣсколько времени на увѣреніе себя? не надлежало ли

ждать обращенія его съ большимъ терпѣніемъ, нежели какъ поступилъ Доминиканецъ Валвердъ? Надлежало ли разхищать все государство, и самаго Атализу заключать въ темницу за то, что не могъ онъ вдругъ увѣриться въ истиннѣ нашея религіи? Такъ ли поступали Апостоли, когда язычникамъ проповѣдывали царствіе Божіе?

Сіи сердитые Ивановы вопросы принудили Историка замолчать, которой еще хотѣлъ было разсказывать имъ о завоеваніи Мексики, и о томъ, какъ Кортецъ сошелъ на берега и побѣдилъ гордыхъ Тласкальтековъ; какъ онъ захватилъ Императора Монтецума, которой былъ повелителемъ тритцати Государей; какъ сей Испанецъ сражался въ долинѣ Отумба; и наконецъ какимъ образомъ овладѣлъ онъ Мексикою, симъ

наибогатѣйшимъ городомъ изъ всего новаго свѣта.

ГЛАВА XIX.

Отъѣздъ изъ Лимы.

Гг. Астрономы, собравшись въ путь, принуждены были нѣсколько дожидаться Натуралистовъ, кои не могли насмотрѣться на золотые Перуанскіе заводы; лишь только они пришли, то немедленно и отправились на Южное море.

Г. Аббатъ совсѣмъ перемѣнился, и сію перемѣну Черной Иванъ замѣтилъ въ немъ при чтеніи молитвенника; ибо сей набожный мужъ въ ономъ почти не могъ разбирать и заглавныхъ словъ, и запинался въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сливались буквы. Притомъ же даже и слѣды прежней веселости исчезли въ немъ. Онъ не игралъ ни въ

брелан, ни в домино, и не совѣтовал и другим играть, говоря, что сіи игры не служат ко спасенію и уже в полден не измѣрял он с кормщиком солнечной высоты. . . но в сіе время спокойно спал на Астрономических своих инструментах.

Он из областей Кинкинны вывез жестокую лихорадку, которая всегда перемѣнялась и приводила его в великое смущеніе, от чего болѣла у него голова; идеи его весьма были смѣшены; он весьма сбивчиво говорил то о царствіи небесном и неподвижных звѣздах, то о праздниках и Венерином теченіи, то о церковном поминовеніи.

Черной Иван, коего сильно трогали нещастія других, кинулся на свою постелю, и столь громко закричал, что перепугал всѣх матросов. . . Дражайшій

мой благодѣтель, нѣжный отецъ, вѣрный другъ! для чего не остались вы въ Парижѣ? для чего не пошли въ свой монастырь наставлять монаховъ и тамъ съ ними щастливо провождать дни свои? Естьли ваша любовь къ высокимъ наукамъ, къ роду человѣческому, родила въ васъ особенную склонность къ Астрономіи, для чего вы не дѣлали своихъ наблюденій на возвышенныхъ мѣстахъ улицы Св. Іакова? для чего предпріяли путешествіе въ Перу, и рѣшились для одной планеты проѣхать всѣ моря? ... При семъ немного остановился Нелюдимъ ... и по томъ опять началъ рыдать .... Кто направитъ стопы мои въ семъ превратномъ свѣтѣ? Кто будетъ учить меня Исторіи и нравственности? Малѣйшее движеніе крови, небольшая лихорадка разстроиваетъ тѣлесныя и душевныя силы

моего дражайшаго наставника, приводитъ въ замѣшательство всѣ мысли его, и кружитъ такую Астрономическую голову, каковой въ цѣломъ свѣтѣ никогда не бывало... По томъ безпрестанно восклицалъ онъ: ахъ! ахъ! на всѣхъ тонахъ, а особливо на октавѣ, и оканчивалъ какъ бы упадая въ обморокъ, наподобіе актрисъ.

ГЛАВА XX.

Черной Иванъ со вниманіемъ слушаетъ проповѣдь Г. Аббата.

Когда отъ Г. Аббата нѣсколько отстала лихорадка, влачившая воображеніе его по разнымъ предметамъ: то онъ началъ Ивану Черному говорить слѣдующую несвязную проповѣдь... Черной Иванъ, другъ мой! мірская хвала не что иное есть, какъ суета;

видѣлъ ты, какъ моя слава яко дымъ исчезла на горѣ Пинхинхѣ; но хотябъ я и удаченъ былъ и во всѣхъ Астрономическихъ наблюденіяхъ; хотябъ открылъ осьмую планету, которая бы названа была моимъ именемъ: однакожъ все это было бы суета, какъ говоритъ Великій Соломонъ, коему всегда повѣрю. Однакожъ не раскаиваюсь въ томъ, что слишкомъ пристрастился къ Астрономіи, которая есть самая невинная наука. Да и что бы мнѣ было дѣлать на свѣтѣ? — Я никогда не хотѣлъ ограничиватъ дѣятельности своея души. Впрочемъ всѣ знанія не заслуживаютъ того, чтобъ оными занимался умной человѣкъ. Я никогда не привязанъ былъ къ Философіи; запросы, предлагаемые въ наши времена, произвели во мнѣ непреодолимое

отвращеніе отъ сея науки. Всѣ говорили только о пяти неудоборѣшимыхъ задачахъ; никогда не было во мнѣ охоты читать Жанзенія; имѣлъ было я нѣкоторую склонность къ нравственности, но Ораторы завладѣли каѳедрою, и мнѣ не дали мѣста: и такъ я вознамѣрился, не знаю какъ и почему, учиться Астрономіи. Правда, въ то время люди много говорили о кометахъ, и всѣ ихъ боялись.... Черной Иванъ! ты добросердеченъ, и любишь подобныхъ себѣ; но ты чрезвычайно склоненъ къ меланхоліи: свѣтскія обыкновенія весьма тебѣ противны; но они уже закоснѣли, не возможно тебѣ поправить ихъ. Я замѣтилъ, что ты предаешься слишкомъ строгимъ размышленіямъ: старайся умѣрять себя; не разсерживай такихъ людей, кои нѣсколько опасны. Естьли ты въ своей запальчивости

дотронешься до скуфьи, то повѣрь мнѣ, подумаютъ, что ты хочешь уничтожить всѣ права и поколебать религію. Какъ бы ты ни старался увѣрять другихъ, что ты Христіанинъ; что покоряешься Римской церкви, и имѣешь добрые нравы, однако никто не повѣритъ тебѣ... Господинъ Аббатъ окончилъ свою проповѣдь, и Черной Иванъ началъ плакать.

ГЛАВА XXI.

Черной Иванъ лишается своего благодѣтеля.

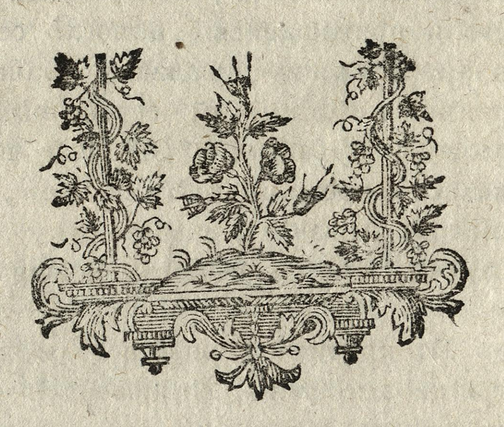
Черной Иванъ часто размышлялъ о Аббатовомъ поученіи; но притомъ опасался онъ, чтобъ оно не было лебединою пѣснію. Въ самомъ дѣлѣ Нелюдимъ не обманулся, ибо почтенный Астрономъ счасу

начасѣ въ большую приходилъ слабость. Онъ уже не могъ кушать ни сухарей, ни солонины. Морской воздухъ причинялъ ему болѣзни, обхожденіе съ сопутниками портило въ немъ кровь: однако иногда прогуливался онъ по палубѣ; наконецъ отнялись у него ноги, и онъ принужденъ былъ лежать въ постели. Онъ призвалъ къ себѣ Капитана, и отдалъ ему свою дневную записку съ тѣмъ, чтобъ онъ вручилъ ее Министру; Математическіе инструменты подарилъ кормщику, которой весьма привязанъ былъ къ наблюденіямъ; халатъ отдалъ своему лакею, которой умѣлъ весьма искусно раздѣвать его.... а мнѣ, говоритъ Черной Иванъ, мнѣ вѣрному сопутнику своему отказалъ три тысячи ливровъ за то, что я восемь мѣсяцовъ пособлялъ ему читать молитвенникъ.

По семъ распоряженіи Аббатъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о небѣ, не о первомъ и не о седьмомъ, но о Эмпирейскомъ; — о жилищѣ блаженныхъ. Онъ призвалъ Священника, исповѣдался у него и причастился, и послѣ сего подарилъ своему духовнику молитвенникъ обложенной серебромъ и золотую табакерку. Онъ еще нѣсколько препроводилъ времени, и потомъ пожавъ Иванову руку, и воздѣвъ очи на небо, скончался.

По причинѣ дурной погоды никто не замѣтилъ, въ которомъ часу онъ скончался; два матроса зашили его въ сукно, четыре Офицера вынесли его на палубу, и по отпѣтіи кинули въ Южное море, гдѣ онъ теперь почиваетъ безъ гроба и безъ эпитафій. И вотъ все то, что могъ я прочесть въ кон-

цѣ второй книги Ивановыхъ записокъ: прочее такъ смыто слезами, кои Нелюдимъ писавши проливалъ, что совсѣмъ не льзя ничего разобрать.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ГЛАВА I.

Черной Иванъ ѣдетъ въ Китай.

На другой день Аббатовыхъ похоронъ, Капитанъ получилъ письмо, которое содержало въ себѣ слѣдующія повелѣнія.

Чтобъ онъ изъ Перу въ свое государство возвратился чрезъ Азію; ибо одна Принцесса, имѣющая хорошій вкусъ, желала имѣть у себя Китайскія картины.

Чтобъ заѣхалъ въ Понтимери, и постарался бы чрезъ Губернатора достать одинъ экземпляръ Браминскихъ книгъ, кои ученые намѣрены положить въ Королевскую библіотеку.

Чтобъ тайно постарался побывать на Молукскихъ островахъ

и увезть оттуда нѣсколько перечныхъ, мускатныхъ и гвоздичныхъ растеній.

Чтобъ проѣхалъ мысъ Доброй Надежды, заѣхалъ бы въ К... и навѣдался отъ Губернатора, довольно ли населенъ сей островъ; ибо правительство намѣревалось туда сослать нѣкоторыхъ красавицъ, коихъ много завелось въ Парижѣ.

Чтобъ ѣдучи осмотрѣлъ Антильскіе острова, а особливо Сентъ-Доминго, заѣхалъ бы въ Кебекъ и постарался привезть съ собою Ирокійца; ибо двору весьма желательно было видѣть его; и притомъ Король, иногда чрезмѣрно превозносимый ласкательствомъ придворныхъ, желалъ слышать истинну, проповѣдуемую устами дикаго; и чтобъ оттолѣ прямо ѣхалъ во Францію.

Признаться надобно, что сіи повелѣнія весьма опечалили нашихъ

мореплавателей, а особливо Черного Ивана, которой неутѣшно плакалъ и часто говаривалъ въ своей меланхоліи:

Горе бѣдному Автору, коего заключаютъ въ башню за глупыя сочиненія.

Горе Философу, посаженному въ подземную Инквизицію за Астрономической вопросъ и Физическую точку.

Горе Стихотворцу, попавшему въ Инквизицію за такую пѣсню, коей онъ никогда и не сочинялъ.

Горе путешественнику, коему велятъ ѣхать въ страну, обитаемую варварами.

ГЛАВА II.

Разговоръ Черного Ивана съ Капуциномъ.

Капуцинъ слыша, что Черной Иванъ безпрестанно кричалъ какъ

провѣщатель: горе... горе... подошелъ къ нему съ униженностію и сказалъ учтивымъ образомъ: другъ мой! я слышу, что ты всегда ворчишь, сидя въ своемъ углу; пожалуй объяви мнѣ, не изъ числа ли ты нынѣшнихъ Философовъ, коихъ такъ много расплодилось во Франціи? — Милостивый Государь! я не знаю, о чемъ вы меня изволите спрашивать; я никогда не бывалъ Философомъ, да и нигдѣ не учился Философіи. Свѣтъ иногда огорчаетъ меня, и по тому-то нерѣдко прихожу въ запальчивость, однакожъ никому въ оной не врежу. — Другъ мой! откуда ты пришелъ съ такимъ благовѣстіемъ? кто тебя послалъ? — Я бѣдной пастухъ Екувской рощи, находящейся неподалеку отъ Аленсона, и проповѣдую по естественному праву, которое всякому позволяетъ оплакивать и себя и

другихЪ. — И такЪ твоя родина не далеко отЪ Аленсона? по этому слыхалЪ ты о...? — НѢтЪ — какЪ, не слыхалЪ о томЪ домѣ, которой происходитЪ отЪ Аленсонской знаменитой крови! — НѢтЪ сударь; — хорошожЪ, я тебѣ разскажу родословную. БылЪ ГерцогЪ вЪ АленсонѢ, изЪ фамиліи В... которой часто ѣжжалЪ на охоту вЪ Екувскую рощу; однажды онЪ, гоняясь за зайцами, нашелЪ Агнесу, которая пасла свои стада. Сей знаменитый вельможа страстно влюбился вЪ нее: не знаю, долго ли продолжалась между ими сія любовь; мнѣ только то извѣстно, что плодомЪ оныя былЪ одинЪ незаконнорожденной сынЪ, отЪ коего я происхожу по прямой линіи. Мнѣ разсудилось отречься отЪ мірскихЪ суетЪ и сдѣлаться КапуциномЪ. — И ты никогда не слыхалЪ о на-

шемЪ домЪ отЪ своего отца? и онЪ ничего не говорилЪ тебѣ обЪ немЪ? — Мой отецЪ...! конечно ты лишился его еще вЪ своемЪ младенчествѣ? — Моего отца! Да — его у меня не бывало; я такой же незаконнорожденный, какЪ и вы; — ты незаконнорожденный! прощай другЪ мой... КапитанЪ и Офицеры дожидаются меня.

ГЛАВА II.

Черной Иванъ одинъ самъ себя утѣшаетъ при отъѣздѣ изъ Перу въ Китай.

Черной ИванЪ молчалЪ вЪ удивленіи и смущеніи, и не трогался сЪ мѣста, тужа о плачевной кончинѣ Г. Аббата. СЪ добрые полчаса не могЪ ни слова сказать....

Не уже ли всѣ Капуцины такимъ образомъ тщеславятся своими знатными домами и своими родословными? Надобно ли Бенедиктинцамъ такъ же хвастаться помѣстьями, баронствами и графствами? надобно ли приводить въ доказательство шестьдесятъ поколѣній, чтобы быть Капуциномъ? Одно подозрѣніе, что я былъ незаконной сынъ, заставило честнаго отца отъ меня удалиться, которой отрекся уже суетъ мірскихъ и такимъ же образомъ на свѣтъ произошелъ, какъ и я! — Незаконнорожденныя дѣти богачей не столько ли же позорны, какъ и прочіе? не уже ли имѣютъ они различные законы?.... Государь мой... по томъ онъ тяжко вздохнулъ; — глаза его раздулись: онъ залился слезами и ими замочилъ свое платье, платокъ, бумаги и Капитановы книги....

Благодѣтель мой, почтеннѣйшій Аббатъ, такъ же изъ знатнаго дому, какъ и нашъ корабельной Священникъ, однако никогда не говаривалъ ни о своемъ благородствѣ, ни о своихъ титлахъ, ни о своихъ гербахъ. Онъ никогда не укорялъ меня за то, что я не зналъ своего родителя; онъ говорилъ со мною какъ съ равнымъ себѣ, поступалъ какъ съ своимъ пріятелемъ, и научалъ меня какъ своего сына. Такъ кто же можетъ когда нибудь приневолить меня забыть то, чего я лишился? Кто можетъ когда нибудь замѣнить пустоту въ моемъ сердцѣ оставленную? Нѣтъ! — всѣ Капуцины съ своими Капуцинками никакъ не могутъ меня утѣшить, и при сихъ словахъ горько заплакалъ.... по томъ посмотрѣвъ на тысячурублевой кошелекъ, оставленной ему по смерти честнаго Аббата, за-

плакалЪ больше и того, наконецЪ еще разЪ взглянулЪ на оной, и пересталЪ плакать.

Тысяча рублей! сказалЪ онЪ, ей ей! это весьма великая сумма— и вотЪ уже на всю жизнь свою я богатЪ; теперь ни на кого не посмотрю — не стану болѣе ужЪ раболѣпствовать предЪ знатными Парижскими жителями; не стану типографщикамЪ улицы Свят. Іакова набирать Исторію о женсенизмѣ; не стану изЪ публичной библіотеки раздавать читателямЪ книгЪ по ихЪ вкусу; не буду ѣздить по ЮжнымЪ морямЪ за наблюденіями Астрономическими — сЪ тысячью рублями! — я сдѣлаю себѣ на эти деньги шерстяное платье — поселюсь на берегу какой нибудь рѣчки — закуплю себѣ хлѣба для утучненія своего тѣла, и книгЪ для утучненія

духа; — съ тысячью рублями! — я накуплю себѣ прекрасныхъ книгъ, какія только отъ начала свѣта писаны были — я не говорю о книгахъ святыхъ Отцевъ, собрать оныя стоило бы болѣе моихъ тысячи рублей; у меня нѣтъ столько достатка, чтобы ихъ читать и себя прокормить, а я говорю только о тѣхъ полезныхъ и нужныхъ книгахъ, кои могу достать себѣ меньше, нежели за сто рублей, и при сихъ словахъ онъ нѣсколько поразвеселился.

ГЛАВА IV.

Черной Иванъ пристаетъ къ островамъ Маріанскимъ.

Кто повѣритъ, что Черной Иванъ, смотря на тысячу рублей, по наслѣдству доставшихся ему, и имѣя такое доброе сердце, пере-

сталъ тужить о смерти своего благодѣтеля? Однакожъ то случилось, чему надобно случиться; — Черной Иванъ точно таковъ же былъ, каковы и всѣ наслѣдники; наслѣдство послѣ смерти обыкновенною бываетъ утѣхою; и грусть наслѣдника, что нибудь получающаго, не можетъ такъ долго продолжаться, какъ грусть такого пріятеля, которой всего лишается и ничего не получаетъ.

И такъ, чтобы по смерти вашей не слишкомъ о васъ плакали, соберите поболѣе для вашихъ наслѣдниковъ, и откажите что нибудь вашимъ пріятелямъ.

Правда, я осмѣлюсь сказать, что Черной Иванъ плакалъ долѣе, нежели прочіе наслѣдники; онъ до тѣхъ поръ думалъ о дражайшемъ своемъ благодѣтелѣ, пока кормщикъ не увидѣлъ Маріанскихъ острововъ.

Маріанскіе или разбойничьи острова представляютъ изъ себя тотъ маленькой Архипелагъ, которой въ 1521 году найденъ былъ Магелланомъ; мы приплыли въ Рюамъ, остановились въ маленькомъ устьѣ и запаслись водою.

Черной Иванъ, памятуя о той надмѣнности, съ которою Кастилланцы встрѣтили его на пристани святаго Зачатія, побоялся подобной встрѣчи въ предмѣстіи города Агана и пошелъ въ поле.

Прогуливаясь наединѣ среди цвѣтовъ, съ избыткомъ разсѣянныхъ природою по сему острову, увидѣлъ онъ въ ущелинѣ дикаго, погруженнаго въ глубокую задумчивость — подошелъ къ нему и спросилъ его по Испански... другъ мой! ты мнѣ кажешься весьма задумчивъ — я, сударь, теперь думаю о наглостяхъ Европейцовъ — они у насъ

отняли землю, а называютъ еще насъ разбойниками. — Другъ мой! пусть Испанцы отняли у васъ землю, но они въ замѣну ея доставили вамъ царство небесное, а это лучше всего. — Конечно, сударь — хорошо бы это было, естьли бы они послали къ намъ проповѣдывать однихъ только Миссіонеровъ; но вмѣсто ихъ они отрядили солдатъ, кои больше перебили, нежели обратили въ свою вѣру. — Да, это худо: солдаты не походятъ на Апостоловъ Христовыхъ; однакожъ Испанцы, кои сообщили и вамъ свою религію, не научили ли васъ еще и употребленію огня, кое вамъ было не извѣстно. — Такъ, они научили насъ оному сожиганіемъ нашихъ домовъ; да мы бы легко обошлись какъ безъ употребленія сего огня, такъ и безъ той болѣзни, которою они заразили нашихъ женъ; —

сказывают, что будто женщины царствуют на семъ островѣ — безспорно сударь, онѣ прелестны — и вотъ почему онѣ взяли надъ нами нѣкоторое преимущество; — по этомужъ преимуществу и въ Европѣ женщины нерѣдко верхъ берутъ надъ мущинами: прощай другъ мой, и не тужи ни о чемъ: религія замѣняетъ всѣ недостатки. — Я не буду ни о чемъ тужить по тому, что я Христіанинъ; впрочемъ я никогда не перестану плакать о потерѣ моихъ предковъ — они лучше согласились умереть, нежели что нибудь перемѣнить.

ГЛАВА V.

Отъѣздъ въ Кантонъ.

Наши мореплаватели, запасшись водою, подняли парусы и пустились въ Кантонъ. Черной Иванъ,

коему уже не съ кѣмъ было разговаривать на кораблѣ, думалъ самъ съ собою объ островахъ Маріанскихъ и Миссіонерскихъ солдатахъ.

Онъ покушался рѣшить различныя задачи. Похвально ли поступаютъ Испанцы, что оставивъ хлѣбопашество, пустились плутать по морямъ? Сообщая Индѣйцамъ свои науки, какія они еще оказали имъ услуги? Надобно ли было переселять народъ на отдаленнѣйшіе острова Маріанскіе? Многолюдство способствуетъ ли благу людей? По томъ онъ мысли свои обратилъ на солдатъ Миссіонерскихъ, на которыхъ безпрестанно досадовалъ; — мы между тѣмъ удвоили свои силы, чтобы поспѣть въ Кантонъ.

Европейцы сперва безпристрастно торговали во всѣхъ Китайскихъ рейдахъ; но Китайцы, по

природѣ будучи важны и ревнивы, почли ихъ за столь легкомысленныхъ и столько ласковыхъ къ своимъ женамъ, что они ихъ отослали въ Кантонъ, въ славной городъ, находившійся при устьѣ рѣки Тигра. Корабль остановился въ Гоангъ-Пу, откуда въ шлюбкѣ мы отправились въ Кантонъ для покупки товаровъ.

Закупили множество фарфоровыхъ статуй съ прекраснымъ лакомъ въ провинціи *Кіамзи* — полдюжины небольшихъ чашечекъ отмѣнной бѣлизны для поклажи въ нихъ масла, помады и другихъ туалетныхъ надобностей.

Закупили множество кипъ прекраснаго Нанкинскаго шелку, для плетенія кружевъ и тканья, кисеи; поелику весьма прилично жителямъ сорокъ девятаго градуса одѣваться такъ же легко, какъ одѣва-

ются жители двацать - четвертаго градуса трицатой минуты.

Запаслись нѣсколько чаемъ, и то не первой доброты, потому что Китайцы берегутъ его для себя; но запаслись чаемъ самой последней цѣны въ томъ намѣреніи, чтобы Французскихъ петиметровъ излѣчить отъ неваренія желудка, Лангедокскими поварами въ моду введеннаго.

Черной Иванъ купилъ себѣ чернильницу и бумаги, для замѣчанія своихъ размышленій, также слабительнаго для очищенія своей желчи, на морѣ имъ чувствуемой; по томъ безъ дальняго замѣчанія о древности этой націи и безъ всякаго сожалѣнія о грубыхъ, своенравныхъ и странныхъ мущинахъ, которые запираютъ женъ своихъ и не позволяютъ Французскимъ Офицерамъ присутствовать при

ихъ туалетахъ и навѣщать ихъ тайно, мы выѣхали оттуда.

ГЛАВА VI.

Отъѣздъ въ Пондишери.

Черной Иванъ не такъ думалъ. Онъ считалъ, что Китайцы гораздо благоразумнѣе поступаютъ простосердечныхъ Французскихъ мущинъ, кои даютъ чрезвычайную волю своимъ женамъ, притомъ въ такой сторонѣ, гдѣ всѣ мущины неженаты. Это было дѣйствіе меланхоліи. Во время дороги отъ Кантона даже до самой Маниліи занимался онъ древностію сего народа.

Надобно думать, что Китайцы весьма древни, говорилъ онъ. Они усовершенствовали науки, которыя на усовершенствованіе себя много требуютъ времени и терпѣ-

нія. Надобно думать, что они долго трудились надъ тою глиною, изъ которой дѣлаютъ такой прекрасной фарфоръ — фарфоръ съ красными и желтыми пятнами — фарфоръ отличной бѣлизны. Надобно думать, что они съ давняго времени стараются о мануфактурахъ, ибо дѣлаютъ толь гладкіе и такого прекраснаго цвѣта штофы. — Въ продолженіи сихъ его мыслей показались острова Манильскіе; мы проѣхали мимо ихъ и острововъ Филлипинскихъ очень скоро для того, чтобы поспѣть на острова Могульскіе во время благополучнаго вѣтра.

Долгое время плавали мы въ семъ Архипелагѣ и старались достать нѣсколько гвоздичныхъ и мускатныхъ растеній; сходили съ корабля на многіе острова, зависящіе отъ Короля Тернатскаго и

и Короля Сидонскаго: но Голландцы, которые никого не хотѣли допустить въ сообщество производимой пряными кореньями торговли, истребили всѣ растенія. Мы хотѣли сойти на другіе острова, но неусыпные сберегатели тѣхъ острововъ никакъ того намъ не позволили. На этотъ разъ намъ надлежало ѣхать въ свое отечество, не получивши ничего изъ растеній — и уже въ 1770 году господинъ Поавръ перевезъ мускатныя и гвоздичныя растенія на Французской островъ.

На кораблѣ пошумѣли довольно о семъ неблагопріятномъ случаѣ, и по обыкновенію мореплавателей называли Голландцовъ скупыми... гнусными, жадными и неблагодарными .... Послѣ сихъ словъ послѣдовали самыя колкія размышленія Чернаго Ивана.... Мудрость сообщительна, сказалъ

онъ самъ себѣ; однако она не должна сообщаться, кромѣ той же мудрости. Неблагоразумно было бы древнимъ Философамъ разрушить олтари идолослуженія; неблагоразумно было бы мудрому открывать истины имъ изобрѣтенныя, когда онъ предвидитъ, что онѣ никому не принесутъ добра, кромѣ самому ему вреда. Но какой вредъ воспослѣдовалъ отъ пряныхъ кореньевъ? Была ли тутъ опасность для Голландцовъ, чтобы дѣлиться ими съ другими націями? Когда они достали ихъ довольно, для своего употребленія и для своей торговли: такъ должно ли бы истребить остатокъ и препятствовать распространенію щедротъ Творческихъ?

Во время сихъ размышленій увидѣли мы Батавію, прибѣжище

Намѣстника Батавскаго и столицу Королей Молукскихъ: тамъто гордые Голландцы теряютъ здоровой цвѣтъ и жертвуютъ самою жизнію собранію золота. При видѣ сего болотнаго жилища Черной Иванъ опять задумался, и сія задумчивость до тѣхъ поръ продолжалась, покамѣстъ мы прошли тѣсныя мѣста Сонде: тогда-то онъ вспомнилъ о Карѳагенцахъ, о коихъ говорилъ ему Аббатъ, и съ досадою предсказывалъ ему, что тоже случится и съ Голландскими купцами пряныхъ кореньевъ и съ Королями Молукскими.

ГЛАВА VII.

Черной Иванъ въ Пондишери.

Между тѣмъ, какъ Черной Иванъ занимался будущею участію Голландцовъ, мы взошли въ при-

стань Пондишери. Всѣ Офицеры, которые на пути своемъ встрѣчались только съ одними Испанцами и Португальцами, весьма обрадовались, что встрѣтились съ Французами, отличившимися отъ прочихъ народовъ своею живостію, своею ласковостію и своимъ учтивствомъ.

Пондишери есть самой прекраснѣйшій изъ городовъ, стоящихъ на берегахъ Короманедльскихъ; это центръ Французской торговли. Онъ построенъ на купленной землѣ у одного Кантонскаго Государя; улицы въ немъ весьма широки и прямы; число жителей простиралось тогда до сорока тысячь Европейцовъ, Индѣйцовъ и Магометанъ; они всѣ жили въ согласіи, и всякой изъ нихъ отправлялъ свое богослуженіе. У Фран-

цузовъ было двѣ церкви, у Индіянъ два капища, а у Магометанъ двѣ мечети.

Черной Иванъ былъ чрезвычайно тронутъ согласіемъ, царствовавшимъ между тѣми людьми, кои поклонялись Богу различными образами; и здѣсь-то вспомнилъ онъ о различныхъ войнахъ, причиненныхъ религіею во Франціи. Ему пришли на память сожженные тамъ Протестанты, притѣсненные Жансенисты, которые всѣ были впрочемъ пречестные люди, и онъ началъ плакать о нещастіяхъ Европейцовъ у стѣнъ Пондишерскихъ.

Между тѣмъ Офицеры ласкались около дамъ; матросы въ корчмахъ позабывали о трудахъ своихъ, а Капитанъ поѣхалъ къ Губернатору просить Браминскихъ книгъ.

Губернаторъ послалъ въ Бренаръ, гдѣ пребываютъ ученѣйшіе Брамины и проповѣдуютъ

Индѣйскую Богословію, такъ какъ въ Сорбонѣ проповѣдуютъ Богословію Христіанскую. Всѣ средства были употреблены, чтобы склонить на то Богослововъ; предлагали имъ золото, угрожали, но все было безполезно; въ томъ не былъ щастливѣе и Императоръ Махмедъ Абекаръ, которой также всѣ средства употреблялъ, чтобы достать сіи книги, но все было напрасно.

Предоставлено было Гастингу Бенгальскому Губернатору сообщить оныя книги Европѣ; въ нихъ то мы увидѣли строгое нравоученіе .... человѣкъ, неимѣющій никакихъ положеній, лишается наслѣдства; дѣвство есть существенное основаніе супружества; жена не должна никуда выходить изъ дому безъ позволенія своего мужа; волокита и кокетка должны за свои поступки платить пеню; любовница, кото-

рая не сдержитъ своего слова, платитъ за то вдвое, что ей будетъ обѣщано. Вотъ законы, которые совершенно показались бы во Франціи жестокими. Какъ бы то ни было, а надобно знать, что Гастингу предоставлено было познакомить насъ съ этими книгами; и Агличане, которые нынѣ съ нимъ судятся, конечно великодушно простятъ ему многіе проступки, уважая его заслуги.

ГЛАВА VIII.

Отъѣздъ въ Суратъ.

Всѣ взошли на корабль, одинъ Черной Иванъ остался у стѣнъ Пондишерскихъ и какъ робенокъ плакалъ о нещастіяхъ Европы. За нимъ посылали двоихъ матросовъ, и они съ величайшимъ трудомъ

привели его на корабль, по томъ подняли и пустились въ Суратъ.

Прошли уже Негапатанъ, Жафанапанъ и приближились къ Коморинскому мысу, какъ примѣтили маленькую Аглинскую эскадру, которая казалось плыла къ Бенгальскому заливу.

Всѣ подозрѣвали, что союзъ между дворомъ Французскимъ и Лондонскимъ разорванъ, и что Агличане отправили эскадру сію разграбить городъ Пондишери, гдѣ о томъ совсѣмъ никто не думалъ.

Какъ, сказалъ самъ себѣ Черной Иванъ, привыкшій къ критикѣ, развѣ не довольно того, что Европейцы дерутся въ своихъ земляхъ? Надобно ли имъ переносить и за Океанъ убивство и смерть? Надобно ли имъ еще Индѣйскія моря растворять кровію?

Надобно ли имъ было приплыть въ Порсмутъ и Плимутъ, чтобы перерѣзать на берегахъ Короман-дельскихъ Французовъ, Пондишер-скихъ купцовъ, несдѣлавшихъ имъ никакого зла? Естьли Мини-стры Французскіе поздорили съ Лондонскими, то надобно ли и торговлѣ участвовать въ ихъ раздорѣ? надобно ли за то разо-рять купцовъ города Марселя и Бурдо? надобно ли народу за во-ровство вещи, стоющей пяти по-лушекъ, наказывающему смертью, посылать жадныхъ разбойниковъ, чтобъ они грабили на моряхъ и въ пристаняхъ?... Послѣ сихъ словъ Черной Иванъ чрезвычайно разсердился, и въ сей уже запаль-чивости никогда не называлъ Мар-са богомъ оружія, но всегда де-мономъ войны.... Это одинъ де-монъ войны выдумалъ морскія сраженія; онъ привелъ въ совер-

шенство страшную артиллерію; онѣ учредилѣ корпусы канонеровѣ, бомбардирщиковѣ и подкопщиковѣ; онѣ внушилѣ Европейцамѣ завести регулярное войско. Никогда всѣ Европейскія націи не согласятся послать солдатѣ своихѣ обработывать земли, обратить военныя орудія вѣ заступы и плуги, и арсеналы свои вѣ хлѣбные магазины! Что же бы потеряли онѣ, естьли бы на то согласились? сколькобѣ выгодѣ доставили роду человѣческому? Что бы сказалѣ Черной Иванѣ, естьли бы узналѣ, что Европейцы, жертвуя своими гражданами демону войны, ругаютѣ за то Африканцовѣ, что они жертвуютѣ своими соотечественниками демону богатства.

ГЛАВА IX.

Пріѣздъ Черного Ивана въ Суратъ.

Въ продолженіе сего времени мы прошли Мадеру, Каликутъ и Гою, гдѣ почиваетъ прахъ нынѣшнихъ знатнѣйшихъ Миссіонеровъ, и вступили въ пристань Сураттскую.

Суратъ есть одинъ наипрекраснѣйшій изъ торговыхъ городовъ въ Индіи; сюда-то привозятъ бѣлыя Барокійскія и крашеныя Амадабадскія полотна, Байрапурскія кисеи и Кашемирскія шали для продажи по большей части Туркамъ и Персіянамъ, которые изъ того дѣлаютъ себѣ платья и чалмы, и которые носятъ этотъ нарядъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Торговля привлекаетъ туда золо-

то, а золото развратность; тамъ-то находятъ многочисленныя толпы безпутныхъ Индѣйскихъ женщинъ.

Женщины сіи забавнѣе всѣхъ прочихъ Индѣйскихъ женщинъ; онѣ живутъ вообщее въ училищахъ удовольствія; распускаютъ украшенные алмазами длинные черные волосы по алебастровымъ плечамъ своимъ; ходятъ съ удивительною легкостію, танцуютъ съ отмѣнною пріятностію и единственно занимаются наукою нравиться.

Вотъ подлинно для корабельныхъ Философовъ прекрасное поле къ нравственнымъ опытамъ; для Офицеровъ прекрасной случай самими собою поблестѣть, а для Мизантропа прекрасная матерія къ задумчивости.

Черной Иванъ оставилъ военныя орудія и жестокость Беллоны, а занялся Индѣйскими танцовщица-

ми и училищами удовольствія. . . Я много, сказалъ онъ, слыхалъ въ Парижѣ о школахъ, но никогда не слыхалъ о училищахъ Суратскихъ. Видно, что міръ къ концу приближается, потому что совсѣмъ онъ не таковъ, каковымъ вышелъ изъ рукъ Творческихъ.

Творецъ произвелъ въ свѣтъ женщинъ скромными, цѣломудренными и благонравными; вотъ ихъ природныя прелести! Теперь онѣ стали смѣлы и дерзки, живутъ для кокетства, привлекаютъ любовниковъ и ихъ на все вызываютъ.

Любовь должна быть только маленькимъ увеселеньицемъ, легонькимъ разсѣяніемъ мыслей, а иногда можетъ быть и нѣкоторою необходимостію для существъ одинакого рода, а теперь ужъ она сдѣлалась важнымъ занятіемъ въ жизни и ремесломъ корыстолюбія;

и уже нельзя написать Романа и Драммы, не примѣшавъ тутъ оной страсти.

Прежде пастухи живали въ покоѣ и союзѣ съ своими пастушками, и всякой слѣдовалъ вдохновеніямъ природы; а теперь невѣрныя пастушки оставляютъ пастуховъ своихъ и свои стада, убѣгаютъ въ города, въ сіи Суратскія школы съ тѣмъ, чтобы развращать всѣхъ пастуховъ, вездѣ разсѣвать раздоры и жертвовать золоту мудростію и всѣми добродѣтелями.... По томъ Черной Иванъ горько сталъ плакать о добродѣтели женщинъ, и безпрестанно говорилъ.... скоро будетъ преставленіе свѣту, Евангеліе то говоритъ: такъ подлинно преставленіе будетъ, свѣтъ не можетъ долѣе стоять. —

ГЛАВА X.

Отъѣздъ на островъ Французской.

Офицеры съ крайнимъ сожалѣніемъ оставили Суратъ. Капитанъ увидѣлъ на кораблѣ много путешественниковъ; они всѣ вышли изъ помянутыхъ Суратскихъ училищъ и чрезвычайно сухощавыми возвращались на Французской островъ.

Черной Иванъ подошелъ къ одному изъ нихъ, которой казался ему гораздо задумчивѣе другихъ.... Другъ мой! сказалъ онъ ему, съ позволенія вашего, мнѣ очень полюбился видъ вашъ; кажется, что вы весьма недовольны людьми и свѣтомъ. — Я имѣю на то правильную причину, отвѣчалъ онъ, отирая ліющіяся слезы; я бы весьма хорошо сдѣлалъ, естьли

бы не выѣжжалъ изъ Нормандіи. — Такъ вы изъ Нормандіи? — Такъ подлинно, да еще и изъ верхней. Когда я заплатилъ за похороны моихъ родителей и за вѣнчаніе моихъ сестеръ, тогда оставалось у меня въ предмѣстіяхъ Руена столько хорошей земли, что она и въ худой и въ доброй годъ приносила мнѣ доходу на шесть сотъ ливровъ; но какъ начали говорить о межеваніи и подати съ земли, я продалъ ее за двадцать тысячь ливровъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы деньги положить въ торгъ. — Это не такъ хорошо, сказалъ тихимъ голосомъ Черной Иванъ. — Съ сими деньгами пріѣхалъ я въ Руенъ, и тотчасъ сыскалъ купцовъ; я предпочелъ одного моего пріятеля, которой ежегодно давалъ мнѣ въ награжденіе за мою довѣренность сто пистолей. Я былъ весьма до-

воленъ симъ поступкомъ; пріятель мой, которой получалъ пятьдесятъ на сто, былъ такъ же доволенъ. Сія торговля продолжалась три года; но въ одинъ день, какъ я намѣревался открыть балъ, духовникъ мой, сдѣлавшись на этотъ разъ любопытнѣе прежняго, осмѣлился меня спросить: какой я имѣю промыселъ. Я ему сказалъ, что продалъ землю и пустился торговать. Онъ меня еще спросилъ: хорошо ли я торгую; я ему отвѣчалъ, что заимодавецъ мой взялъ все на себя съ тѣмъ, чтобы давать по пяти со ста, не смотря на то, что онъ самъ получалъ по пятидесяти. Надобно бы вамъ поступить получше, сказалъ онъ мнѣ; я отвѣчалъ ему, что уже большую часть изъ моего дохода я истрясъ, и что у меня осталась пятая доля отъ всѣхъ денегъ: я жилъ съ такою умѣрен-

ностію, что самъ себѣ починивалъ платье. Надобно ихъ назадъ взять, проворчалъ онъ и затворилъ калитку.... Я сыскалъ купца, чтобы ему отдать эту пятую долю; но онъ насмѣялся надъ моею простотою, и сказалъ мнѣ, что я не только не сдѣлаю ему никакого зла, но еще тѣмъ услужу. Я отвелъ его къ моему духовнику, которой ихъ взялъ самъ себѣ, и велѣлъ давать означенную съ нихъ сумму. — Черной Иванъ, которой слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, досадно, сказалъ, что твой духовникъ былъ столько любопытенъ; что ты столько снискалъ знанія; что ты не слѣдовалъ модѣ и не умѣлъ веселиться. Разговоръ тѣмъ и кончился.

ГЛАВА XI.

Разговоръ Черного Ивана съ купцомъ Французскаго острова.

На другой день Черной Иванъ возобновилъ свое знакомство съ купцомъ Французскаго острова, и этотъ купецъ разсказалъ ему о своей грусти слѣдующимъ образомъ .... Много говорили въ сіи времена, что въ одной Индіи скоро можно набогатиться. И вотъ для чего я оставилъ Руенъ, и поселился на островъ Французской. Въ короткое время я торговлю свою распространилъ на берегахъ Аравійскихъ, въ заливѣ Персидскомъ и въ Суратскомъ. Изъ Мекки я вывозилъ ладанъ, алое, благовонные духи и кофе, изъ Персидскаго залива кисеи, а съ береговъ Малабарскихъ бумажныя

полотна, сандалъ и имбирь. За все это я платилъ разными Европейскими товарами, а особливо сукнами Французскими и желѣзомъ; и я не досадовалъ уже на то, что продалъ свою землю и деньги положилъ въ торговлю: но скоро увидѣлъ, что зданіе моего благополучія вдругъ начало разрушаться, и вотъ причина моей грусти. Я скоро доведенъ былъ до такого банкрутства, какое быть можетъ въ Руенѣ. Корреспондентъ мой велъ столь точные и столь исправные щеты, что заимодавцы принуждены были согласиться на одну четверть платы. Съ этого-то времени купилъ онъ себѣ прекраснѣйшія земли: всѣ за него теперь Бога молятъ; и онъ каждой день обѣдаетъ съ духовникомъ моимъ .... Я надѣялся на одинъ корабль нагруженной въ Меккѣ, но за мысомъ Доброй На-

дежды его постигла жестокая буря, и онъ погрязъ нещастнымъ образомъ у береговъ Африканскихъ ..... Я положилъ нѣсколько своихъ товаровъ на другой корабль, плывшій изъ Боссора въ Гавръ. Онъ миновалъ опасныхъ подводныхъ мѣстъ, и буря его не обезпокоила, но взяли Агличане и отвели въ Лондонъ .... Я надѣялся нѣсколько на оставшееся въ Суратѣ мое имѣніе; я поѣхалъ туда расчитаться съ моимъ прикащикомъ; но какъ онъ посѣщалъ общественныхъ Индѣйскихъ женщинъ, то женщины сіи его ограбили, и теперь у меня ничего не остается; я доведенъ до того, что близь пристани Людовика обработываю нѣсколько десятинъ каменистой земли съ тѣмъ невольникомъ, которой будетъ у меня въ послѣдующее время другомъ.

Черной Иванъ, сдѣлавшись задумчивымъ и изумленнымъ, не имѣлъ довольно силъ утѣшить сего нещастнаго купца, которой съ такимъ добросердечіемъ разсказалъ ему свою исторію. Онъ безпрестанно думалъ о честности банкрутовъ. Мы уже прошли острова Французской, Бурбонской, Мадагаскарской и взошли въ Фальской заливъ, и онъ все еще думалъ о запискахъ банкрутовъ, о важности и честности ихъ.

ГЛАВА XII.

Черной Иванъ пріѣзжаетъ на мысъ Доброй Надежды.

Видъ этого мыса нѣсколько утѣшилъ Чернаго Ивана; за учрежденіе сей Колоніи онъ простилъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ владѣльцамъ Молукскимъ. Въ самомъ

дѣлѣ для мореходцовъ, идущихъ въ Индію и возвращающихся оттуда, нѣтъ станціи лучшей онаго мыса.

Небо всегда тамъ чисто и ясно; воздухъ столько здоровъ, что многія вносимыя туда болѣзни излѣчаются онымъ безъ помощи Докторовъ; тамъ живутъ щастливые поселенцы и раздѣляютъ съ своими рабами полевые труды свои; тамъ-то въ несносные жары пользуются возможною прохладою и пьютъ прекрасное вино.

Между тѣмъ какъ Офицеры и матросы, не находя на мысѣ Суратскихъ танцовщицъ, занялись питьемъ, Черной Иванъ съ обыкновеннымъ своимъ любопытствомъ прогуливался по городу и по полямъ. Простота нравовъ этой Колоніи чрезвычайно его поразила. Мужчины всегда занимаются зем-

леделіемъ, подрезываніемъ виноградныхъ лозъ, провожденіемъ чрезъ сухія и песчаныя земли каналовъ; а женщины воспитаніемъ детей и благополучіемъ своихъ мужей, и ни мало не тужатъ о комедіяхъ, о театрахъ и о. . . .

Эти люди лучше Голландцовъ, сказалъ Черной Иванъ; вотъ только беда, что они съ такимъ могущесшвомъ повелеваютъ Молукцами, и что намъ помешали нагрузиться гвоздикою: впрочемъ они весьма кротки и весьма услужливы; они по возможности живутъ въ болотистыхъ местахъ, платятъ за то соседнимъ націямъ деньги, терпеливо сносятъ все общества, ловятъ своихъ сельдей, никого не обижаютъ; сносятъ всякія обиды въ Японіи за то только, что получаютъ оттуда фарфоръ; посещаютъ все наши пристани для

приправы нашихъ соусовъ; спокойно разводятъ на мысѣ виноградъ и въ срединѣ Африки продаютъ оной всѣмъ путешествующимъ; — примѣръ мудрости и умѣренности.

Герой мой рѣшился остаться въ сей Колоніи, обрабатывать поля и пасти стада, такъ какъ въ юности этимъ занимался; но провѣдалъ, что первой основатель этой Колоніи былъ лѣкарь Ріебекъ; что онъ завладѣлъ этою землею, не смотря на права природныхъ жителей; что приплылъ изъ Европы съ Колонистами, со скотомъ, съ земледѣльными инструментами и пушками; что разорилъ и разметалъ хижины Готтентотовъ, и загналъ дикихъ въ самые глухіе лѣса, а упорствовавшихъ его насилію перерѣзалъ; что построилъ для защищенія себя изъ лѣсу маленькую крѣпостцу, и что изъ сей-то маленькой крѣпостцы родилась

большая каменная крѣпость, защищаемая шестьюдесятью большими артиллерійскими пушками. . . .

Естьли бы я тамъ остался, сказалъ Черной Иванъ, я бы кажется всегда слышалъ кровь дикихъ, требующихъ отмщенія; я бы кажется всегда видѣлъ Готтентотовъ возвращающихся страшными толпами, испускающихъ дикіе вопли и мещущихъ свои стрѣлы омоченныя ядомъ на своихъ притѣснителей. Я лучше соглашусь возвратиться во Францію, и куплю тамъ маленькой уголокъ земли на тысячу ефимковъ моего благодѣтеля: владѣніе сіе будетъ законнѣе.

ГЛАВА XIII.

Отъѣздъ на островъ Кайенъ.

Какъ скоро мы запаслись нужными потребностями на мысѣ Доб-

рой Надежды — сѣли на корабль — изключая одного Ботаника, котораго Губернаторъ взялъ для разведенія саду — и поднявъ парусы пустились въ Кайень.

Переходъ былъ великъ; Офицеры на дорогѣ имѣли время и наиграться и наскучиться, а Черной Иванъ думать о исторіи Готтентотовъ не слишкомъ запутанной: этотъ народъ состоитъ изъ пастуховъ; у нихъ и поля и стада общія; и по *сему-то* не бываетъ споровъ у нихъ ни въ имѣніи, ни въ наслѣдствѣ, ни въ раздѣлѣ и въ убыткахъ; нѣтъ у нихъ ни журналовъ судебныхъ, ни вѣдомостей парламентскихъ, ни спорныхъ дѣлъ, ни исторіи о многихъ уголовныхъ дѣлахъ; а больше всего нѣтъ у нихъ военной исторіи о сраженіяхъ, о завоеваніяхъ и о главныхъ арміяхъ, потому что между ими никогда ни-

какой ссоры не бываетъ; они дерутся только съ тиграми и леопардами, главными врагами ихъ стадъ; вотъ война первобытныхъ людей, и родъ человѣческой не долженъ имѣть другой войны.

При благополучномъ вѣтрѣ мы плыли на всѣхъ парусахъ, и между тѣмъ какъ среди Западнаго океана примѣтили островъ Св. Елены, всѣ Офицеры тотчасъ начали смотрѣть въ подзорныя трубки, однако ничего не видѣли, кромѣ безплодныхъ утесистыхъ каменныхъ горъ, и нѣсколько жилищь разбросанныхъ вокругъ береговъ. . . .

Пусть трудятся Агличане, сказалъ Черной Иванъ, которой много читывалъ книгъ; пусть они трудятся; конечно они проницательнѣе и искуснѣе всѣхъ народовъ; у нихъ Философы не хуже

Греческихъ; купцы не хуже Карѳагенскихъ, а Ораторы лучше и Римскихъ. Невтонъ взвѣшиваетъ планеты, а соотечественники его тѣмъ пользуются: всѣ владѣнія имъ принадлежатъ; они нѣкогда владѣли берегами Франціи, Карилезіи и Бурдо; они владѣютъ въ Андалузіи Гибралтарскою крѣпостію, и онато защищаетъ ихъ торговлю въ Средиземномъ морѣ. Посмотрите на островъ Св. Елены; онъ не что иное, какъ одинъ камень; — онъ служитъ имъ пристанію для кораблей ихъ, и весьма спокойною на пути квартирою, къ уничтоженію вашей Индѣйской торговли. Вы знаете, что они владѣютъ Мадрасомъ, Каликутомъ и Бенаресомъ, и самымъ можно сказать дворомъ Могольскимъ; они владѣютъ Бомбайемъ, которой прочищаетъ имъ путь торговать въ Персидскомъ заливѣ и въ Черм-

номѣ морѣ: и это еще ничего не стоитѣ; они завладѣли почти всею торговлею Африканскою, Бразильскою, Антильскою, торговлею всѣхѣ Сѣверныхѣ Американскихѣ береговѣ отѣ самой Флориды даже до Алкадіи. Во всей этой сторонѣ остается одна только Канада, которая принадлежитѣ Французамѣ; надобно думать, что они ничего не оставятѣ у нихѣ, а когда нибудь и ею завладѣютѣ; щастливы мы, что Государь Великобританскій, которой называетѣ себя Королемѣ Французскимѣ, Герцогомѣ Генуезскимѣ и Нормандскимѣ, не одумается возобновить прежнихѣ своихѣ требованій...

Всѣ бывшіе на кораблѣ удивлялись той глубокой мудрости Чернаго Ивана, о которой онѣ еще совсѣмѣ и не думалѣ.

ГЛАВА XIV.

Черной Иванъ пристаетъ въ Кайенъ.

Наконецъ мы приплыли въ Кайенъ; Капитанъ пошелъ къ Губернатору для исполненія порученнаго ему дѣла; Офицеры, солдаты, матросы — всѣ разбрелисъ по Колоніи для свиданія съ старыми знакомцами; а Черной Иванъ между тѣмъ обошелъ маленькое мѣстечко обнесенное валомъ; — это центръ всего острова и всей Французской Гвинеи, простирающейся по малой мѣрѣ на сто миль по берегу....

Здѣсь-то, сказалъ прогуливаясь Черной Иванъ, въ чрезвычайномъ множествѣ ссаживаютъ съ кораблей чернь Парижскую! Здѣсь-то выгружаютъ излишность этой столицы; сюда-то отсыла-

ютъ дрянь Французскую; сюда-то ссылаютъ молоденькихъ бродягъ!... Вотъ какіе поселенцы Кайеньскіе! Кажется, что однимъ здоровымъ земледѣльцамъ должно бы изсушать болота Гвинейскія, и сильнымъ работникамъ надлежало бы разводить сахарные тростники, раку и кофейныя растенія, недавно туда привезенныя. Французы! удастся ли вамъ успѣть въ своихъ заведеніяхъ, такъ какъ Голландцамъ удалось на мысѣ Доброй Надежды?

Въ прогулкѣ онъ видѣлъ честныхъ поселенцовъ, ни мало нежалѣвшихъ о Европѣ; видѣлъ на нѣкоторыхъ отдѣленныхъ холмикахъ женщинъ приверженныхъ къ добродѣтели; однако онъ видѣлъ много и такихъ красавицъ, которыя не сдѣлались отъ того лучшими, что ихъ переселили въ

дальное мѣсто; впрочемъ онѣ имѣли довольно причинъ къ оправданію своей неисправности.

Однѣ изъ нихъ старались о щастіи мущинъ, и никогда не хотѣли вытти за мужъ, потому что Философы никогда не женились, и вотъ чѣмъ подавали очень худой примѣръ молодымъ людямъ.

Другія долгое время соблюдали свою добродѣтель среди самыхъ опасностей, и никогда не имѣли любовниковъ, потому что не могли выбрать по мысли себѣ мужей.

Иныя изъ нихъ столько имѣли ума, сколько надобно имѣть дѣвушкѣ, но не соглашались на супружество для того только, что у нихъ не доставало имѣнія, и что онѣ не имѣли еще приданаго.

Другія такъ упрямились, что не могли принудить ихъ къ браку

ни принужденія, ни ласка, ни повторяемыя клятвы тѣхъ любовниковъ, которые ихъ оставили.

Другія за тѣмъ вдались въ распутство, что не надѣялись исполнить должностей супружества.

Иныя, не знавши того, сколько опасно не имѣть ревнивой матери, или неусыпной надзирательницы, очень молоды пустились въ бурное это море.

Другія развращены были самыми ихъ наставниками, и доведены были до всѣхъ слабостей покровителями ихъ цѣломудрія.

Иныя принуждены были по необходимой нуждѣ жертвовать своею молодостію и своею красотою.

Другія, и это были Нормандки, чрезвычайно возненавидѣли тѣхъ богатыхъ любовниковъ, которые

ими торговали, и тѣхъ корыстолюбивыхъ родителей, которые неравно любили дѣтей своихъ.

И всѣ онѣ имѣли разныя причины; но Черному Ивану недосужно было ихъ слушать, потому что надлежало ѣхать въ островъ С. Доминго.

ГЛАВА XV.

Отъѣздъ въ С. Доминго.

Черной Иванъ пришелъ на корабль съ величайшимъ неудовольствіемъ..... Пусть спросятъ, сказалъ онъ Офицерамъ и вокругъ стоящимъ его солдатамъ, злодѣевъ стенающихъ въ темницахъ и находящихся на галерахъ, они всѣ въ оправданіе свое представятъ прекрасныя причины; но ни одинъ такъ хорошо не скажетъ, какъ сіи Кайеньскія женщины. Мущи-

ны, которые располагаютъ участію женщинъ, это они причиною ихъ нещастія; они торжествуютъ надъ ихъ слабостію, и за оную ихъ наказываютъ; вы сами въ томъ мнѣ свидѣтели..... Офицеры и солдаты, всѣ захохотали, а на нихъ глядя Капитанъ, пасажиры и матросы также засмѣялись.

Въ это время, какъ они взапуски смѣялись, корабль нашъ часъ отчасу далѣе становился; мы прошли при Юго-Западномъ вѣтрѣ Голландскую Гвіену, З... Б... Е....; пробѣжали также рѣку Оренокъ, Тринитадъ, Табаго, Гренаду, Св. Викентія, и уже усмотрѣли островъ Св. Луки, которой столько разъ перемѣнялъ своихъ владѣтелей: сперва Агличане его отняли у Караибовъ, первыхъ владѣтелей; по томъ Французы его

отняли у Агличанъ; наконецъ опять завладѣли имъ Агличане; но и теперь не можно твердо положиться, кому онъ принадлежитъ. Мы съ поспѣшностію пробѣжали мимо онаго, мимо Мартиники и Гваделупы.

Офицеры мимоходомъ смотрѣли на укрѣпленія мѣстечка Святаго Петра; Философы помощію зрительныхъ трубокъ старались увидѣть каменныя Гваделупскія горы безпрестанно дымящіяся; пассажиры занимались богатыми произведеніями сего острова: какъ-то, сахаромъ, раку индиго и какао; а Черной Иванъ занимался участію рыжихъ и черныхъ Караибовъ.....

Рыжіе и черные, говорилъ онъ въ веселомъ духѣ, прогуливаясь одинъ по верхней палубѣ, всѣ равныя дѣти природы, и Творецъ столько же изтощилъ на нихъ

благодѣяній, какъ и на Европейцовъ; конечно онъ столькоже любитъ черныхъ Конгскихъ жителей, какъ и бѣловатыхъ Агличанъ. Кстати ли было Агличанамъ оставить свой островъ, приплыть къ Караибамъ, обезпокоить ихъ въ собственныхъ ихъ жилищахъ; выгнать ихъ изъ маленькихъ Антильскихъ острововъ, загнать ихъ на островъ Доминго и тамъ еще обижать? Надобно ли было Лолинѣ и Дюплесси выѣзжать изъ Діеппы съ пятью стами бродягъ для обработыванія Гваделупа, противъ согласія природныхъ жителей? Развѣ не осталось болѣе земель для воздѣланія въ Гвіеннѣ и въ Бретаніи? и развѣ нѣтъ ихъ въ Нормандіи? ихъ много въ томъ приходѣ, гдѣ я родился. Правда, что онѣ способны только на то, чтобы питать козъ и овецъ: но не

уже ли обширныя земли Кудраи, на нѣсколько миль простирающіяся, неспособны для обработыванія? и кто мѣшаетъ обработывать оныя? Господа! — они люди пречестнѣйшіе..... сосѣди! это люди пребогатѣйшіе; они населятъ сіи земли своими дѣтьми...... Естьли недостаетъ для скотины пищи, землепашество доставитъ ее съ излишествомъ..... естьли лишены способовъ — молодые люди, кои служатъ Аргетанскимъ мѣщанамъ, и коимъ Парижскіе садовники платятъ за услугу ихъ, построятъ шалаши и будутъ воздѣлывать землю..... Впрочемъ тѣ люди, кои ни куда не будутъ выходить изъ своихъ земель, и не оставятъ въ Антиллахъ своей родины, не получатъ ли они изъ того что нибудь? Государи, кои не хотятъ имѣть флота, для сохраненія земледѣльцевъ и для воспрепятствованія

нашихъ непріятелей, сколько изъ того понесутъ убытковъ!

ГЛАВА XVI.

Черной Иванъ пріѣзжаетъ на островъ С. Доминго.

Въ то время, когда Черной Иванъ говорилъ какъ Профессоръ, предлагалъ и рѣшилъ какъ ученикъ, корабль взошелъ въ рейду Французскаго мыса.

Наши мореходцы тотчасъ всѣ разбѣжались по городу, для прогнанія своей скуки, а Черной Иванъ, которой повсюду ходилъ съ задумчивостію, весьма разсердился, когда увидѣлъ строющійся на мысѣ театръ. Онъ сошелъ въ долину, легъ подъ цитроновое дерево, заснулъ, и ему грезились такіе сны, которые показывали безпокойствіе лихорадочнаго человѣка.

Во снѣ мечтались ему границы, линеи и рубежи. Ему грезились Пиринейскія и Альпійскія горы, Реинъ, Дунай и длинная стѣна, отдѣляющая Татарію отъ Китая; по томъ опять ему все тоже грезилось.... Надобна дорога или ручеекъ для отдѣленія приходовъ; а высокія горы и большія рѣки для отдѣленія государствъ. Два пастора, въ одномъ полѣ работающіе, часто между собою ссорятся; и двѣ націи, обитающія на одномъ островѣ, такимъ же подвержены ссорамъ; и такъ не возможно, чтобы С. Доминго принадлежалъ вмѣстѣ и Французамъ и Испанцамъ; лѣнивцы должны уступить землю тѣмъ, кои обработываютъ ее....; и по томъ Черной Иванъ опять сталъ думать о Европѣ.... Проливъ отдѣляетъ Нормандію отъ Англіи; и вотъ по чему мужественному Вильгельму не нужна была эта

страна: когда онъ былъ въ Англіи, въ то время бунтовали въ Мортенѣ, и когда былъ въ Нормандіи, тогда произходилъ мятежъ въ Галліи: и вотъ по чему Королямъ Аглинскимъ не должно было желать короны Французской, хотя они и хотѣли носить ее въ пятнатцатомъ столѣтіи. Пиринейскія горы отдѣляютъ Испанію отъ Франціи; и вотъ по чему Королю Французскому не должно было завладѣть верхнею Наваріею, а Королю Испанскому отнимать нижнюю. Альпійскія горы отдѣляютъ Францію отъ Италіи; и по этому-то Французамъ не надобно было возобновлять прежнихъ претензій и посылать армію свою въ Миланъ. Реинъ раздѣляетъ Швабію отъ Алзаціи; и вотъ по чему Нѣмцамъ не надобно было отнимать Стразбурга, ни древняго графства Бургонскаго. Дунай отдѣляетъ

Гунгарію отъ Сербіи; и вотъ по чему Императору не надобно было завладѣть Бѣлградомъ, а Султану Темесфаромъ. Стѣна, длиною въ четыре ста миль, отдѣляетъ Татарію отъ Китая; и вотъ по чему ни Китайцы, ни Татары ее не должны переходить.... Да гдѣ я, сказалъ Черной Иванъ проснувшись? Это не возможно.... Я на островахъ Антильскихъ, а бѣдная моя мысль плутаетъ въ Азіи. Я на островѣ С. Доминго подъ тѣнію цитроннаго дерева, а мысль моя у стѣнъ, отдѣляющихъ Китай отъ Татаріи....

ГЛАВА XVII.

Продолженіе сна Чернаго Ивана на островѣ С. Доминго.

Черной Иванъ опять заснулъ, и тотчасъ представились вообра-

женію его Китайская стѣна, естественные предѣлы, высокія горы, рѣки и моря; въ его умоизступленіи казалось, что не довольно было ручейка Эпта для отдѣленія Нормандіи отъ Франціи, а пролива довольно было для отдѣленія ея отъ Англіи; но, продолжалъ онъ.... естьли проливъ отдѣляетъ Нормандію отъ Англіи, то не уже ли не довольно будетъ Сѣвернаго моря для раздѣленія двухъ Каролиній, Виргиніи, Мариланда и Панзильваніи? Не уже ли Западнаго океана не достанетъ на границу Мадраса и Бенгала? Не уже ли всѣхъ морей не довольно для отдѣленія мыса Доброй Надежды, Батавіи и Могульскихъ островъ отъ Амстердама и Сюринама? Не довольно ли ихъ будетъ, чтобъ отдѣлить Испанію отъ Перу, отъ Хили, отъ Парагая, отъ Маріанскихъ и Филиппинскихъ ос-

тровов? Не довольно ли будетъ для отдѣленія Лиссабона отъ обширныхъ странъ Бразиліи? Не довольно ли ихъ для отдѣленія Французскаго острова отъ Бурбона, отъ Пондишери, отъ Канады и отъ С. Доминго?.... При сихъ послѣднихъ словахъ онъ проснулся... С. Доминга, нѣтъ, сказалъ онъ, протирая глаза свои; Французскія Колоніи столько зависятъ отъ своей столицы, что никогда отъ нее не будутъ ничѣмъ отдѣлены..... Съ сею мыслію Черной Иванъ взошелъ въ городъ.

Вотъ, любезной читатель, сонъ Чернаго Ивана! я отдаю тебѣ его на разсмотрѣніе: этотъ сонъ не что иное, какъ сонъ, а мы оставимъ Чернаго Ивана дремать до самаго города. Въ городѣ онъ увидѣлъ Офицеровъ, корабельнаго Свя-

щенника и Философовъ разными предметами занятыхъ.

Офицеры пили кофе, корабельной Священникъ запасалъ табакъ для своего дому; одинъ изъ Философовъ дѣлалъ планъ для театра, которой намѣревались построить на мысѣ, и доказывалъ своимъ товарищамъ, что театры Парижскіе не столько были пространны, какъ Аѳинской и Римской, и что сіе неравенство много препятствовало къ дѣйствію театра и изправленію нравовъ; что во Франціи занимались одними бездѣлушками, и что надлежало бы завести общій сборъ, или на богатое духовенство наложить подать, и на сіи бы деньги построить театры.... Во время его разговоровъ ему сказали, что все изготовлено къ отплытію, и что скоро подымутъ парусы.

ГЛАВА XVIII.

Отъѣздъ въ Канаду.

Казалось, что во время переѣзда съ Французскаго мыса въ Канаду, Чернаго Ивана лихорадка чрезвычайно безпокоила. Его вздорныя о Сѣверной Америкѣ примѣчанія яснымъ къ тому доказательствомъ служатъ. Я все то записалъ, чего мнѣ не возможно было прочитать.

Въ примѣчаніяхъ о Флоридѣ есть очень длинная глава, подъ заглавіемъ Исторія Тиранства, въ коей нечего читать, кромѣ сихъ словъ: Лука Велазскезъ...

На цѣлой страницѣ написано: висѣлицы воздвигнуты въ Европѣ.... Европейцы убѣжавшіе въ Америку.... религія учреждена для благополучія человѣческаго.... люди ее имѣютъ...

Онъ ничего не говоритъ о Грузіи, которая простирается по берегу моря въ длину отъ рѣки Алатамасса даже до рѣки Савенахъ, а въ ширину до Апалашъ. Сія обширная степь дожидалась Европейскихъ Колонистовъ, и славной Оглеторпъ не былъ еще въ ней съ своими товарищами.

Вотъ что можно читать на двухъ страницахъ о Кароливіи.... Философы.... Платонъ.... Локкъ... говорили... о человѣчествѣ... о терпимости.... говорили, что никогда не надобно гнать.... дѣтей одного отца....

Виргинія есть одна изъ древнихъ сторонъ, Агличанами населенныхъ на берегахъ Америки.... Въ нее введены Европейскія формы судопроизводства; въ при-

знательность этого обыкновенно поселенцы посылают въ Европу съ береговъ Раппаганоки и Потумаки двѣсти тысячь центнеровъ табаку для носовъ законодательскихъ. Однакожъ говорятъ, что и Капуцины часть онаго нюхаютъ..... Капуцины..... которые отреклись отъ излишностей свѣтскихъ....

Черной Иванъ мало сказалъ о Мариландѣ. Онъ замѣтилъ только то, что тамъ по большей части разводятъ табакъ, такъ какъ въ Виргиніи; что земля Шупшанская и Шефтерская очень плодородна; впрочемъ говорятъ знатоки, что она гораздо хуже земли, лежащей близь Іорка.

О Пансильваніи Герой мой слишкомъ распространился: его возклицанія тутъ безконечны. Агалинскія канторы доставили Вильгельму Пану извѣстную сторону

Америки за ту сумму денегЪ, коею правительство должно было отцу его. Честной ПанЪ сею уступкою не былЪ доволенЪ; ему захотѣлось купить земельку и у природныхЪ жителей. По томЪ Черной ИванЪ возклицаетЪ.. о ПанЪ!... превосходнѣйшій изЪ ЕвропейцовЪ! Испанцы, смотря на твой поступокЪ, не станутЪ ли стыдиться своихЪ МексиканскихЪ и ПеруанскихЪ завоеваній? О любезные Квакеры, любезные друзья мои! великая бѣда, что вы не Католики! Говорятъ, что вы не носите ни позументовЪ, ни кружевЪ ни...; вы отреклись ото всѣхЪ излишностей и не нюхаете табаку: точно такЪ же поступаетЪ нашЪ корабельной СвященникЪ. О Дюмплеры!.... вы живете какЪ Картезіанцы вЪ маленькомЪ ЕфратскомЪ городѣ!.... О Филадельфія!...

о щастливыя стѣны!.... Вотъ любезный читатель, сколько возклицаній, и всѣ онѣ не краснорѣчивы. Что же бы сказалъ Черной Иванъ, естьли бы зналъ Доктора Франклина, которой собралъ знатную библіотеку въ Филадельфіи и приходилъ въ Версалію сказывать объ открытіи Америки.

ГЛАВА XIX.

Черной Иванъ въ Кебекѣ.

Между тѣмъ, какъ Черной Иванъ разсуждалъ о Американскихъ берегахъ, мы прошли уже Королевской островъ, вступили въ рѣку Св. Лаврентія и приближились къ Кебеку.

При вступленіи въ рейду увидѣли отправляющійся во Францію съ козьими и бобровыми кожами

корабль Малуинѣ. Черной Иванѣ, которой все еще думалѣ о простотѣ Квакеровѣ и Дюмплеровѣ, проснулся и тотчасѣ сѣ сердца написалѣ вѣ записной своей книжкѣ .... Французы чрезвычайно странны ... чрезвычайно ... что вѣ одно время вывозятѣ и Китайскія шелковыя матеріи и Канадскія кожи. . . .

Для произведенія этой торговли Самуель Шампленъ, построилѣ городѣ Кебеку на полуостровѣ, окруженномѣ знатнѣйшею рѣкою Св. Лаврентія и рѣкою Св. Карла. Какѣ скоро сошли сѣ корабля, Капитанѣ пошелѣ кѣ Губернатору для отправленія порученнаго ему дѣла; Офицеры изѣ любопытства разбѣжались по городу; а Черной Иванѣ, которой не думалѣ найти вѣ Кебекѣ улицы Св. Гонорія, без-

непрестанно смотрѣлъ на карту Канадскую. Онъ смотрѣлъ на рѣку Св. Лаврентія и ей удивился; онъ посмотрѣлъ на берега озеръ Антаріосскаго, Гуронскаго, Мишиганскаго и еще болѣе удивился. Ему чрезвычайно хотѣлось посмотрѣть на жителей той страны, о которыхъ ему такъ много говорили: случай ему въ этомъ услужилъ.

Ирокейцы и Алгонкинцы долженствовали по три дни имѣть близь маленькаго городка трехъ рѣчекъ торжественное для заключенія мира собраніе, на которомъ и самъ Губернаторъ обязанъ былъ присутствовать. Наши мореходцы, не изключая и Священника — всѣ туда пошли.

Депутаты обѣихъ націй приближались съ поднятыми своими

копьями, подошли и чертили на пескѣ параллельныя линеи, и съ живыми движеніями произносили нѣкоторыя слова; давали знаки своимъ войскамъ, поднявшимъ свои копья . . . . говорили между собою съ ласковостію; подали опять знакъ, чтобъ положили оружія; загладили писанныя черты; другъ друга дарили изъ фіолетовыхъ раковинъ ожерельями, изъ нихъ одно поднесли Губернатору; послѣ сего всѣ вмѣстѣ начали воинскую пляску, и она заставляла трепетать всѣхъ зрителей. По окончаніи пляски Губернаторъ просилъ у начальниковъ молодаго дикаго, для отвезенія его во Францію. Начальники объявили дикимъ требованіе великаго Государя; они съ ужасомъ закричали, и взывали на небо къ тѣнямъ отцевъ своихъ. Одинъ изъ нихъ казалось рѣшился на то; но какъ подо-

шелъ и увидѣлъ наше платье и наши моды, онъ тотчасъ убѣжалъ; а поглядѣвъ на нашего Священника, убѣжалъ и еще далѣе; онъ взглянулъ еще разъ на него и побѣжалъ изо всей силы съ своими товарищами; — и всѣ они спрятались по полямъ.

ГЛАВА XX.

Черной Иванъ возвращается во Францію.

Капитанъ видя, что не можно склонить Канадскаго дикаго на то, чтобы онъ оставилъ свою хижину, и поѣхалъ жить въ Европейскія палаты, рѣшился самъ оставить Кебеку, и по полученному приказанію возвратился прямымъ путемъ во Францію: такимъ образомъ мы проплыли величественную рѣку Св. Лаврентія, и

прошли новую землю и обширные подводные пески.

Черной Иванъ въ это время не занимался ни свѣжею, ни сухою трескою; онъ безпрестанно думалъ о дикихъ, и они никогда у него не выходили изъ мыслей. Выразительныя ихъ движенія глубже напечатлѣлись въ его сердцѣ, нежели Академическія рѣчи, читанныя въ библіотекѣ Королевской .... Дикіе Канадскіе, говорилъ онъ, какіе прекрасные люди! какая поступь, какая величественность! и какъ Европейцы малы въ разсужденіи ихъ! эти линеи, проведенныя на пескѣ и потомъ заглаженныя..., тѣ копья, вверхъ поднятыя и опять опущенныя... какъ это краснорѣчиво! выраженія Французскихъ Риторовъ похожи ли на это выраженіе? столько ли

сильны въ краснорѣчіи Аглинскаго Парламента Ораторы?... изъ черныхъ и фіолетовыхъ раковинъ ожерелья, и коими дарятъ они въ знакъ дружбы, какой прекрасной договоръ мира! какъ онъ простъ и какъ онъ ясенъ! всѣ мирные договоры, заключенные въ Европѣ съ двухъ сотъ лѣтъ, имѣютъ ли такую же ясность и такую же простоту? стоютъ ли они ожерелья дикихъ жителей Канадскихъ?... Онъ сравнилъ наши сомнительные договоры, коими хвалятся наши политики, съ ожерельями Канадскихъ Риторовъ, и по томъ горько заплакалъ.

Какіе танцы! сказалъ онъ, какія тѣлодвиженія! какое выраженіе! Французскіе минуеты занимали ли такъ воображеніе? Въ Нѣмецкихъ есть ли столько живности? сравняются ли когда нибудь

танцовщики оперные съ Алгонкинами?...

Черной Иванъ безпрестанно занимаясь пантоминами дикихъ, прошелъ Ассоры безъ всякаго вниманія; а на крѣпость Аррашскую, Танжеръ и на провинціи Марокскія покоренныя и взглянуть не хотѣлъ.

Не было ничего такого на всѣхъ берегахъ Африканскихъ, что бы могло загладить черты изображенныя въ его душѣ, близъ маленькаго города, при трехъ рѣчкахъ стоящаго. Мы переѣхали уже устье Гибралтарское, крѣпость Св. Филиппа, взошли въ пристань Марсельскую, и Герой мой все еще думалъ о паральллейныхъ линеяхъ, копьяхъ, ожерельяхъ и танцахъ Канадскихъ.

Но читатель конечно соскучится бѣгать по толикому множеству морей, и время уже мнѣ окончить третью мою книгу съ Чернымъ Иваномъ, окончившимъ третью часть своихъ записокъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Черной Иванъ отъѣзжаетъ въ Монтпельеръ.

Читателя легко можно увѣрить, что на кораблѣ никого не осталось, кромѣ людей совершенно нужныхъ. Офицеры спѣшили увидѣться съ прежними своими знакомцами; матросы торопились исполнить обѣщанія, сдѣланныя ими во время бури, свирѣпствовавшей на океанѣ Атлантическомъ; камердинеръ почтеннаго Аббата побѣжалъ искать купца, чтобы продать ему гардеробъ своего господина.

Черной Иванъ, задумчивой Иванъ, котораго ничто изъ этихъ

малостей не безпокоило, два дни думалЪ о томЪ, на что ему должно было рѣшиться, и по долгомЪ сомнѣніи, колебавшемЪ его различными побужденіями, онЪ рѣшился наконецЪ оставить Марселію, по причинѣ смолянаго запаху, и странствовать по прежнему пѣшкомЪ ему чрезвычайно гадко казалось, чтобы мореходецЪ или КапуцинЪ ѣхалЪ на лошади; ему хотѣлось узнать, не поѣдетЪ ли старшина стряпчихЪ ПровансихЪ лѣчиться вЪ МонтпельерЪ; ибо самому ему хотѣлось излѣчиться отЪ желчи, на морѣ вЪ немЪ умножившейся.

ТакимЪ образомЪ Герой мой, богато запасшись Квитскою хиною, чистительнымЪ порошкомЪ КитайскимЪ и пятьюдесятью прекрасными пистолями, оставшимися изЪ наслѣдства послѣ М. Аббата, отправился вЪ АиксЪ.

Онъ шелъ понемногу на день, какъ мореплаватель, непривыкшій къ ходьбѣ, весьма часто останавливался для созерцанія чудесъ натуры, поелику давно уже не видалъ земли; и наконецъ прибылъ въ Аиксъ, изнуренъ усталостію отъ непривычки странствовать по нашимъ большимъ дорогамъ.

Первое его было стараніе весьма умѣренно поѣсть по своему обыкновенію. Онъ скорехонько скушалъ три смоквы, двѣ сливы, вѣточку сухаго винограду, по томъ отправился къ старшинѣ стряпчихъ, и съ возможною ясностію разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ. Доброй человѣкъ надѣлъ нижнее платье, очки и колпакъ, прочелъ всѣхъ Авторовъ, писавшихъ о законоискуствѣ, по томъ раза три почесалъ голову, и наконецъ рѣшилъ, что Черной Иванъ можетъ ѣхать въ Монтпельеръ,

призывать на помощь лѣкарей, которые имѣютъ право лѣчить какъ морскія, такъ и на сухомъ пути случающіяся болѣзни; потому что не надобно различать того, чего законъ не различилъ, и что они имѣютъ власть лѣчить всякаго рода болѣзни: впрочемъ надобно беречься, чтобы ихъ не принуждать къ лѣченію, потому что эта наука есть наука свободная ....

Черной Иванъ съ великою радостію предложилъ ему свой кошелекъ, честной человѣкъ опустилъ руку свою и вынулъ оттуда двѣ пистоли, потому что онъ ничего не писалъ, и тотчасъ Мизантропъ, послѣдуя совѣту своего адвоката, пустился въ дорогу, прошелъ чрезъ древній городъ Арлесъ, оставивъ вправѣ Низмесъ, а влѣвѣ Ангуесъ, Мортесъ и прибылъ въ

Монтпельеръ въ одинъ торжественный праздникъ.

ГЛАВА II.

Черной Иванъ въ Монтпельерѣ.

Черной Иванъ, пришедши въ Монтпельеръ, увидѣлъ множество отовсюда приходящихъ всякаго пола, возраста и состоянія богомольщиковъ; всѣ они приносили свои жертвы въ храмѣ, и изпрашивали у Эскулапа изцѣленія отъ всякаго рода болѣзней, совсѣмъ неизвѣстныхъ дикимъ Канадскимъ жителямъ.

Тамъ онъ видѣлъ страждущихъ Лангедокцовъ, съ осторожностію поддерживаемыхъ невольниками; — они съ умиленіемъ изъясняли Богу всѣ свои безпокойства и болѣзненныя ихъ дѣйствія, при-

чиняемыя судорожными движеніями.

Онъ видѣлъ тамъ казначеевъ, откупщиковъ, цѣловальниковъ, повѣренныхъ; они едва дышать могли въ многолюдной толпѣ и неотступно просили всякаго рода проносныхъ лѣкарствъ, дабы очистить глотку и гортань, и обѣщали за нихъ хорошія деньги.

Онъ видѣлъ тамъ Агличанъ зараженныхъ чахоткою. — Они одною рукою поддерживали острые свои подбородки, а другою спустившееся исподнее платье, и не имѣли болѣе силъ, какъ умственно молиться. И вотъ люди, которые произвели въ моемъ Героѣ большую жалость, потому что они имѣли тотъ задумчивый видъ, который ему никогда не былъ противенъ.

Онъ видѣлъ тамъ странниковъ, недавно пришедшихъ съ нѣкотораго острова, весьма ослабѣв-

шихъ отъ дороги; они изъясняли любовныя болѣзни пылкимъ Піитическимъ штилемъ, и просили Бога уменьшить ихъ страданія.

Онъ видѣлъ тамъ молодыхъ Нормандскихъ дѣвицъ, и ихъ весьма скоро узналъ. Всѣ онѣ были очень блѣдны, съ горестію жаловались на свои болѣзни и съ умиленіемъ просили Бога уменьшить ихъ страданія, причиненныя корыстолюбіемъ родителей, которые во зло употребляли права своей власти.

Мужественному Черному Ивану не стоило труда продраться сквозь стѣснившуюся толпу, дабы проникнуть во внутренность храма. Онъ увидѣлъ въ немъ разкрашеннаго идола (*), увѣнчаннаго травами и цвѣтами, держащаго въ одной рукѣ посохъ, а въ другой змію, а подлѣ ногъ его лежала собака; жертвенники ук-

(*) Эскулапа.

рашены были всякаго вида золотомъ изъ всѣхъ странъ свѣта, изъ Восточной Индіи, изъ Хили и изъ Перу привозимымъ; вокругъ его стояли въ безчисленномъ множествѣ юные и старые жрецы, и собирали драгоцѣнной металлъ въ большіе бархатные кошельки.

Черной Иванъ повергся предъ подножіемъ идола, положилъ предъ нимъ принесенную имъ изъ Квито хинхину, а изъ Китая чиспительной порошокъ; но одинъ изъ престарѣлыхъ жрецовъ далъ ему знакъ, что надобно положить нѣсколько Бразильскаго золота: и такъ онъ съ благоговѣніемъ вытащилъ свой кошелекъ и шесть изрядныхъ пистолей опустилъ въ назначенную для денегъ кружку.

Послѣ сего думалъ онъ, что уже можно совѣтоваться съ идоломъ, и ожидать тѣмъ болѣе благопріятныхъ отвѣтовъ, что въ

немъ не было болѣзней опасныхъ, и что не надобно было тутъ обоюдныхъ запросовъ; и такъ съ благоговѣніемъ спросилъ, какія были причины тридневной той лихорадки, которую онъ чувствовалъ на берегахъ Американскихъ, и отъ чего эта болѣзнь иногда уменьшалась, а иногда умножалась; отъ чего эта перемѣна случалась въ такое время, которое можно было примѣтить въ приливѣ и отливѣ. Идолъ ничего не отвѣчалъ. Черной Иванъ повторялъ раза три свой запросъ; но идолъ былъ глухъ и не хотѣлъ отвѣчать. Наконецъ мой Герой, вышедши изъ терпѣнія, съ поспѣшностію всталъ и просилъ у служителя посмотрѣть платья Рабелляя, сердечнаго своего друга. Служитель съ набожнымъ видомъ показалъ ему родъ стараго Испанскаго капишона. Критики никогда не хотѣли признать его за истин-

ное платье; и Черной Иванъ вышелъ изъ храма задумчивѣе прежняго.

ГЛАВА III.

Черной Иванъ встрѣчается съ Жидомъ.

Черной Иванъ пришелъ на квартиру и роптaлъ на молчаніе Оракула, которому не надлежало заставлять людей сомнѣваться въ своей вѣрѣ; онъ увидѣлъ богомольщиковъ, которые столько же были недовольны, какъ и онъ; — которые отъ многихъ странствованій чрезвычайно изсохли. . . . Черной Иванъ, посмотря на свой кошелекъ и на свою сухощавость — а! я вижу, сказалъ, что адвокатъ Аикской справедливо говорилъ, что лѣкари Монтпельерскіе имѣютъ силу лѣчить всякаго рода бо-

лѣзни.... Они ихъ вылѣчиваютъ — конечно вылѣчиваютъ.

Въ задумчивости своей онъ еще повторилъ разъ .... они ихъ вылѣчиваютъ ...., какъ увидѣлъ въ углу одного странника, которой казался ему здоровѣе другихъ, это былъ честной Израильтянинъ, небольшой ростовщикъ, но впрочемъ пречестнѣйшій Жидъ изъ всей Иудеи .... Извините сударь, подошедъ къ нему, сказалъ Мизантропъ, вы кажетесь мнѣ очень здоровыми; вы видно не на богомолье пришли въ Эпидавръ! — Я здоровъ какъ Даніилъ по милости Бога Израилева; у меня нѣтъ никакой внутренней болѣзни, и нѣтъ никакой заразы; я имѣю только на кожѣ маленькой знакъ болѣзни, наслѣдственной въ моемъ колѣнѣ; я пришелъ было посовѣтоваться съ идоломъ, но онъ такъ же нѣмъ, какъ и жрецы Навуходоносоровы. —

Вы, государь мой, можетъ быть не далеко отсюда живете? — Это правда, я квартирую въ Бурдо, а живу въ Іерусалимѣ, и произхожу по прямой линіи отъ великаго Патріарха Авраама; а вы? — Черной Иванъ не зналъ, что на это сказать: а я, я какъ Мельхиседекъ .... Онъ закусилъ губы и замолчалъ. Жидъ продолжалъ говорить сильными выраженіями о своихъ праотцахъ, о призваніи Авраама, о его вѣрѣ, о его послушаніи, о несомнѣнныхъ Божіихъ обѣщаніяхъ, о старости Исааковой, о старшинствѣ Исава, о хитрости Іакова, внушенной ему матерью его, о числѣ дѣтей рожденныхъ отъ Рахили и Ліи, о его рабыняхъ, о Іосифѣ, которой истолковалъ сонъ Фараону и сдѣлался его Министромъ, о Моисеѣ, его женѣ Сепфорѣ, о казняхъ Египетскихъ, о чудесномъ прохожде-

нiи чрезъ Чермное море, о маннѣ ниспадшей въ пустынѣ, о прибытiи Израильтянъ въ Обѣтованную землю, кипящую млекомъ и медомъ .... Еще хотѣлъ было онъ говорить о обрядахъ Левитскихъ, о Судiяхъ, Царяхъ, о Маккавейскихъ книгахъ и о разсѣянiи; но Черной Иванъ перервалъ его рѣчь при словахъ о землѣ, кипящей млекомъ и медомъ. Позвольте, государь мой, сказать, я иду не изъ Обѣтованной земли, а изъ страны неблагодарной, гдѣ наблюдаются великiе посты и длинная дiэта; я чувствую сильной голодъ, и вы сами можете догадаться, что желудокъ мой очень тощъ. — Такъ отужинаемъ вмѣстѣ, сказалъ Жидъ, и вы успокоитесь; я прикажу изготовить ужинъ по правиламъ хорошаго метода.

ГЛАВА IV.

Черной Иванъ ужинаетъ съ Жидомъ.

Въ то время, какъ Жидъ справлялся на кухнѣ о супѣ и соусѣ, какъ онъ бранился съ хозяйкою за то, что она ему съ учтивостію предлагала свиныя ноги и уши — и какъ сей Израильтянинъ на жаркое кололь упику, то Черной Иванъ съ угрюмымъ видомъ думалъ о родословіи. . . .

Когда садовникъ, говорилъ онъ самъ себѣ, видитъ весьма толстое дерево, которое гордо возвышаетъ свою вершину, съ величествомъ простираетъ свои вѣтьви и обѣщаетъ множество плодовъ: то не думаетъ онъ тогда о томъ зернѣ, изъ котораго сіе дерево выросло. Это чрезвычайно странно, что Жидъ хвалится вѣрою Авраамовою и мудростію Мои-

сеевою. Не уже ли онЪ думаетЪ симЪ загладить свое подлое имя ростовщика? Когда онЪ будетЪ часто напоминать о добродѣтеляхЪ своихЪ праотцевЪ — уже ли праведный БогЪ напоминаніе вмѣнитЪ ему вЪ добродѣтель, и за то, что говоритЪ часто — АвраамЪ, АвраамЪ! — взойдетЪ ли онЪ вЪ царство небесное? Такая же исторія и нашего корабельнаго Капуцина; онЪ хвалился тѣмЪ, что родился отЪ незаконорожденнаго праотца, произшедшаго изЪ одного знатнаго дому, но сдѣлается ли онЪ отЪ этого лучшимЪ? — Такая же исторія и тѣхЪ петиметровЪ, которые вЪ биліяртныхЪ и вЪ кофейныхЪ комнатахЪ разсказываютЪ о добродѣтеляхЪ ихЪ праотцевЪ, о тѣхЪ старинныхЪ РыцаряхЪ, которые нашивали латы и шишаки, и которые отЪ тяжелыхЪ оружій

вѣ поляхѣ дремали и спали на открытомѣ воздухѣ.

Мизантропѣ хотѣлѣ думать еще о многихѣ такихѣ же исторіяхѣ; но Жидѣ, сердясь на кухарокѣ Лангедокскихѣ, которыя всякое кушанье составляютѣ изѣ свинины, возвратился, и сѣвши на стулѣ какѣ Профессорѣ, сталѣ спрашивать Черняго Ивана, о его дарованіяхѣ, ремеслѣ, званіи и о томѣ, какимѣ образомѣ живетѣ онѣ вѣ свѣтѣ.... Государь мой! снявши шляпу, сказалѣ сѣ униженіемѣ Черной Иванѣ, я сперва былѣ Священникѣ, такѣ какѣ тѣ Патріархи, о которыхѣ вы теперь говорили — я былѣ площаднымѣ Парижскимѣ кучеромѣ; наборщикомѣ у типографщиковѣ улицы Св. Іакова; я отправлялѣ должность Королевскаго библіотекаря; — Ѣздилѣ по морю сѣ Аббатомѣ вѣ Перу, для замѣчаній Астрономиче-

скихъ; я объѣхалъ кругомъ землю, а теперь меня вы здѣсь видите. — Были ли вы въ Іерусалимѣ? — Нѣтъ, я объ немъ и не знаю. — Такъ по этому вы ничего не видали; что же вы оттуда вывезли? — Довольно печали, довольно и ненависти противъ цѣлаго свѣта, и съ 40 пистолями, которыя я берегъ для покупки книгъ и маленькой частицы земли. — Книгъ! Естьли вы купите книги нашихъ Раввиновъ, этого для васъ будетъ довольно. Земли! вы глупо сдѣлаете, естьли на сіи деньги купите землю; — положите лучше ихъ въ торгъ, и онѣ принесутъ вамъ прибыли во сто разъ больше.

Между тѣмъ поставили худо изготовленную и очень высушенную утку. Черной Иванъ съ голоду ее съѣлъ; однакожъ бранилъ своего товарища за то, что онъ

былъ на кухнѣ, и доказывалъ, что кухмистеры Французскіе въ своей наукѣ искуснѣе Жидовъ Бордокскихъ. — Честнаго Израильтянина, привязаннаго къ своей вѣрѣ, сіи слова опечалили.

ГЛАВА V.

Черной Иванъ отъѣзжаетъ съ Жидомъ въ С. Папуль.

На другой день Жидъ, по совершеніи своихъ молитвъ, кои онъ отправлялъ, обратясь на Востокъ предъ окошкомъ, спросилъ моего Героя, не угодно ли ему итти съ нимъ въ Бурдо, чтобы тамъ положить деньги въ процентъ. — Нѣтъ, сказалъ Черной Иванъ, вспомнивъ о прежнемъ Суратскомъ купцѣ. — Вы мнѣ поможете вынести мой сундукъ. — Конечно — а что у васъ въ немъ? . . . Жидъ показалъ

ему маленькіе крестики, маленькія распятія для дамъ, а большіе кресты и разпятія для церквей Христіанскихъ, чаши, потиры, ризы. — Это не возможно, сказалъ Черной Иванъ; ужиная съ вами, я васъ считалъ за ревностнаго Израильтянина. Но посмотря на вашу торговлю, я совсѣмъ думаю о васъ другое. — И я такъ же почиталъ тебя человѣкомъ ко всему способнымъ, какъ услышалъ, что ты обошелъ кругомъ шаръ земной — но примѣтивъ твое удивленіе, я совсѣмъ думаю теперь о тебѣ другое. Въ Константинополѣ Жиды торгуютъ чалмами; а я во Франціи торгую крестами: чемужъ тутъ дивиться? Я обманываю нѣкоторыхъ древнихъ Левитовъ въ нижнемъ Лангедокѣ и въ Гвинейской провинціи — чтожъ это за порокъ?

Я не странствовалъ такъ, какъ ты, по цѣлому свѣту; но видѣлъ Жидовъ торговавшихъ свининою, Турокъ виномъ, иконоборцовъ образами, Атеистовъ четками; я видѣлъ Аглинскаго рѣзчика, которой обработывалъ статуи, и Голландскаго живописца, писавшаго образа, и оба трудились для Католической церкви; я видѣлъ невѣрнаго, показывающаго нетлѣнныя тѣла; Аббатовъ занимающихся театральными сочиненіями, и всему этому я ни мало не удивлялся. Всякой думаетъ достать себѣ какъ нибудь хлѣбъ, а торговля всѣ пороки закрываетъ. Я самъ, сказалъ Черной Иванъ, видѣлъ Перувіанцовъ, Патагоновъ, Китайцовъ, Готтентотовъ, Караибовъ, Алгонкинцовъ и Ирокіанцовъ; но чрезвычайно меня удивило все, что вы мнѣ теперь ни сказывали. Куда же дѣвались начальныя правила,

мнѣнія, религія и совѣсть? — Куда же дѣвалась твоя спина, мнѣ надобно навьючить на нее этотъ сундукъ, отвѣчалъ Жидъ? Черной Иванъ въ изумленіи и въ замѣшательствѣ нагнулъ свою спину и пошелъ съ Жидомъ чрезъ Б.... чрезъ Н. ... и Каркаконію въ С. Папуль.

Наши путешественники по всѣмъ мѣстамъ продавали маленькіе кресты и распятія набожнымъ людямъ, а богатыя матеріи старымъ Священникамъ, потому что молодые не столько еще прославились, и притомъ имъ нужно было прежде украшенія церквей убрать собственные свои домы и накупить серебряныхъ тарелокъ для стола своего. Наконецъ послѣ пятидневнаго похода въ разчетахъ и ѣздѣ, послѣ того, какъ добродушной Жидъ больше двухъ сотъ

разъ божился за товары свои, они пришли въ С. Папуль.

ГЛАВА VI.

Черной Иванъ встрѣтился съ служителемъ Эскулапіева храма.

Черной Иванъ совсѣмъ не расположенъ былъ служить Жиду, которой всѣхъ обманывалъ и клялся своею совѣстію, чтобы удобнѣе было продавать свои товары; Черной Иванъ рѣшился наконецъ его оставить ... Государь мой! сказалъ онъ въ одно утро безъ сердца, конечно вы честнѣе всѣхъ Жидовъ; но позвольте сказать, что сундучокъ вашъ нѣсколько тяжелленекъ, вы будете дѣло имѣть со всѣми Священниками С. Папульскими и казначеями; я желаю вамъ хорошаго барыша,

прощайте. — Прощайте, отвѣчалъ ему Жидъ, до свиданія на полѣ Іосафатовомъ .... Такимъ образомъ они разстались.

Черной Иванъ пошелъ изъ С. Папуля въ Тулузу, и думалъ о поступкахъ и о совѣсти Жида, какъ нечаянно встрѣтился съ однимъ солдатомъ, которой въ это время кричалъ, клялся, шумѣлъ, понуждалъ свою лошадь, билъ и заставлялъ ее итти.

Герой мой, смотря на глупаго кавалера, которой везъ въ чемоданѣ барабанъ, едва могъ въ немъ узнать пономаря храма Монтпельерскаго .... Это вы, сказалъ онъ ему съ сумнительнымъ видомъ, вы показывали мнѣ платье Рабеллея? — Я, отвѣчалъ солдатъ ему съ усмѣшкою, я къ вашимъ услугамъ; я былъ подъ искусомъ; привыкалъ къ своему званію, и

показывалъ платье Рабеллея, а теперь везу указъ съ собою. — Это не возможно; а барабанъ! — Барабанъ! я его купилъ въ Каркассонѣ, даю имъ знать о себѣ на ярмонкахъ и на рынкахъ. — Это не возможно. — Я пойду въ многолюдныя собранія, забью въ барабанъ, и мѣщане и мужики — всѣ сбѣгутся. — Это не возможно. — Я тогда покажу свои грамоты, или доказательство моей бабушки, и они всѣ вытаращатъ на меня глаза. — Это не возможно. — Я употреблю риторическія фигуры изъ моихъ записныхъ тетратокъ, и они всѣ разинутъ ротъ. — Это не возможно. — Я покажу роспись аптекарскимъ лѣкарствамъ, и ихъ въ ужасъ приведутъ печальные припадки человѣчества. — Это не возможно. — Я обѣщаюсь ихъ вылѣчить отъ всѣхъ болѣзней; и они мнѣ въ томъ

легко повѣрять. — Это не возможно. — Я родился въ Гасконіи, но скажу имъ, что я Персіянецъ и первой Медикъ Великаго Могола; я имъ покажу вмѣсто Докторскихъ моихъ аттестатовъ Синодикъ и приходскія поминанья, и при томъ объявлю имъ, что это патенты Короля Камбога и Китайскаго Императора, и они этому повѣрятъ какъ своему Катихизису. — Это не возможно. — Я не стану ихъ лѣчить, но они всегда будутъ почитать меня искуснымъ Докторомъ, а наслѣдники платить станутъ мнѣ дорого. — Это не возможно. — Но нѣтъ ли тутъ нѣсколько шарлатанства! — Шарлатанства! оно вездѣ существуетъ .... и выговоривъ эти слова, онъ поѣхалъ по дорогѣ въ Ломбардію; а Герой мой продолжалъ итти въ Тулузу.

ГЛАВА VII.

Черной Иванъ плыветъ по рѣкѣ Гарумнѣ въ Бурдо.

Черной Иванъ, котораго меланхолія заставляла думать часто объ одной вещи, дорогою безпрестанно твердилъ: вездѣ существуетъ шарлатанство. Онъ прошелъ и Тулузу, но все тѣ же слова повторялъ; переплылъ Гарумну и возвратился въ Бурдо, но все занимался сею мыслію.

Вездѣ существуетъ шарлатанство, такъ — оно существуетъ въ книгахъ, въ рѣчахъ, въ предисловіяхъ, въ эстампахъ, въ заглавіи книжекъ, даже и на самыхъ поляхъ; я это очень примѣтилъ, живучи въ улицѣ Святаго Іакова.

Оно существуетъ въ Авторахъ и Греческихъ и Римскихъ, въ Ри-

торахъ, въ Философахъ, въ нравоучительныхъ и медицинскихъ книгахъ; я это очень примѣтилъ, находясь въ библіотекѣ Королевской.

Оно существуетъ во всѣхъ мнѣніяхъ, въ выраженіяхъ, въ модахъ, въ нарядѣ, въ румянахъ и головныхъ дамскихъ уборахъ; я это видѣлъ въ Парижѣ.

Оно существуетъ въ шляпахъ, въ чалмахъ, въ калпакахъ, въ капишонахъ, въ поясахъ, въ каретахъ, въ ливреяхъ и въ высокихъ башмачкахъ; я это видѣлъ во время моего странствованія.

Шарлатаны повсюду — подъ экваторомъ и подъ полюсами, въ островахъ и на матерой землѣ, въ Азіи, въ Африкѣ, въ Америкѣ, въ Европѣ и на всѣхъ берегахъ Гарумны.

Оно существуетъ въ горахъ, въ срединѣ и на концѣ земли, въ плодоносныхъ долинахъ, въ песчаныхъ поляхъ, въ городахъ и въ степяхъ.

Оно существуетъ въ Китайскихъ капищахъ, въ Татарскихъ поляхъ, въ Европейскихъ дворахъ, въ хижинахъ Алгонкинскихъ, въ шалашахъ Караибскихъ, въ жилищахъ Готтентотскихъ и въ училищахъ Суратскихъ.

Черной Иванъ остановился, и это сдѣлалъ онъ хорошо; мнѣ удивительно кажется, что онъ такъ дерзко говорилъ о шарлатанствѣ на дорогахъ и на берегахъ Гарумны. Естьли бы гдѣ нибудь скрывался тамъ какой либо лицемѣръ, и его подслушалъ, конечно бы онъ донесъ на Мизантропа какъ на вора, какъ на беззаконника .... и по томъ ... Мизантропъ говорилъ еще о злости

женщинъ. Чтожъ касается до меня, я не знаю, кто злобнѣе — чья злость продолжается долѣе — лжесвятовъ ли — сихъ праведныхъ сердецъ — или лицемѣровъ.

ГЛАВА VIII.

Черной Иванъ отъѣзжаетъ изъ Бурдо въ Ангулемъ.

Черной Иванъ не долго пробылъ въ Бурдо, потому что не любилъ безпокойнаго шуму; онъ побѣжалъ оттуда чрезвычайно шибко и въ безпамятствѣ своемъ въ то время, какъ хотѣлъ миновать одну тяжелую повозку, навьюченную декораціями и комедіантами, наткнулся на дышло кареты одного Прелата, ѣхавшаго въ Парижъ.

Я нещастливъ, сказалъ онъ, поднимая свою шапку, которая

отъ удара упала у него съ головы. Я безъ всякой опасности плылъ по океану Атлантическому, по морямъ Индѣйскому, Южному и Сѣверному; миновалъ всѣ опасныя мѣста, пески и подводные камни, а теперь пришелъ въ Бурдо ушибиться о каретное дышло....

Конечно сей Прелатъ оставляетъ свою Епархію для славы Божіей; можетъ быть онъ ѣдетъ ко двору къ должности проповѣдника, можетъ быть ѣдетъ подавать челобитную на непослушнаго Священника; но когда Его П.... боль прошла, и онъ пересталъ говорить.... Боль опять началась, и онъ такъ же началъ.... когда бы сей почтенной мужъ ѣздилъ не въ каретѣ, его бы не меньше стали почитать; и я такъ же попросилъ бы у него благословенія.... Боль уменьшилась, и онъ говорилъ,

это не худо, что Кардиналы богаты; что они въ нашемъ вѣкѣ представляютъ изъ себя нѣчто важное .... Боль начиналась, и онъ опять началъ .... когда бы нашъ Первосвященникъ ѣздилъ верхомъ на лошади или на ослѣ, отцы Тридентинскаго собора такъ же бы стали ѣздить; а когда бы онъ пошелъ пѣшкомъ, то и прочіе Пастыри такъ же бы стали ходить.... Больше онъ ничего не сказалъ. Эту маленькую горячность произвело то первое движеніе, которое никогда за грѣхъ не почитается.

Отъ самаго Бурдо даже до Ангульма Мизантропъ во всю дорогу роптaлъ на повозку, навьюченную комедіантами и декораціями, за то, что она была причиною его удара.

Что станутъ дѣлать въ Бурдо всѣ эти комедіанты, сказалъ онъ? Не уже ли они такъ нужны

государству, что не можно безъ нихъ обойтись? Голландцы не имѣютъ ихъ на мысѣ Доброй Надежды, а Агличане въ Филадельфіи; но не уже ли они отъ того меньше щастливы? Развѣ нѣтъ въ Бурдо Капуциновъ? не уже ли столько надобно театральныхъ одѣяній и столько декорацій, для проповѣдыванія добронравія? Когда кто говоритъ о поправленіи нравовъ, надобно тому показать въ самомъ себѣ неизпорченныя правила — какъ поступали древніе Философы. Комедіанты имѣютъ ли тотъ видъ, чтобы показывать эту исправность нравовъ? способны ли они къ поправленію нашихъ странностей? не больше ли еще они въ насъ вкореняютъ оныхъ? Естьли въ свѣтъ входитъ какое нибудь обыкновеніе, смѣшная мода, не актеры ли часто бываютъ тому причиною? Комедію представить

лучшею, это конечно зависитъ отъ комедіантовъ. Онъ повторилъ эти слова болѣе пяти сотъ разъ; онъ повторялъ ихъ и тогда, какъ входилъ въ городъ Ангулему.

ГЛАВА IX.

Черной Иванъ отъѣзжаетъ изъ Ангулема въ Поатье.

Герой мой изъ Ангулема пошелъ въ Поатье, и все жаловался на боль свою, и ругалъ комедіантовъ, ѣхавшихъ въ Бурдо для проповѣдыванія добронравія. Какъ онъ шелъ чрезвычайно медленно, то удобно было ему примѣтить между Руфеномъ и В. повозку, которая ѣхала изъ Бурдо въ Парижъ; онъ подошелъ къ толстому кучеру и его униженно просилъ, чтобы посадилъ его съ собою только до Поатье за .... Съ охотою, от-

вѣчалъ кучеръ и остановился; я люблю служить честнымъ людямъ во время ихъ усталости ....

Черной Иванъ тотчасъ сѣлъ на повозку между молодымъ перукмахеромъ и молодою торговкою насупротивъ Капуцина, которой сидѣлъ между молодыхъ купцовъ, грозившихъ ему отрѣзать бороду; добродушной Капуцинъ смѣялся тому съ своими товарищами, потому что необходимо должно смѣяться, сидя въ повозкѣ для прогнанія дорожной скуки; но Черной Иванъ того стыдился и не говорилъ ни слова.

Въ повозкѣ они можетъ быть въ полчаса столько насказали праздныхъ словъ, сколько не насказали бы Сеевескіе чулошники и въ недѣлю. Черной Иванъ всего стыдился и ничего не говорилъ. Можетъ быть въ часъ столько было наговорено лживостей, сколь-

ко на берегахъ Гарумны и Адуры не наговорятъ и въ мѣсяцъ: Черной Иванъ стыдился всего и не говорилъ ничего. Всякой изъ нихъ разсказалъ свою родословную, кромѣ одного Капуцина, которой давно уже можетъ быть объ ней говорилъ; Черной Иванъ краснѣлъ и не говорилъ ничего.

Они всѣ были Гасконцы, и имѣли въ своихъ земляхъ отцовъ и богатыхъ дѣдушекъ, дядьевъ и сосѣдовъ, Бургомистровъ и Капуциновъ; Черной Иванъ стыдился и не говорилъ ничего.

Молодой перукмахеръ ѣхалъ въ Парижъ учиться модамъ и биться на шпагахъ, учиться танцованью, учтивости и политикѣ; Черной Иванъ того стыдился и ничего не говорилъ.

Модные купцы, которые были опредѣлены на то, чтобы жить въ лавкахъ улицы Св. Гонорія, ѣха-

ли въ Парижъ для свиданія съ своими тетками, съ сестрицами, съ богатыми вдовами, которыя обѣщались ихъ сдѣлать послѣ себя наслѣдниками; Черной Иванъ стыдился этого и ничего не говорилъ.

Послѣ сего въ повозкѣ какъ въ кабинетѣ Государей занялись политикою. Молодой перукмахеръ разсуждалъ объ интересахъ Европы, Хана и Курфирстовъ; онъ проникалъ въ тайны Версаліи, и зналъ то, что Государь на ухо шепталъ одному изъ своихъ Министровъ; Черной Иванъ стыдился этого и не говорилъ ничего. Такимъ-то образомъ путешественники забавлялись на дорогѣ; такъ-то кормилицы забавляютъ дѣтей своихъ и разсказываютъ имъ сказочки о волшебницахъ и мертвецахъ. Между тѣмъ мы пріѣхали въ Поатье; Черной Иванъ тихонько слѣзъ съ повозки у город-

скихъ воротъ по ихъ съ кучеромъ договору.

ГЛАВА X.

Черной Иванъ на дорогѣ посѣщаетъ Луд. Фон. и Шин.

Черной Иванъ, которому гораздо сдѣлалось полегче отъ удара, слѣзъ съ повозки и пошелъ пѣшкомъ по своему обыкновенію; черезъ С. для разсмотрѣнія Л. Ф. и Ш. городовъ.

При вступленіи въ Л. Мизантропъ впалъ въ такую задумчивость, какой не имѣлъ ни въ улицѣ Св. Іакова, ни въ Королевской библіотекѣ, ни на кораблѣ, ни въ повозкѣ.

Въ сихъ-то стѣнахъ, съ глубокимъ вздохомъ, сказалъ онъ, Священникъ Миньонъ обвинялъ слав-

наго Грандіера въ волшебствѣ! здѣсь-то одного Статскаго Совѣтника изключили изъ общества церковнаго! здѣсь-то изъ набожничества притворяются, что будто дьяволъ ими дѣйствуетъ! здѣсь призываютъ демона въ свидѣтельство, и здѣсь-то сожгли одного честнаго Пастора за то, что онъ отрицалъ Астаруша, Грера и Бегемота.

Вышелъ онъ изъ сего города съ такимъ страхомъ, какъ будто бы Пантагрюель схватилъ его за шею и не давалъ ему дохнуть; онъ пошелъ въ Ф. и безпрестанно думалъ о Луденскихъ урсюлинахъ, дьяволахъ и о жестокомъ допросѣ, сдѣланномъ Пастору, служившему въ приходѣ С. Петра въ Л... Сердце у него билось, и онъ неутѣшно плакалъ; онъ задрожалъ, вспомнивши исторію о невинныхъ осужденныхъ на смерть; а при-

мѣтивъ у стѣны Фон. . . онъ и самъ трепеталъ, хотя былъ честной человѣкъ и доброй Христіанинъ.

Въ то время забылъ онъ всѣ разсказы о С. и не вспомнилъ о Агличанинѣ основателѣ его, скинулъ свою шляпу предъ славнымъ монастыремъ; нѣсколько времени ничего не говорилъ, а наконецъ въ изступленіи сказалъ. . . я много читалъ старыхъ и новыхъ исторій въ библіотекѣ Королевской; я во многихъ бывалъ земляхъ; видалъ разныя учрежденія, обычаи и нравы въ Парижѣ, въ Лимѣ, въ Китаѣ и въ Канадѣ, но никогда не видалъ любопытнѣе заведенія Роберта Абрисселя.

По томъ онъ пошелъ по Хиноньской дорогѣ, и что-то начиналъ говорить. . . Надобно признаться, что много есть въ свѣтѣ странныхъ людей. Конечно

природа не сдѣлала женщинъ для того, чтобы господствовать надъ мущинами. Для чего же Робертъ далъ власть первымъ надъ послѣдними? для чего же прежде смерти своей онъ далъ власть одной И.... какъ надъ женщинами, такъ и надъ мущинами? Абельярдъ, которой также былъ Агличанинъ, не меньше въ этомъ страненъ, и всѣ Агличане очень странны. Окончавъ сіи слова, онъ взошелъ въ Хинонь.

Сей городъ, какъ всякой извѣстенъ, есть отечество Рабеллея. Герой мой, которой никогда не могъ надивиться воздвигнутымъ монументамъ, въ честь побѣдителямъ за то, что они много погубили народу, по прибытіи спросилъ о домѣ одного нравоучительнаго шутника, и за удовольствіе почелъ посмотрѣть тотъ монументъ, которой напоминалъ ему о семъ борзомъ писцѣ, кото-

рой нѣкогда разсѣвалъ его задумчивость.

По сказкамъ Рабеллея можно сказать, что нынѣ сыщется больше людей пріятныхъ и честныхъ, притомъ и не такихъ гонителей, каковы прежде бывали; однако я съ большею трудностію могу сему повѣрить. Бранливой Рабеллей обязанъ былъ благодарностію Меудону за стараніе въ самое то время, какъ Аббатъ Аміотъ получилъ въ награду Беллозанское Аббатство за то единственно, что перевелъ Элетію Ѳеагены и Клариклеи. Въ наше время большая часть сочинителей пишетъ только одни обиды и одни гоненія; ихъ самихъ ненавидятъ, а книги ихъ любятъ. Конечно я не одобряю ихъ комедіи; однакожъ не менѣе удивляюсь, что уважаютъ на театрѣ актеровъ, когда они по-

чти изключены изъ цѣлаго общества. Любезной читатель! извини меня за сіи маленькія размышленія, кои не стоютъ Мизантроповыхъ разсужденій.

ГЛАВА XI.

Черной Иванъ выѣзжаетъ изъ Хинона въ М.

Я возвращаюсь къ моему Герою, которой выпивши въ Хинонѣ бутылку добраго Анжунскаго вина за здоровье Г. Рабеллея, пошелъ въ Туръ, а оттуда въ крѣпость Луаръ, изъ Луара въ М. а изъ М. въ. . . Въ какую провинцію? въ какой уѣздъ? на какую гору? въ какой лѣсъ? вотъ чего я не знаю, и чего онъ самъ не зналъ! Онъ о томъ не думалъ, а считалъ свои пистоли, которыхъ число простиралось до тритцати. . . Деньги —

прекрасное дѣло, сказалъ онъ, и за удовольствіе поставлялъ считать ихъ. Я видѣлъ сороку, которая стучала своимъ носомъ по ефимкамъ, ей даваемымъ, по томъ била своими крыльями; я изъ этого заключилъ.... вотъ страсть корыстолюбивыхъ считать безпрестанно свои деньги.... Вотъ все, что онъ сказалъ на дорогѣ изъ Хинона до самаго Тура.

На пути Луарскаго замка нравоучитель начиналъ уже размышлять.... естьли я не употреблю ни на что нибудь своихъ денегъ, то онѣ будутъ для меня безполезны; естьли же я ими стану торговать на морѣ, то я подвергну свое имѣніе опасностямъ бури, пучинъ, песковъ, подводныхъ камней и морскихъ разбойниковъ; естьли же буду торговать на сухомъ пути, то не меньшимъ безпокойствамъ подвергнусь; ку-

жецъ, торгующій хлѣбомъ, ничего не получаетъ, а напротивъ торгующій бездѣлицами пріобрѣтаетъ очень много. Есть еще много такихъ промысловъ, которыхъ я не могу согласить съ совѣстію: такое-то ремесло того Жида, которой торговалъ распятіями. Естьли я отдамъ свои деньги въ общество, я буду безпрестанно бояться вѣроломства своихъ товарищей, обману повѣренныхъ: въ такомъ состояніи былъ одинъ Суратской купецъ. Естьли я ихъ отдамъ въ проценты, то безъ всякаго опасенія останусь: но можетъ быть сыщутся такіе заимодавцы и такіе попы, которые принудятъ меня отдать тотъ барышъ, которой я выигралъ.

Нѣтъ, лучше купить маленькую часть земли.... Вотъ заключеніе, какое онъ наконецъ вывелъ изо всѣхъ сихъ посылокъ, входя въ

Луарской замокЪ; и онЪ чрезвычайно былЪ доволенЪ, что нашелЪ рѣшеніе этой задачи; онЪ повторялЪ сіе заключеніе во всю дорогу.... я возвращусь вЪ Гульмскую землю, я тамЪ буду дышать природнымЪ воздухомЪ, найду мои прежнія забавы вЪ Гатингѣ; я вспомню обо всѣхЪ удовольствіяхЪ моей юности, построю себѣ домикЪ при какой нибудь рѣчкѣ, стану обработывать маленькую земельку собственными своими руками; я изЪ того получу и хлѣбЪ и аппетитЪ: у меня нѣтЪ книгЪ, но я стану читать книгу Картезія и книгу всея природы, начну сбирать травы, буду цѣлые дни разсуждать о величествѣ БожіемЪ, о цвѣтахЪ, о зернышкѣ травы.... Состроивъ сіи прекрасные замки, онЪ пришелЪ вЪ Ману, поужиналЪ очень хорошо, сЪ удовольствіемЪ

легЪ на постелю и заснулЪ столь крѣпко, что никогда такЪ не сыпалЪ.

ГЛАВА XII.

Черной Иванъ входитъ къ Менскому Священнику.

Мысли утреннія не всегда похожи бываютЪ на вечернія; но Черной ИванЪ всталЪ задумчивымЪ по обыкновенію своему. Воображеніе его не представляло ему ни благополучнѣйшихЪ Гульмской земли крестьянЪ, ни цвѣтовЪ, ни зелени. Во всей дорогѣ показывались ему только нещастія горести и законы нѣсколько странные....

ЕстьлибЪ я возвратился вЪ Гульмскую землю, то СвященникЪ и всѣ его прихожане сказали бы: вотЪ незаконорожденной! нѣтЪ,

мнѣ лучше остаться у дикихъ Ирокійцовъ.

Я бы построилъ на берегу рѣчки хижинку, но опасаюсь, чтобы тотъ сержантъ, которой столько разъ сѣкалъ меня прутьями то за дикой терновникъ, то за кусточки, то за листочки, опять не прибѣжалъ и подъ именемъ лѣсника не разорилъ бы бѣдной моей хижинки, подобно тому городу, которой отдается на разграбленіе. Нѣтъ, я за лучшее сочту поселиться въ лѣсахъ Канадскихъ.

Куплю маленькое поле! но въ купчей, о которой говорилъ мнѣ Французскаго острова купецъ кто за меня поручится? Я бы его сталъ обработывать! я бы сдѣлалъ его лучшимъ, но сборщикъ подашей, которой по нѣкоторому праву отнялъ у меня наслѣдство мо-

его дѣдушки по этому же праву послѣ моей смерти завладѣетъ моею землею. Естьли бы мое владѣніе перешло въ госпиталь, я бы съ удовольствіемъ теперь купилъ его; но оно достанется какому нибудь Господину, и онъ будетъ пользоваться моими трудами и моимъ потомъ; и все это, за чѣмъ я плавалъ по морямъ, будетъ принадлежать ему; онъ же получитъ и тысячу рублей, данныхъ мнѣ моимъ благодѣтелемъ! Это будетъ для него же, что я полтора года читалъ въ Парижѣ Латинской молитвенникъ, не знавши ни слова Латинскаго языка! .... Онъ не договорилъ .... упалъ съ берегу въ ровъ и лежалъ безъ голосу и безъ движенія.

Я не знаю, что бы тамъ съ нимъ случилось, естьли бы Провидѣніе не послало приходскаго Священника. Онъ, проходя мимо

его, сжалился надЪ нимЪ, подошелЪ и спросилЪ его: за чЂмЪ онЪ такЪ поздо лежитЪ на дорогЂ; вить уже ночь на дворЂ. Государь мой! сказалЪ опамятовавшись Черной ИванЪ, я размышлялЪ о своей участи. — ГдЂ твое отечество? Мое отечество — я его не имЂю; это-то и есть причина моихЪ размышленій. — Откуда вы идете? — Откуда я иду? на это надобна по крайней мЂрЂ цЂлая недЂля, чтобы вамЪ о томЪ пересказать: я иду изЪ Перу, изЪ Бразиліи, изЪ Китая, изЪ Канады, изЪ Бурдо, изЪ Антильскихъ острововЪ, помнится также мнЂ изЪ Ангулема, изЪ Тура, изЪ Луарскаго замка и изЪ города Виндина. — Что вы тамЪ дЂлали? — Я все дЂлалЪ. — Я былЪ площаднымЪ кучеромЪ, приводилЪ вЪ порядокЪ буквы, продавалЪ книги, читалЪ молитвен-

никЪ, и вотЪ теперь здѣсь.....
ЧеловѣкЪ такихЪ свойствЪ понравился добродушному попу; и какЪ была ночь и не было тутЪ постоялаго дома, то СвященникЪ попросилЪ учтивымЪ образомЪ моего Героя кЪ себѣ вЪ домЪ, чтобы узнать попространнѣе его путешествія. Черной ИванЪ, примѣтивЪ вЪ семЪ добродушномЪ человѣкѣ качества своего благодѣтеля, сЪ удовольствіемЪ принялЪ ласковое предложеніе его, и отправился сЪ нимЪ вЪ домЪ его.

ГЛАВА XIII.

Черной ИванЪ основалЪ свое жилище вЪ домѣ Священника.

Добродѣтельной Пастырь сперва посадилЪ моего Героя за ужинЪ, и по томЪ заставилЪ его разсказывать свою исторію .... Вы про-

шли весь свѣтъ, но ничего не нашли, кромѣ печалей; у васъ нѣтъ отечества, и такъ останьтесь у меня; я васъ сдѣлаю моимъ библіотекаремъ и садовникомъ, потому что я люблю цвѣты ....

Вотъ уже Черной Иванъ, для разсѣянія своего горя, поселился въ приходской избѣ вмѣстѣ со старымъ Священникомъ и со старою набожною служанкою. Уже принужденъ по причинѣ странности своей судьбы сдѣлаться смотрителемъ и надъ книгами и надъ цвѣтами Жансениста.

Этотъ добродушной Священникъ получилъ наслѣдство послѣ троихъ дядьевъ, послѣ стараго попа — какого-то стряпчаго — охотника до старинныхъ вещей, и послѣ Лѣкаря Астронома; и вотъ по чему можно судить о тѣхъ книгахъ, которыя составляли библіотеку его;

оранжерея его наполнена была разными иностранными осоками — и вотъ по чему можно судить о цвѣтникѣ его.

Черной Иванъ принялся за свою должность, вступилъ въ библіотеку, бѣгалъ въ ней по всѣмъ ея угламъ, видѣлъ и въ листъ и въ маленькомъ форматѣ всякаго сорта покрытыя пылью книги; всѣ пересмотрѣлъ на нихъ подписи, и тихонько съ досадою сказалъ .... естьли бы пришелъ какой нибудь Турокъ и сію библіотеку разорилъ до основанія, право очень бы мало отъ того потеряли науки. Такъ здѣсь-то, сказалъ Герой мой, буду я въ ненастное время обитать. — Точно такъ, отвѣтствовалъ добродушной старикъ, это ваша забава во время ненастья; сюда-то будете приходить для разогнанія вашей пасмурной грусти, и станете лѣчиться отъ вашей

задумчивости и отЪ всѢхЪ прискорбностей, испытанныхЪ вами вЪ ПарижѢ и во всѢхЪ вашихЪ путешествіяхЪ, какЪ на сухомЪ пути, такЪ и на морѢ, вЪ Перу и вЪ КитаѢ. — Государь мой! вы великую сдѢлали для меня милость; но естьли кЪ нещастію не льзя будетЪ ею пользоваться, такЪ какЪ я долженЪ; естьли скучно будетЪ вЪ вашей библіотекѢ; естьли задумчивость будетЪ меня тревожить и среди вашихЪ книгЪ; естьли. . . О! вы тогда подите вЪ цвѢтникЪ, поступайте такЪ какЪ пчела, летайте сЪ цвѢточка на цвѢточикЪ; естьли вы устанете, собирая цвѢты учености вЪ Жансеніи, вЪ ГонетѢ, вЪ ЖерберонѢ и вЪ МонжеронѢ, подите вЪ цвѢтникЪ и рвите гіацинты, гвоздику и розу, и естьли угодно, присовокупите кЪ нимЪ чертопо-

лохъ и кудрявой волчецъ. — Кудрявой волчецъ! государь мой, я въ немъ не имѣю нужды; къ щастію Священникъ не очень вслушался въ слова его — и они пошли прогуливаться.

ГЛАВА XIV.

Черной Иванъ въ библіотекѣ.

На другой день пошелъ дождь, и Черной Иванъ, почитая больше мертвыхъ, нежели живыхъ Священниковъ, пошелъ въ библіотеку, съ полминуты стоялъ въ нѣкоемъ восхищеніи, нѣсколько разъ читалъ на дощечкѣ начерченную большими буквами надпись: нещастной писатель .... Это значитъ что нибудь, сказалъ онъ; это можетъ быть ключь книгъ, для писателей послѣдней моды; досадно, что я не знаю по Латыни .... Эта надпись не что дру-

тое была, какъ названіе книги *Сифелія*, въ двухъ Частяхъ, въ осьмушку.

Повторяя сію надпись, онъ увидѣлъ въ углу добродушнаго Геродота, Ктезія, Ксенофонта, дряхлаго Мането — всѣ они покрыты были пылью и изъѣдены червями.... Кажется, что почтенной мой хозяинъ, которой говоритъ съ такимъ краснорѣчіемъ о нашемъ Николаѣ Корнетѣ и Церковной Исторіи, не охотникъ до древней Исторіи; впрочемъ она очень хороша и очень величественна — посмотримъ .... Ассирійская Имперія несравненно старѣе свѣта, но ея начало весьма кажется темнымъ. Начнемъ съ Сарданапала...; онъ читалъ Леклатфалассара, Сеннахериба, Набаролассара, Евимеродаха, Лаборозохорда ... Охъ! сказалъ онъ, какая куча имянъ! поищемъ исторію Готтентотовъ, она мо-

жетъ быть еще древнѣе .... Онъ не нашелъ ее, потому что Готтентоты не имѣли ни побѣдителей, ни Геродота: и такъ пошелъ къ Манетону и вдругъ запутался въ трехъ стахъ и одной династіи сего Автора. Охъ! сказалъ онъ, какое смятеніе! какъ обезображена древность! Что же бы онъ сказалъ, естьли бы услышалъ о древности Китайцовъ, Индѣйцовъ, о которыхъ никто еще не говорилъ, и которая въ нынѣшнія времена производитъ великой шумъ въ Философскомъ свѣтѣ.

По томъ отдохнувши немножко, посмотримъ теперь, сказалъ онъ, новѣйшую исторію: она должна быть гораздо яснѣе. Ему попался Сижебертъ, Григорій Турской, Павелъ Эмилій. Съ виду всѣ они казались людьми честными, простодушными, безъ прикрасъ, безъ болтовства, но немножко

легковѣрными. Черной Иванъ переворачивалъ ихъ съ терпѣніемъ свойственнымъ библіотекарю, и нашелъ во многихъ мѣстахъ разбросанныя маленькія басенки, которыя ни мало не стоили Греческихъ басенъ .... Удивительно, сказалъ онъ, что Гальскіе побѣдители остались въ забвеніи, между тѣмъ какъ Сисіонъ, Аргосъ, Мисенесъ, Аѳиняне и Лакедемоняне столько прославились .... Впрочемъ мнѣ нѣтъ нужды до сихъ старинныхъ исторій; я удивляюсь древнему Герою такъ же, какъ и новѣйшему Патагонцу; однакожъ я бы съ радостію прочиталъ что нибудь о о Иванѣ или Яковѣ Сѣромъ, коего наслѣдники отняли у меня имѣніе, доставшееся мнѣ послѣ дѣдушки.... Онъ ничего не нашелъ въ разсужденіи правительства древней исторіи Ассиріянъ, Е.. и А... Онъ нашелъ Габріеля Мулина и Массе-

вилля; но не нашелЪ Нормандской исторіи, которой онЪ искалЪ.

Для чего же Черной ИванЪ не искалЪ исторіи Римской, я обЪ этомЪ не знаю, любезной читатель; я довольно увЂренЪ, что Герой мой мало заботился о республикЂ, дышавшей одною войною, и обЪ исторіи наполненной кровію всЂхЪ націй.

ГЛАВА XV.

Черной ИванЪ перебЂгалЪ Академическія библіотеки.

На другой день Черной ИванЪ, прогуливаяся вЪ поповомЪ саду среди гіацинтовЪ и ренункуловЪ, думалЪ обЪ Исторіи и говорилЪ громкимЪ голосомЪ . . народы, за звЂрями гоняющіеся, не имЂютЪ Исторіи; у народовЪ, стада пасущихЪ, также ее нЂтЪ; а мы знаемЪ Исто-

рію только военныхъ народовъ, Исторію наполненную смертоубійствами и сраженіями... Этотъ великой знатокъ и толкователь старинныхъ книгъ, которой служилъ при Королевской библіотекѣ, повидимому не зналъ ни Исторіи париковъ, ни забавной повѣсти Галловъ, но никто еще не зналъ ни Исторіи неба, ни Оперы Бюффона; Исторіи компаній Индѣйскихъ, Исторіи гадательства, ни учрежденія ея, Исторіи насѣкомыхъ, Исторіи поселенцовъ, Исторіи растеній.

Но я возвращаюсь къ моему Герою, которой взошелъ въ библіотеку, влекомъ будучи непреодолимою къ ней склонностію, и всегда руководствуемъ любопытствомъ, причинявшимъ нещастіе человѣческому роду. Онъ сдѣлался веселѣе прежняго, и послѣдуя словамъ честнаго отца, леталъ отъ книги

къ книгѣ, какъ пчела перелетающая съ цвѣточка на цвѣточикъ.

Ему тотчасъ попались въ М. десять талантовъ данныхъ и возвращенныхъ.... Это точно, сказалъ онъ, есть одинъ изъ молитвенниковъ честнаго отца, ибо онъ очень избитъ... Ему встрѣтилась книга о Жансенизмѣ; поля всѣ исписаны замѣчаніями, щитъ Гонета, которой показался ему очень увѣсистъ; ему встрѣтились и другія Латинскія книги, но онъ въ нихъ ничего не понималъ.

Онъ пересмотрѣлъ Академическія сочиненія, увидѣлъ сочиненіе о рабствѣ и о видѣніяхъ — они ему показались весьма короткими, и онъ записалъ ихъ въ свою книжку. Онъ видѣлъ также критическое сочиненіе о существѣ Бога... Много я видалъ, сказалъ онъ, въ Королевской библіотекѣ Лексиконовъ критическихъ, разсужденій

критическихъ, разговоровъ критическихъ, исторій критическихъ, писемъ критическихъ, записокъ критическихъ, наблюденій критическихъ, размышленій критическихъ, но никогда не видалъ еще критическаго сочиненія о существѣ Божіемъ.... Эту книгу онъ и не разкрывалъ; и, продолжая разсматривать Академическія сочиненія, увидѣлъ онъ Францисканца, Менота, славнаго кухмистера, похвалу дурачеству ученаго Эразма и послѣ приговоръ, опредѣленной на сожженіе Симона Морина, котораго однакожъ заставили умереть въ домѣ сумасшедшихъ, такъ какъ прежде уморили славнаго Эона, Британскаго дворянина, которой по сумазбродству своему говорилъ, что онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, во имя того, которой пріидетъ нѣкогда судить міръ.

Служанка весьма кстати пришла къ Черному Ивану, чтобы предупредить его горестныя размышленія; онъ конечнобы сталъ еще думать о дѣлѣ Симона и оНоѣ Бедѣ, о собраніи Сорбонскомъ, которое повелѣло разсмотрѣть творенія Эразмовы и называть Автора глупымъ, безбожникомъ и врагомъ Іисуса Христа, Святыя дѣвы Маріи и всѣхъ Святыхъ.

ГЛАВА XVI.

Черной Иванъ посѣщаетъ древнихъ Схоластическихъ Богослововъ.

Священникъ, отхлебавши похлебку, спросилъ весьма учтиво Чернаго Ивана, нашелъ ли онъ удовольствіе въ библіотекѣ и въ цвѣтникѣ его. — Мало сударь,

съ вашего позволенія сказать; я примѣчаю въ себѣ, что я часъ отчасу болѣе дѣлаюсь задумчивѣе. — Такъ вы по этому не всѣхъ еще видѣли нашихъ Докторовъ! — Нѣтъ сударь, я служилъ цѣлой годъ въ Королевской библіотекѣ, но никто меня не спрашивалъ о сихъ Докторахъ; а теперь совершенно надѣюсь ихъ увидѣть. Въ самомъ дѣлѣ онъ не дождался дезерту и отправился въ библіотеку почтеннаго Пастыря: тамъ увидѣлъ онъ собраніе упомянутыхъ учителей; тутъ онъ увидѣлъ въ Капуцинскомъ видѣ Дюнза, Аккама, Алеза; всѣ они съ остервенѣлостію спорили о Философіи Аристотелевой; онъ увидѣлъ Дюранда Сентъ-Пурсеня, которой съ тѣмъ унесъ у него оплечье, чтобы гораздо удобнѣе было рѣшить школьныя задачи; — стараго остров-

скаго Аленя, въ уголкѣ о чемъ-то думавшаго, и Раймонда Люлле чрезвычайно страннаго, съ черною долгою бородою, имѣющаго на плечахъ красное исподнее платье, на головѣ кубикъ, а въ рукѣ колпакъ. Тутъ лежатъ вверху и внизу; назади и по сторонамъ Суаресъ, Албертъ великой, Васкезъ и Саншесъ. Суаресъ опирался на дватцати-трехъ большихъ томахъ, и въ рукѣ держалъ трактатъ о законахъ; великой Албертъ окруженъ былъ дватцатью-одною толстыми книгами, и они такъ сказать всего его закрывали; Васкезъ нѣжно покоился на десяти томахъ, а скромной Саншесъ имѣлъ только подлѣ себя четыре маленькіе тома, съ одною книгою о супружествѣ. Черной Иванъ никакъ не понималъ ни языку, ни споровъ сихъ учителей; но надменной видъ облокотившихся на толстые стол-

пы книгъ своихъ; гордая осанка окруженныхъ томами, какъ побѣдоносными трофеями; грозное чело прочихъ, ихъ угрюмой голосъ, — ихъ софизмы, а особливо образцовое сочиненіе Раймонда Люлле, красное его исподнее платье и кубикъ толикое произвели въ моемъ Героѣ впечатлѣніе, которой прошелъ Западной океанъ и Южныя моря, что упалъ онъ навзничь и съ добрые полчаса лежалъ безъ памяти; нѣсколько образумившись разкрылъ онъ для разсѣянія своихъ мыслей сперва записную свою книжку, по томъ Іеремiады Ивана Готевильскаго, достойнаго ученыхъ Героевъ товарища, а наконецъ маленькаго въ двѣнатцатую долю Нормандскаго Чернаго Ивана съ нѣкоторыми бумагами, касающимися до споровъ Богословскихъ и его разсужденія. . . Какъ!

вЪ свѣтѣ бывалЪ Черной ИванЪ! монахЪ и БогословЪ Сейской! которой толковалЪ КатихизисЪ...! поссорился сЪ своимЪ ЕпископомЪ и умерЪ вЪ темницѣ. Да былЪ ли онЪ преемникомЪ Дювальи, Мулинета, Бертода, Дангина, Тюргота и другихЪ начальниковЪ церкви Французской ?....... Что же бы онЪ сказалЪ, естьли бы зналЪ Аррантра, кротчайшаго изЪ человѣковЪ, разумнѣйшаго изЪ ПрелатовЪ, возобновителя храмовЪ, которыхЪ онЪ есть первѣйшимЪ украшеніемЪ.

ГЛАВА XVII.

Черной ИванЪ сдѣлался боленЪ послѣ посѣщенія библіотеки.

ВидЪ вооруженныхЪ СхоластиковЪ, процессЪ и тюрьма учителя Ивана Чернаго толикое произвели во всѣхЪ жилахЪ Мизантропа содроганіе, столько перемѣшали чув-

ственное его воображенie, что онѣ совершенно не могѣ ни спать, ни ужинать.

Старой Священникѣ, тронутой состоянiемѣ своего гостя, поутру рано засталѣ его на постели, совѣтовалѣ ему вмѣсто лѣкарства скушать кусокѣ жаренаго вѣ винѣ хлѣба и читать Ѳемистокла и Докторовѣ Портроальскихѣ. — Докторовѣ Портроальскихѣ! государь мой, вы мнѣ напоминаете о скукѣ, которою я мучился вѣ улицѣ Св. Iакова. Арнодѣ, Николай, Пасхаль, могли бы быть весьма великими людьми; но дѣло Жансениста, котораго они вѣ судѣ обвиняли, ихѣ сдѣлало нѣсколько нечувствительными. — Вы говорите о лучшихѣ писателяхѣ того вѣка, вѣ которомѣ Арнодѣ сочинилѣ Грамматику, науку мыслить и вѣчное существованie вѣры. — Это такѣ, но онѣ много писалѣ про-

тивъ Малебранша и противъ нравоученія Езуитовъ; я помню объ этомъ. Николай писалъ разсужденіе о человѣческой вѣрѣ, о законныхъ предразсудкахъ, о единствѣ церкви и о нравоученіи. — Такъ — но онъ писалъ въ угодность Жансенистовъ, и перевелъ все это на Латинской языкъ, я и это помню. — Пасхаль написалъ о коническихъ раздѣленіяхъ и надѣлалъ нѣсколько провинціальныхъ писемъ. — Пасхаль! я объ немъ ничего не говорю; онъ никогда не безпокоилъ меня скукою въ улицѣ Св. Іакова, а много забавлялъ меня на морѣ: признаться надобно, я никогда не читывалъ лучшихъ и забавнѣйшихъ писемъ; и есть бы сожгли всѣ книги Жансенистовъ, то надобно бы сберечь провинціальныя письма, какъ совершенной образецъ самыхъ прекраснѣйшихъ любовныхъ сочиненій.

По сихъ словахъ старая служанка взошла съ жаркимъ, и набожной отецъ пошелъ читать свой молитвенникъ въ самую ту минуту, когда солнце садится; онъ никогда его не читывалъ поутру, потому что не любилъ славословить солнцева восхожденія.

ГЛАВА XVIII.

Чернаго Ивана посѣщаетъ деревенской Лѣкарь.

Черной Иванъ, съѣвши половину жаркова, вскочилъ съ радостнымъ удовольствіемъ, однакожъ не сталъ читать Ѳемистокла, но пошелъ прогуливаться и думать о своей скукѣ, которая въ немъ часъ отъ часу умножалась.

Лозы, азбука, обиды его товарищей, частые удары сержанта,

трагическая смерть его дѣдушки, строгой выговоръ отца Луизона опять начинали потрясать чувствительные его органы.

Путешествіе изъ Парижа, труды въ улицѣ Св. Іакова, побѣги его въ городъ, упражненіе въ Королевской библіотекѣ — все это прибавило много печалей къ дѣтской его грусти. Онъ умножилъ грусть свою въ Бразиліи, въ Перу, въ Китаѣ, въ Суратѣ, въ Могульскихъ и Антильскихъ островахъ. Съ самаго его возвращенія, встрѣча съ Жидомъ, въ Бурдо каретной толчокъ, размышленія его на дорогѣ Аленсонской, еще болѣе потрясли жизненныя его нервы, видъ Схоластиковъ поставленныхъ въ строй, темница Архидіакона Сеескаго, сходство именѣ, увеличили его грусть и произвели въ немъ боль.

Такимъ-то образомъ прогуливался онъ въ саду, или лучше сказать, онъ не прогуливался, а шатался какъ упившійся человѣкъ и топталъ ногами цвѣты. Между тѣмъ почтенной отецъ привелъ сельскаго Оператора, за которымъ нарочно посылали; это былъ родъ знатнаго петиметра; онъ на рукѣ носилъ кольцо и ни о чемъ не сумнѣвался.... Государь мой! сказалъ онъ Мизантропу, посмотрѣвши у него пульсъ, вы очень больны и больны больше, нежели вы о томъ думаете; у васъ болитъ затылокъ, плеча, поясница и ноги; языкъ сухъ, желудокъ засоренъ, брюхо надуто, и у васъ запоръ. Вы должны принять раза три слабительное и пустить кровь, чтобы получить зрѣніе. Время надобно ловить, и скорѣе принять тритцать грановъ ялапу и со-

рокѣ пять грановѣ ипекакуанги; естьли этого будетѣ не довольно, прибавьте проноснаго тартару, и послѣ увидите: теперь подите вы спать и будьте спокойны. Я о томѣ подумаю... сказалѣ Черной Иванѣ, и больше не говорилѣ; они разстались — Операторѣ пошелѣ обѣдать, а Герой мой прогуливаться, потому что считалѣ онѣ прогулку здоровѣе, нежели лежать на постели.

ГЛАВА XIX.

Черной Иванѣ совѣтуется сѣ Астрономами, и написалѣ свою духовную.

Эскулапѣ молчаливѣ, прогулившись сказалѣ Черной Иванѣ; я спрашивалѣ его вѣ храмѣ о междусуточной лихорадкѣ, которая меня безпокоила на берегаАхѣ ме-

риканскихъ, но онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ; но вотъ сельской Докторъ-онъ его опытнѣе .... По томъ онъ два раза прокричалъ .... какъ я нещастливъ! Какая же моя участь?... По томъ посмотрѣлъ онъ на него, и пошелъ въ библіотеку совѣтоваться съ Астрономами.

Тутъ ихъ много было — какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ; они собраны были дядею Лѣкарскимъ. Изъ древнихъ были Албумазаръ, Гефестіонъ, Матернусъ и Массагалла; а изъ нынѣшнихъ Рогеръ Баконъ, Арнодъ Вилленевъ и Петръ Аильской; назади и возлѣ ихъ Разисъ, Ависенъ и множество другихъ Араповъ, коихъ Черной Иванъ не зналъ. Одни разсматривали сферу небесную, а другіе чело Императора, иные руки Королевины, а прочіе внутрен-

ность цipленка; одни носили клабуки, другie исподнее платье: на одномъ только была красная шапка — и всѣ они столько были страшны и свирѣпы, что Герой мой тотчасъ оттуда вышелъ для написанiя своей духовной, и поручивши свою душу Богу, написалъ ее по формѣ такимъ образомъ....

Хозяину моему оставляю гардеропъ и двадцать девять пистолей, у меня оставшихся, и прошу его отдать одну изъ моихъ простыней обмывальщицѣ съ тѣмъ, чтобъ она не брала моихъ наволочекъ.

Вырыть мнѣ могилу при входѣ кладьбища для того, чтобы старой какой нибудь мужикъ не сталъ роптать за то, что меня положили близъ его прадѣдовъ.

Каждому изъ благочестивыхъ собратiй дать по четкамъ, однакожъ съ тѣмъ условiемъ, чтобы

они, возвратившись домой, читали обо мнѣ молитвы.

Послѣ погребенія раздѣлить полотно нищимъ, хлѣбъ бѣднымъ бродягамъ; инструменты мои лѣнивцамъ, косынки пригожимъ дѣвицамъ, которымъ не на что ихъ купить; восемь пистолей старухамъ, у которыхъ нѣтъ приданаго, и которыя начинаютъ тѣмъ скучать; остатокъ, куда хотятъ, дѣваютъ, а особенно на чищеніе запылившихся книгъ въ библіотекѣ.

ГЛАВА XX.

Черной Иванъ исповѣдуется и умираетъ.

Какъ скоро Герой мой пересталъ писать, взошелъ почтенной отецъ, которому онъ вручилъ свою бумагу и говорилъ ему....

Государь мой, любезной мой благодѣтель! я вижу, что печаль срываетъ цвѣтъ моего возраста, и что небо скоро окончитъ мои печали; исповѣдуйте меня, возмите эту духовную и публикуйте ее.

Какъ стали читать молитву, онъ въ то время раскаивался въ нѣкоторыхъ дерзостяхъ и грѣхахъ своей молодости:

Въ своей злости, которая въ дѣтствѣ началась, съ возрастомъ умножилась, а по томъ сдѣлалась главнымъ его свойствомъ, и была причиною всѣхъ его худыхъ словъ и поступокъ.

Въ досадѣ на товарищей своихъ, называвшихъ его выблядкомъ, и на сборщика податей, завладѣвшаго хижиною его дѣдушки.

Въ тѣхъ неудовольствіяхъ, которыя онъ чувствовалъ въ Парижѣ, какъ набиралъ длинную роспись Прокуроровъ и подьячихъ —

у типографщиковъ въ улицѣ С. Іакова, какъ печаталъ Исторію Жансенизма — въ библіотекѣ Королевской, какъ раздавалъ публикѣ читать книги, или самъ ихъ читалъ; — онъ раскаивался въ своемъ хладнокровіи къ честности всѣхъ на свѣтѣ женщинъ — въ разсѣяніи мыслей своихъ, когда съ Аббатомъ читывалъ молитвенникъ на такомъ языкѣ, котораго не разумѣлъ — въ колкихъ своихъ размышленіяхъ и въ длинныхъ ругательствахъ противу всѣхъ Европейцовъ...

Во всѣхъ разговорахъ, какъ онъ самъ съ собою бесѣдовалъ по большимъ дорогамъ, и оскорблялъ своего ближняго — а особливо въ томъ, что онъ сказалъ въ первомъ движеніи сердца послѣ того, какъ ушибся въ Бурдо о карету.

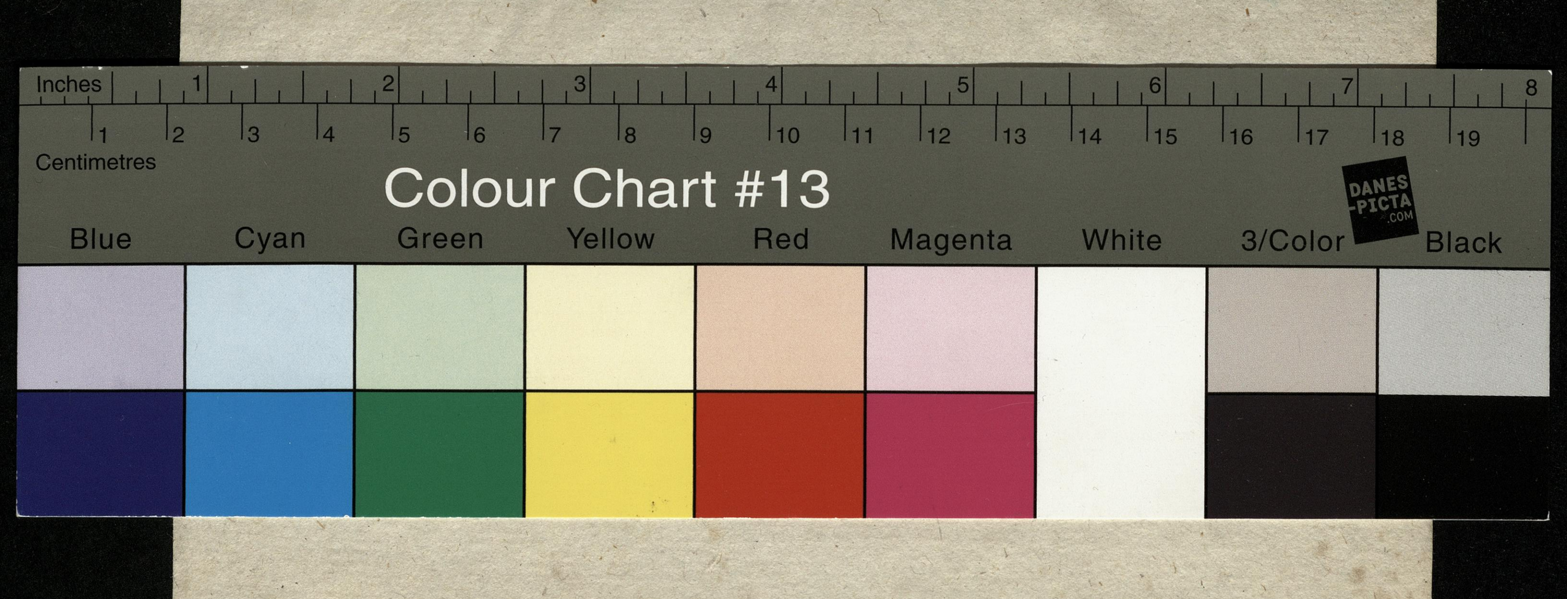
Въ томъ, что бранилъ новѣйшихъ Богослововъ, смѣшавшихъ Бого-

словію съ Аристотелевою Философіею; что ненавидѣлъ Алберта Гроота, Іоанна Дюна и Раймонда Люлла, и что спрашивался у Астрономовъ о будущей своей участи.

Послѣ сей исповѣди Герой мой съ благоговѣніемъ у Бога испрашивалъ прощенія, а у Священника благословенія; по томъ безъ всякаго прискорбія оставилъ свѣтъ на тритцать восьмомъ году своего возраста, девятнатцатаго Августа 1700....

КОНЕЦЪ.

Inches
Centimetres
Colour Chart #13
DANES-PICTA.COM
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black

